

Институт истории, языка
и литературы Уфимского
научного центра Российской
академии наук

ISSN 1814-1692

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

УФИМСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Выпуск 11. 2011

Издается с 1998 г. 1 раз в год

СОДЕРЖАНИЕ

Редколлегия:

Г.Н. ГАРУСТОВИЧ, кандидат
исторических наук
Р.Б. ИСМАГИЛОВ, кандидат
исторических наук
В.Г. КОТОВ, кандидат
исторических наук
В.В. ОВСЯННИКОВ, кандидат
исторических наук
Н.С. САВЕЛЬЕВ, кандидат
исторических наук
А.Х. ПШЕНИЧНЮК, кандидат
исторических наук
Ш.В. НАФИКОВ, кандидат
филологических наук
С.Л. ВОРОБЬЕВА,
отв. секретарь редколлегии

Адрес редакции:

450054, г. Уфа, пр. Октября, 71
Институт истории, языка и
литературы Уфимского
научного центра Российской
академии наук

Оригинал-макет подготовила
Чиняева Алсу Филхатовна
Компьютерная верстка:
А.Ф. Чиняевой
Компьютерный набор авторов

Подписано в печать 2014 г.
Формат 60x84¹/₈
Бумага офсетная
Гарнитура «Times»
Печать офсетная
Уч.-изд.л. 14,6
Усл.-печ.л. 13
Тираж 500 экз.

Отпечатано на оборудовании
Института истории, языка и
литературы УНЦ РАН
Тел.: (347) 235-60-50

© ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011
© Редколлегия УАВ, 2011
© Коллектив авторов, 2011

Статьи и публикации

Сериков Ю.Б.

Раннепалеолитический бифас из окрестностей Нижнего Тагила 5

Котов В.Г., Денисов И.В.

Находка бифаса в Бурзянском районе Башкортостана 8

Исмагил Р.

Новый акинак марьчевского типа (Сашино, Башкортостан) 13

Гуцалов С.Ю.

Некоторые материалы из раскопок Г.А. Кушаева на территории
Уральского левобережья 16

Фёдоров В.К.

Курган 12 могильника Старые Киишки 28

Куфтерин В.В.

Новые антропологические материалы из Старо-Киишкинского
могильника 39

Шутелева И.А., Щербаков Н.Б.

Старо-Киишкинский курганный могильник: современное состояние 46

Овсянников В.В., Тагиров Ф.М.

Новые находки зооморфных поясных крючков из памятников
лесостепного Предуралья 50

*Зайков В.В., Султанова А.Н., Сиротин С.В., Овсянников В.В.,
Епимахов А.В., Юминов А.М.*

Состав древнего золота Башкортостана 53

Зыков А.П.

Об этнокультурной ситуации в Среднем Прикамье в эпоху Великого
переселения народов 66

Гарустович Г.Н.

Погребальный обряд Бакалинского курганного могильника эпохи
средневековья 81

Материалы XVIII Уральского археологического совещания (Уфа, Башгоспедуниверситет, 11-16 октября 2010 г.)

Зайков В.В., Юминов А.М., Зайкова Е.В., Котляров В.А., Таиров А.Д., Зданович Д.Г., Ткачев В.В.

Включения осмия в золотых изделиях из курганов Южного Зауралья как индикаторы источников металла 96

Рафикова Т.Н.

Основные итоги изучения материальной культуры бакальского населения 97

Сарапулов А.Н.

Орудия для обработки зерна и сбора урожая на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья 100

Казаков Е.П.

Об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в гуннское время 102

Руденко К.А.

Исследования Тетюшского II городища в Татарстане в 2007-2009 гг. (к вопросу об этнокультурной ситуации в Предволжье в I тыс. н.э. – первой половине II тыс. н.э.) 103

Попов П.В.

К вопросу об этнокультурных компонентах в составе огузов 104

Макаров Л.Д.

Проблемы хронологии русских памятников Вятского края 105

Кочнев А.В.

Некоторые аспекты изучения вооружения и военного дела населения севера Западной Сибири в XII-XVI вв. 107

Монахова Е.А.

К эволюции погребального обряда в средневековой Исландии (по материалам саг) 108

Вострикова Т.П.

Шумящие украшения в работах археологов Верхнего Прикамья XIX-XX вв. 109

Ванюшева К.В.

Роль межличностных коммуникаций в профессионализации провинциальной археологии в России (конец XIX – начало XX в.) 111

Корепанов К.И., Обыденнов М.Ф.

Ситуационный подход в археологии и древней истории 112

Рецензии

Л.Ф. Недашковский. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., «Восточная литература», 2010, 351 с. 115

Персоналии

«О времени собирать камни» (к юбилею А.Х. Пшеничнюка) 118

Хроника

Резолюция XVIII Уральского археологического совещания (Уфа, Башгоспедуниверситет, 11-16 октября 2010 г.) ... 122

CONTENTS

Статьи и публикации

<i>Serikov Y.</i>	
Lower paleolithic biface from the vicinity of Nizhny Tagil	5
<i>Kotov V., Denisov I.</i>	
Biface find in the Burzian region of Bashkortostan	8
<i>Ismagil R.</i>	
New acinaces of the Marychev type (Sashino, Bashkortostan)	13
<i>Gutsalov S.</i>	
Some materials from the excavations of G. Kushajev on the left bank of the Ural river	16
<i>Fedorov V.</i>	
Barrow 12 of the burial ground Old Kiishki	28
<i>Kufterin V.</i>	
New anthropological materials from the Old Kiishki burial ground	39
<i>Shuteljeva I., Shcherbakov N.</i>	
The Old Kiishkinsky burial ground: state of the art	46
<i>Ovsyannikov V., Tagirov F.</i>	
New finds of zoomorphic cingulate hooks from the forest-steppe memorials of the ForeUrals	50
<i>Zaykov V., Sultanova A., Sirotin S., Ovsyannikov V., Epimakhov A., Yuminov A.</i>	
Composition of the ancient gold of Bashkortostan	53
<i>Zykov A.</i>	
The ethnic and cultural situation in the Middle Kama region in the Great migration period	66
<i>Garustovich G.</i>	
Funeral rites of the Bakaly burial ground from the Middle ages epoch	81

Materials of the XVIIIth Urals archaeological conference (Ufa, Bashkir State pedagogical university, October 11-16, 2010)

<i>Zaykov V., Yuminov A., Zaykova E., Kotlyarov V., Tairov A., Zdanovich D., Tkachev V.</i>	
On osmium inclusions in gold jewellery from the mounds of the South Transurals as indicators of sources of metal	96
<i>Rafikova T.</i>	
Highlights in studying the material culture of the Bakal population	97
<i>Sarapulov A.</i>	
Tools for processing of grain and for harvesting on the territory of the Perm ForeUrals in the Middle ages	100
<i>Kazakov E.</i>	
On the ethno-cultural situation in the Lower Kama area in the Hun time	102

<i>Rudenko K.</i>	
Research of the Tetyushy II settlement in Tatarstan in 2007-2009 (to the issue of the ethno-cultural situation in the Pre-Volga area in the I st millenium A.D. – first half of the II nd millenium A.D.)	103
<i>Popov P.</i>	
On the issue of ethno-cultural components in the Oghuzes' composition	104
<i>Makarov L.</i>	
Chronology problems of Russian sites in the Vyatka region	105
<i>Kochnev A.</i>	
Some aspects of the study of weapons and the military science of the population in the north of Western Siberia in the XII-XVI centuries	107
<i>Monakhova E.</i>	
To the evolution of the funeral rite in medieval Iceland (based on saga materials)	108
<i>Vostrikova T.</i>	
The rattling decorations in the works of archaeologists of the Upper AnteKama area of the XIX-XXth centuries	109
<i>Vanyusheva K.</i>	
The role of interpersonal communication in the professionalization of provincial archaeology in Russia (late XIX – early XX century)	111
<i>Korepanov K., Obydenov M.</i>	
Situational approach in archeology and in ancient history	112

Reviews

L. Nedashkovsky. Zolotoordynskiye goroda Nizhnego Povolzhja i ix okruga. M., Vostochnaya literatura, 2010, 351 p. ..	115
--	-----

Personalia

Time to collect stones (to A. Pshenichnyuk's jubilee)	118
---	-----

News items

Resolution of the XVIIIth Urals archaeological conference (Ufa, Bashkir State pedagogical university, October 11-16, 2010)	122
--	-----

РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ БИФАС ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ НИЖНЕГО ТАГИЛА

Ю.Б. Сериков

LOWER PALAEOLITHIC BIFACE FROM THE VICINITY OF NIZHNY TAGIL

Y. Serikov

Ключевые слова: каменные изделия, технология, бифас, нижний палеолит, Средний Урал

Двусторонне-обработанное изделие типа бифаса с отколотым концом (длина сохранившейся части 26,5 см) найдено в черте г. Нижняя Салда в 35 км от г. Нижний Тагил. Бифас изготовлен из серо-зеленоватого алевротуфа, его поверхность покрыта глубокой патиной. Минеральное сырье, техника изготовления и патинированность изделия позволяют отнести его к раннему палеолиту. Единичные бифасы меньшего размера известны в переотложенных комплексах Горбуновского торфяника. Сравнение с другими территориями показывает, что данное изделие обработано обычными приемами изготовления позднеашельских бифасов. Учитывая размеры бифаса, можно предполагать, что он относился к числу престижных изделий раннего палеолита.

Keywords: stone products, technology, bifaces, Lower Palaeolithic, Middle Urals

A bi-processed item of the biface type with a chipped end (the length of the preserved part 26,5 sm) was found within the boundaries of Lower Salda town, 35 km from the city of Nizhny Tagil. The bifaces had been made of gray-greenish alevrotuff, its surface is covered with a deep patina. Mineral raw materials, manufacturing technology and greening products allow to attribute it to the early Palaeolithic. Single bifaces of smaller dimensions are known in the redeposited Gorbunovsky peatland. Comparison with other areas demonstrates the ware to have been handled by the usual methods of manufacture of late Acheulian bifaces. Given the size of the biface, one can assume that it refers to prestigious wares of early Palaeolithic.

Памятники раннего палеолита на территории Среднего Зауралья чрезвычайно редки. В настоящее время известно 12 местонахождений, на которых собрано 156 каменных изделий. Причем, большая часть (102 экз.) происходит с одного памятника – Гальянской стоянки, остальные местонахождения представлены единичными находками. Следует подчеркнуть, что все памятники являются переотложенными. Поэтому каждая новая находка раннего палеолита представляет большой интерес для уральского палеолитоведения.

В октябре 1972 г. директор Нижнесалдинского краеведческого музея А.Н. Анциферов привез в Нижнетагильский краеведческий музей необычное каменное орудие типа кинжала или наконечника копья длиной 26,5 см. Оно было осмотрено автором и вследствие его сильной патинированности отнесено к палеолиту. Поскольку как раз в октябре того года в Нижнем Тагиле отмечался 250-летний юбилей со дня его основания, осмотреть место находки по свежим следам автору из-за его занятости не было возможности. Это удалось сделать только в апреле следующего года.

Город Нижняя Салда находится в 35 км к северо-востоку от Нижнего Тагила. Бифас найден мес-

тным жителем Волгиным, проживающим на ул. К. Маркса, 50. Дом находится на левом берегу неглубокого лога, через 80 метров впадающего в Нижнесалдинский пруд, через который протекает р. Салда.

Ремонтируя стенку обвалившегося подвала, Волгин на глубине 50-70 см от современной поверхности обнаружил каменное изделие. Видимо, во время находки от бифаса была отколота нижняя часть длиной не менее 7 см – скол в этом месте свежий. Находчик отдал изделие своему сыну, который долгое время держал его у себя. С этим временем можно связать появление на бифасе пришлифовки боковой поверхности у верхнего конца изделия. Пришлифовка имеет достоверно современное происхождение, так как она нарушила слой патины, покрывающей поверхность орудия. Она же показала, что бифас изготовлен из довольно мягкого материала. Со временем бифас попал в местный музей. Сейчас он хранится в Нижнетагильском музее-заповеднике.

Длина сохранившейся части бифаса 26,5 см. Первоначальная длина бифаса с учетом его очертаний могла достигать 33-34 см. Это очень крупное изделие, на Урале такие не известны. Бифас изготовлен из серо-зеленоватого алевротуфа. Из-

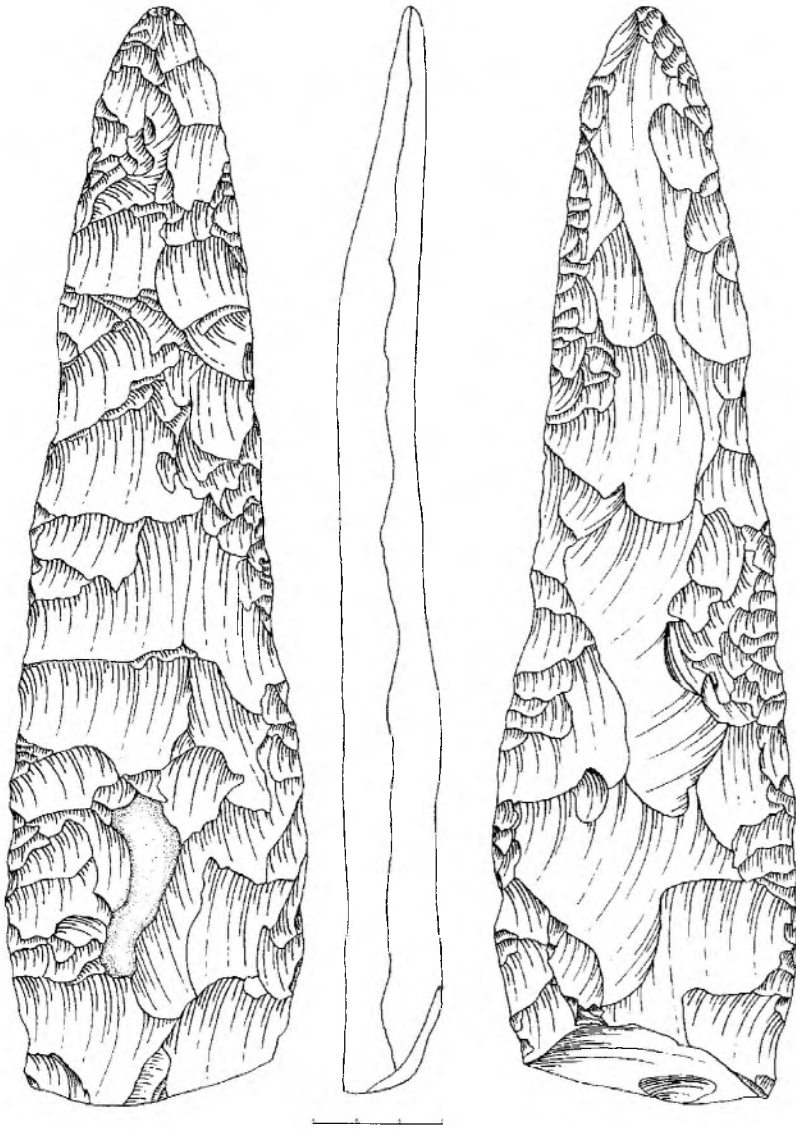

Рис. 1. Раннепалеолитический бифас из Верхней Салды

делия из подобной породы известны на мезолитических памятниках Уральские Зори III (скребло) и Амбарка (нуклеус), где они найдены во вторичном залегании [Сериков, 2000. С. 35, 38]. Бифас имеет вытянутую листовидную форму, изготовлен техникой оббивки, его боковые плоскости покрыты хорошо выраженными раковистыми сколами. Для придания изделию заданной формы после оббивки выступающие части бифаса были дополнительно обработаны мелкой отеской (видимо, мягким отбойником). Лезвия орудия слегка извилисты, что характерно для бифасов позднего ашеля и мустье. На одной из плоскостей сохранился небольшой участок галечной корки (рис. 1). Поверхность орудия покрывает глубокая патина толщиной около 1 мм. И минеральное сырье, и патина на территории Среднего Зауралья характерны только для раннепалеолитических изделий.

Находки бифасов в Зауралье известны. В 1985 г. при раскопках III Береговой стоянки Горбуновского торфяника П.К. Халяевым было обнаружено около десятка необычных каменных изделий. Они пред-

ставляли собой крупные и массивные отщепы с рельефно выраженными ударными бугорками и скошенными под тупым углом к плоскости скалывания ударными площадками. Кроме отщепов архаичного облика в комплексе находилось три массивных изделия типа бифасов.

Из трех бифасов только один сохранился целиком. Длина его 16 см, ширина 5,8 см, толщина – до 3 см. С двух сторон бифас обработан крупными и средними сколами до получения вытянутой слегка асимметричной листовидной формы (рис. 2). Аналогий данному изделию в каменном веке Урала нет. Второе изделие является сломанной верхней частью точно такого же бифаса. Длина сохранившейся части 9,3 см, ширина 5,3 см, толщина в месте слома 2,4 см. В технике изготовления обоих бифасов никаких различий нет (рис. 3, 1). Третье изделие по форме несколько отличается от вышеописанных. Судя по одинаковой толщине профиля, бифас изготовлен из плитки камня. К сожалению, он также сломан. Его длина 13,6 см, ширина 9,7 см, толщина 1,8 см. С двух сторон бифас обработан только крупными сколами (рис. 3, 2).

Все три изделия изготовлены из зеленоватого тонкозернистого песчаника, по структуре и окраске очень похожего на змеевик (серпентинит). Применение данного сырья на территории Среднего Зауралья зафиксировано впервые. Обычно в раннепалеолитическую эпоху использовались кремневые туфы и алевротуфы. Второе отличие архаичных изделий с III Береговой стоянки состо-

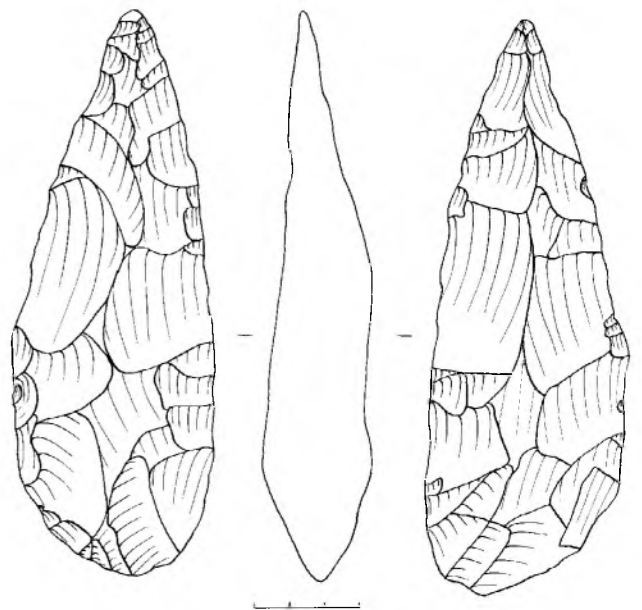

Рис. 2. Бифас с III Береговой стоянки Горбуновского торфяника

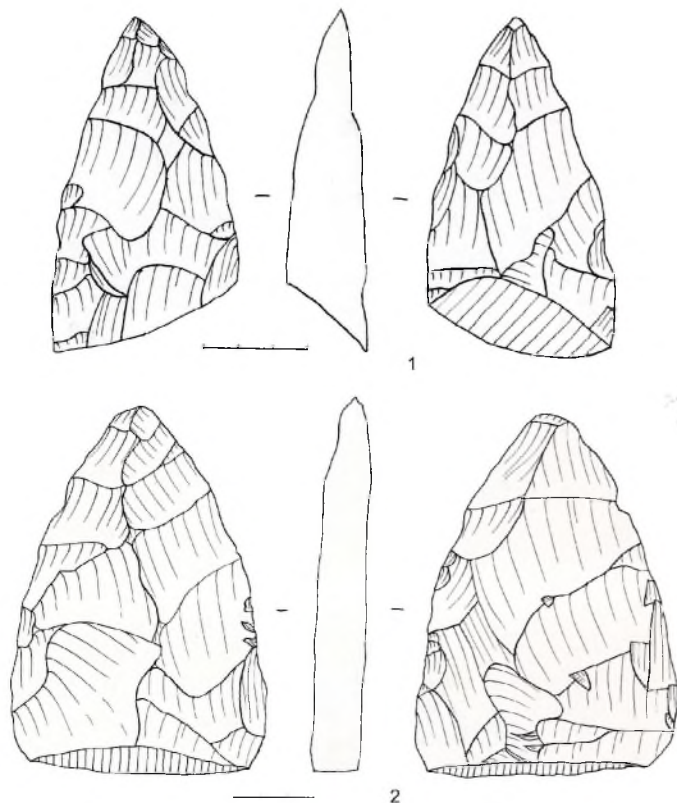

Рис. 3. Обломки бифасов с III Береговой стоянки Горбуновского торфяника

ит в том, что на них отсутствует патина. Все раннепалеолитические изделия, найденные на территории Среднего Зауралья, покрыты слоем патины различной толщины (от 1 до 2 мм). Наличие патины является важным признаком, по которому изделие может быть отнесено к раннему палеолиту. Здесь же тип изделий и техника их изготовления выглядят очень архаично, а патина отсутствует [Сериков, 2006. С. 20-24].

Сравнение бифаса из Салды с материалами ашельской и мустьерской эпох показывает, что данное изделие обработано обычными приемами изготовления позднеашельских бифасов. Но его длина (свыше 30 см) превосходит все известные на территории бывшего СССР бифасы. Обычно длина бифасов редко превышает 20 см. Только бифас из пещеры Цона (Южная Осетия) имеет длину около 25 см [Праслов, 1984. Рис. 36, 4]. Обломки бифасов, аналогичные по технике обработки и, возможно, длине известны на мустьерском местонахождении Хотылево на р. Десне (рис. 4, 1-2). Большой интерес представляет также бифас длиной 32,5 см из серого кремнистого сланца, найденный еще 60 лет назад на острове Сахалин [Табарев, 2009. С. 331]. Самый крупный на территории Северной Америки палеолитический бифас имеет длину около 25 см [Там же. С. 313]. Учитывая размеры и технику изготовления бифаса из Салды, можно предполагать, что он

относился к числу престижных изделий раннего палеолита и являлся показателем социального или иного статуса его владельца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Праслов Н.Д. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М., 1984.

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.

Сериков Ю.Б. Новые находки раннего палеолита на территории Среднего Зауралья // Обдорские чтения. Материалы VI-VII регион. археологических конф. Вып. 4. Пермь, 2006.

Табарев А.В. Дело о спрятанных наконечниках (клады-тайники каменных изделий на территории Северной Америки) // Stratum plus. 2005-2009. № 1.

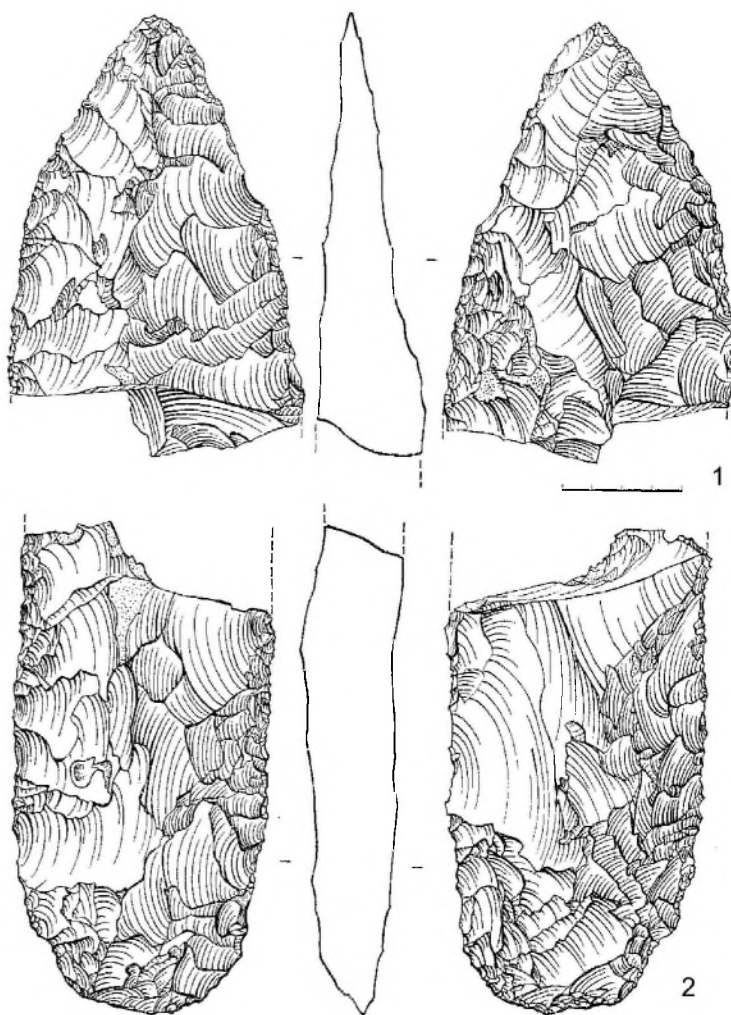

Рис. 4. Обломки бифасов с местонахождения Хотылево (по М.Ф. Заверняеву)

НАХОДКА БИФАСА В БУРЗЯНСКОМ РАЙОНЕ БАШКОРТОСТАНА

В.Г. Котов, И.В. Денисов

BIFACE FIND IN THE BURZIAN REGION OF BASHKORTOSTAN

V. Kotov, I. Denisov

Ключевые слова: технология каменных орудий, трасология, бифас, неолит, Южный Урал

В 2010 г. в Бурзянском районе Башкортостана был найден бифас длиной около 34 см. Характер обработки и его использования указывает на то, что это было ручное орудие, которое использовалось в целом комплексе операций, связанных с обработкой дерева: резания, пиления, скобления, строгания, рубки. Форма изделия и характер ее использования свидетельствует о том, что это кремневый кинжал. Данное орудие находит аналогии с находками как с территории Урала, так и из Закавказья. Предположительно он относится к эпохе неолита.

Keywords: technology of stone tools, traceology, bifaces, Neolithic, South Urals

In 2010, in the Burzian district of Bashkortostan about 34 cm long biface has been found. The nature of processing and using it indicates that it was a hand tool that would be used in a whole range of operations associated with processing of wood: cutting, sawing, scraping, slicing, chopping. The shape of the product and the nature of its use indicate that this is a flint dagger. This tool finds an analogy with findings both from the Urals, and from the Trans Caucasian area. Presumably the tool belongs to the Neolithic.

Кремневый бифас найден весной 2010 года студентом Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Биешековой Н.Н. Маннаповым, жителем с. Ново-Субхангулово Бурзянского района Башкортостана. Находка сделана во время рыбалки на отмели небольшого островка на р. Белая, в 5 км от села выше по течению реки. Осмотр данного места и прилегающего берегового обрыва никаких признаков наличия культурного слоя и других находок не дал. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с единичной случайной находкой.

ТИПОЛОГИЯ ИЗДЕЛИЯ

Бифас изготовлен из черного кремня, предположительно из плитки толщиной 4-5 см¹. На поверхности в дистальной части орудия имеется небольшой участок выветренной корки мощностью около 1 мм. На остальной части изделия корка была снята бифациальной обработкой (рис. 1; 3; 5).

Изучение поверхности бифаса показало последовательность формообразования изделия (рис. 5). Сначала крупными последовательными сколами от основания к вершине была сформирована одна грань, а затем выступы между двумя сколами стали ударными площадками для снятия скола на противоположной грани. На втором этапе посредством снятия сколов средней величины производилось выравнивание каждой грани и грубо формировался контур, выравнивалось лезвие и орудию придавалось линзовид-

ное сечение. Окончательно изделие доводилось крупной уплощающей ретушью. Негативы крупных торцевых и более мелких сколов на дистальном участке показывают, что изначально мастер стремился получить закругленный острый конец. Два плоских торцевых негатива (на рисунке обозначены незаштрихованными сколами) на вершине получились, очевидно, в результате «опробывания» находчиком изделия в качестве колющего оружия (рис. 5). Точно также базальный конец образован средними по величине сколами полукрутой и пологой ретуши. А два противоположных анкоша были подправлены с противоположных сторон более мелкой ретушью. Это говорит о том, что эта форма орудия была сформирована сразу, а не возникла в ходе неоднократной подправки и переоформления. Глубокие негативы ударных бугорков и изогнутая поверхность сколов, завершающиеся нередко заломами говорит об использовании каменных отбойников в ходе начальной обработки заготовки. Размеры получившегося бифаса следующие: длина 33,8 см, ширина в максимальной части 5,1 см, толщина 1,9 см. Это один из самых крупных бифасов не только в Уральском регионе, но и на территории Евразии.

ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Поверхность бифаса не получила значительных повреждений после деархеологизации. Под микроскопом за исключением двух негативов торцевых сколов в районе дистальной вершины на правом фесе,

¹ К.г.-м.н. В.М. Горожанин (Институт геологии УНЦ РАН, Уфа) полагает, что ближайшее местонахождение подобного кремня расположено на р. Сакмара в 100 км к югу от места находки. Возможно, что сырьем послужили выходы черного кремня в районе восточного склона хребта Крыкты в Башкирском Зауралье.

Рис. 1. Бифас из Бурзянского района Башкортостана:
a – левая сторона; *b* – правая сторона. Фото В.Г. Котова

в некоторых местах видны следы царапин о металл, возникшие, вероятно, в ходе транспортировки или хранения вместе с металлическими предметами. Также на левом крае хорошо видны пятнышки голубой масляной краски, появившейся также в результате «опробования» бифаса в качестве пилы по какой-то окрашенной деревянной поверхности. Эта операция не привела к повреждению кромки лезвия.

Для удобства описания поверхность бифаса была разделена на три раздела: дистальная, медиальная, проксимальная части. Поверхность в углублениях была покрыта светло-бурой супесью, кроме этого она была очищена от кальцитовый корки 5% соляной кис-

лотой. Изделие изучалось с помощью микроскопа МБС-9 при увеличении от 12 до 200 крат.

Левое лезвие. Дистальный конец на левом фесе имеет негативы торцевых плоских сколов, на поверхности тонкая корочка кальцита. Грани заглажены, заполировка тусклая, линейные следы перпендикулярны кромке. Местами встречается яркая заполировка, возникшая от работы по коже. Эти следы возникли от использования бифаса для прокалывания или вспарывания туши. У вершины на протяжении 2 см идет цепочка укороченных с заломами бессистемных негативов сколов, не имеющие следов заглаженности кромки и выступов (рис. 2). Они являются следами последнего по времени использования этого орудия для рубки древесины небольшого диаметра (веток), о чем говорит небольшая протяженность повреждений. Далее следует участок длиной 3 см с заглаженной, закругленной кромкой, на которой видны поперечные царапины, местами сохранились на удалении от кромки продольные царапины, заполировка тусклая (рис. 3; 4). Данные следы появились в процессе использования этого участка в операции скобления и пиления древесины. Глубокий анкош длиной

Рис. 2. Фрагмент левого лезвия нижней части дистального сегмента левого фаса. Фото В.Г. Котова

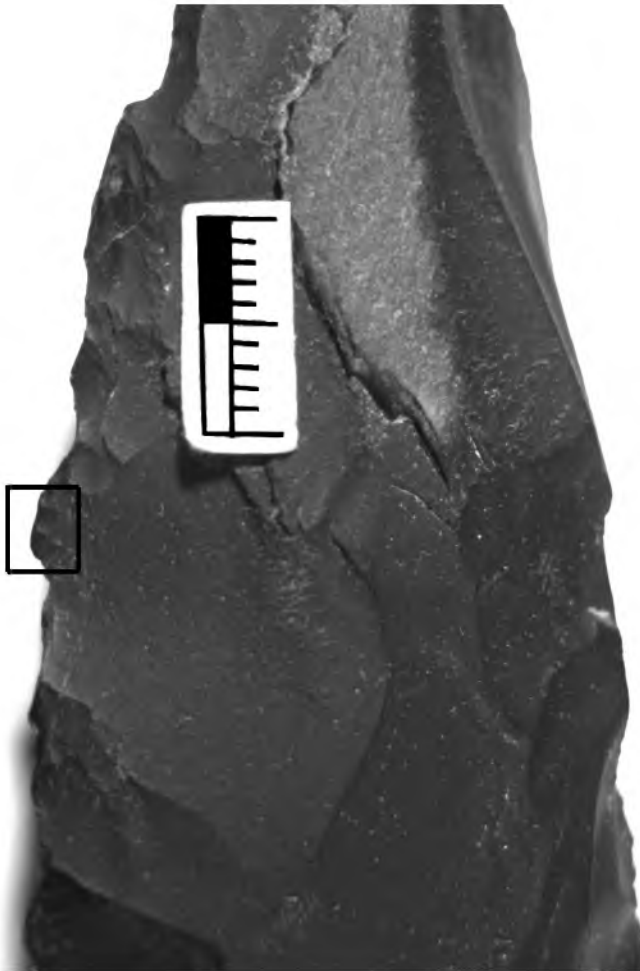

Рис. 3. Фрагмент левого лезвия средней части дистального сегмента левого фаса. Квадратом обозначен участок, показанный на рис. 4. Фото В.Г. Котова

2,5 см, край которого покрыт многочисленными заломами. Его край не имеет следов заглаженности. Он также возник от рубящего удара по дереву и уже после использования этого участка в операциях скобления. На нижней части дистального сегмента лезвие и примыкающие к нему выступающие грани заглажены и имеют тусклую заполировку. На заглаженных участках видны царапины, протянувшиеся перпендикулярно краю лезвия. На правом фесе выступы и грани заглажены на глубину 0,5 см от края, причем края заломов негативов ретуши имеют цепочку мелкой ретуши от края, края которых заглажены и заполированы. Линейные следы имеют ориентацию перпендикулярно или под углом 80° к краю лезвия. Данные следы могли появиться от использования этого участка в операциях скобления и строгания древесины.

Верхняя половина медиальной части лезвия на протяжении 4,5 см вниз покрыта ретушью с заломами, причем заломы на правом фесе имеют мелкую ретушь с заломами. Выступающие участки заглажены и имеют линейные следы перпендикулярные или под углом 85° , которые на правом фесе заходят на глубину 0,5 см. Заполировка тусклая. Эти следы возникли от использования этого участка лезвия сначала для рубки дерева, а затем для строгания дре-

весины. В центре орудия фиксируется цепочка ступенчатой, несистематической ретуши с заломами, образующих неглубокую выемку на протяжении 2 см. Они не имеют заглаженности и заполировки. Явно этот участок поврежденный появился от использования бифаса в операциях рубки дерева небольшого диаметра (веток?). Нижняя часть медиального участка лезвия длиной 4 см также повреждена многочисленными ступенчатыми сколами с заломами – следы рубки дерева. Эти следы перекрыты заглаженностью и тусклой заполировкой с многочисленными перпендикулярными рисками на кромке лезвия, возникшими от скобления дерева. На отдельных участках кромки лезвия фиксируются борозды, идущие в параллельном направлении, причем они начинаются с обеих сторон выступов. Отдельные продольные борозды фиксируются и на боковых поверхностях, примыкающих к лезвию на дистальной части изделия (рис. 4). Они говорят об использовании бифаса еще и в операциях резания-пиления древесины.

От медиальной границы на протяжении 3 см кромка лезвия имеет следы интенсивной заглаженности и тусклой заполировки. Линейные следы в виде многочисленных царапин ориентированы перпендикулярно или под углом 80° к краю. Эти следы указывают на использование этого участка в операциях скобления древесины. Еще один участок длиной 3 см с линейными следами, возникшими от скобления дерева, имеется в середине проксимального участка. На остальных участках левого края лезвие имеет следы заглаженности и яркой заполировки, заходящей в углубления сколов. Они присутствуют на

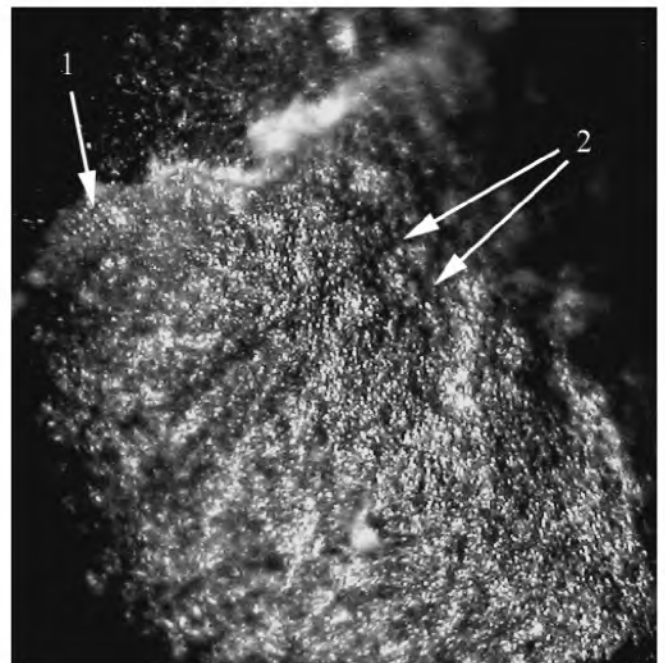

Рис. 4. Следы использования на лезвии при 200-кратном увеличении:

- 1 – участок с продольными царапинами на участке интенсивной заполировки – следы пиления дерева;
- 2 – борозды, идущие перпендикулярно кромке лезвия – следы скобления. Фото В.Г. Котова

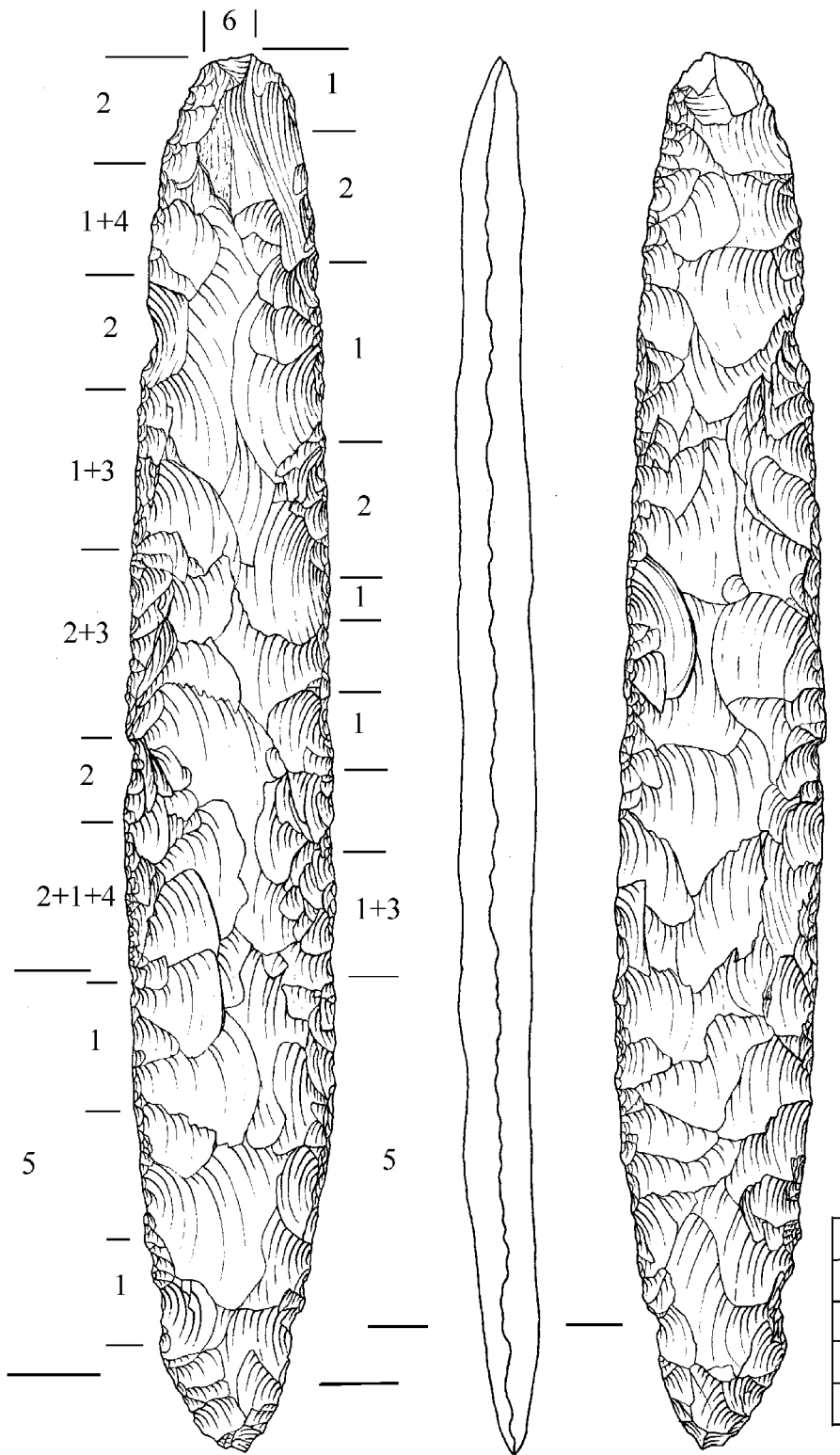

Рис. 5. Рисунок бурзянского бифаса с указанием границ рабочих участков. Цифрами обозначены сохранившиеся на данном участке следы использования: 1 – скобление; 2 – рубка твердоволокнистых материалов (древесины); 3 – строгание; 4 – пиление дерева; 5 – участок заглаженности и заполировки в качестве рукоятки; 6 – протыкание мягковолокнистых материалов

всей поверхности проксимальной части, на правой кромке и прилегающих участках. Очевидно, это свидетельство использования данного участка как рукоятки орудия. Возможно, две противоположные выемки, а также отсутствие следов повреждения лез-

вия от рубки свидетельствует об этом же. Не исключено, что этот участок мог быть на каком-то этапе использования обмотан кожей или берестой.

Правое лезвие. От вершины на протяжении 2 см кромка лезвия закруглена и заглажена, линейные следы перпендикулярны кромке лезвия. Этот участок сохранил следы использования орудия для скобления дерева. Ниже, на протяжении 3 см, кромка повреждена цепочкой сколов с заломами без следов заглаженности, появившихся от рубки дерева (веток). Под ним на расстоянии 4 см лезвие закруглено и заглажено, заполировка тусклая, линейные следы расположены на кромке и имеют поперечную ориентацию. Здесь также мы имеем дело со следами скобления дерева. Небольшой такой же участок длиной 1 см расположен в 3 см ниже. Он отделен участком ретуши с заломами без следов заглаженности, являвшимися результатом его использования для рубки веток. На медиальном участке обнаружено два участка длиной по 2 см с интенсивной заглаженностью кромки, заходящей на 0,5 см, в одном случае на правый фас, а в другом – на левый. Линейные следы в виде царапин расположены перпендикулярно кромке лезвия, заполировка тусклая. Данные участки, очевидно, использовались в операциях скобления-строгания дерева. Проксимальная часть лезвия выровнена плоской ретушью и имеет следы заглаженности без следов использования, что дополнительно указывает на то, что она являлась рукояткой орудия.

В итоге следует констатировать, что бифас имеет хорошую сохранность не только поверхности, но и следов использования. Каких-либо повреждений, связанных с переотложением в слое или перемещением водой обнаружено не было. Это убеждает в том, что бифас был обнаружен или непосредственно в слое или же вскоре после деархеологизации. Исходя из этого, место находки может указывать на наличие где-то рядом древнего поселения или же клада каменных изделий.

Характер обработки и его использования указывает на то, что это было ручное орудие, которое использовалось в целом комплексе операций, связанных с обработкой дерева: резания, пиления, скобления, строгания, рубки. Эти операции перемежаются в зависимости от смены занятий его владельца, что отразилось в перекрывании следов употребления. Весь комплекс операций в совокупности с формой изделия и наличием рукояточной части указывают на то, что это изделие можно отнести к категории *кинжалов* из камня. Это указывает на продолжительное использование данного предмета в хозяйственной деятельности. Крупные размеры изделия указывают на то, что местом обитания носителей традиции изготовления таких крупных орудий, очевидно должны быть районы Южного Зауралья вблизи выходов подобного сырья. Аналогий данному изделию среди материалов каменного века южноуральского региона мы не находим. Приблизительной аналогией является бифас из г. Салда, публикуемый Ю.Б. Сериковым в настоящем выпуске журнала. Прежде всего, они имеют одинаковые размеры. У него таким же образом осуществлялось поэтапное формообразование поверхности и точно также соблюдена симметрия контура орудия. Вместе с тем, они различаются по форме и функции: бифас из Салды Ю.Б. Сериков считает наконечником копья, о чем свидетельствует листовидная форма и характер оформления всего изделия. Немаловажное значение имеет и сырье, которое во многом определяет и

характер использования орудия: наконечник сделан из серо-зеленого алевротуфа – относительно мягкой породы. Поэтому данный предмет нельзя было использовать для рубки дерева – он бы сразу раскололся. Также не похожи между собой они по технике обработки: бурзянский бифас имеет более регулярную обработку поверхности крупными и мелкими сколами, придавшими ему в профиль более выпуклую и зауженную линзовидную форму. По форме контура (слегка выпуклое лезвие, закругленные концы, выравнивание контура лезвия более мелкой ретушью) публикуемое нами изделие похоже на кавказские бифасы мустьерского времени [Любин, 1984. Рис. 36, 4]. Вместе с тем, крупные бифасы с закругленными концами длиной до 32 см известны в неолите Грузии, в частности, на пос. Одиши [Лордкипанидзе, 1989. Рис. 18]. В виду уникальности бифаса из Бурзянского района Башкортостана мы пока затрудняемся определить, к какой эпохе его следует отнести. Более вероятен неолитический возраст. Несомненно, большую определенность в этом вопросе даст тщательное обследование места находки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Любин В.П.* Ранний палеолит Кавказа // Палеолит СССР. М., 1984.
- Лордкипанидзе О.* Наследие Древней Грузии. Тбилиси, 1989.

НОВЫЙ АКИНАК МАРЫЧЕВСКОГО ТИПА (САШИНО, БАШКОРТОСТАН)

Р. Исмагил

NEW ACINACES OF THE MARYCHEV TYPE (SASHINO, BASHKORTOSTAN)

R. Ismagil

Ключевые слова: ранний железный век, акинак, меч, ранние савроматы, скифы, марычевский тип, келермесский тип

В статье рассматривается новый акинак так называемого марычевского типа, к которым автор относит короткие савроматские мечи и кинжалы. Кинжалы марычевского типа названы так по первой находке в 1907 г. у станции Марычевка в Самарской области. Все известные на сегодня 10 акинаков марычевского типа относятся к категории случайных находок. Новый акинак этого типа происходит из Фёдоровского района Республики Башкортостан. В отличие от других мечей и кинжалов марычевского типа, навершие сашинского акинака трактовано в виде животного.

Keywords: early Iron Age, acinaces, sword, early Sauromats, Scythians, Marychevsky type, Kelermess type

The article considers new acinaces of the so-called Marychev type to which the author refers short Sauromatian swords and daggers. Daggers of the Marychev type are named after the first find in 1907 at a railroad station Marychevka in the Samara area. All 10 acinaces of the Marychev type known for today belong to the category of casual finds. New acinaces of this type comes from the area of the Fedorovka district in the Republic of Bashkortostan. Unlike other swords and daggers of the Marychev type, the pomme of the Sashino acinaces is treated in the form of an animal.

В 1907 г. у станции Марычевка близ г. Бузулука на востоке Самарской области был случайно обнаружен короткий железный меч, впервые изданный ровно полвека назад [Смирнов, 1961. С. 13, 14. Рис. 1, 10]. Спустя ещё 20 лет, среди савроматских мечей и кинжалов были выделены акинаки эпонимного, марычевского типа, которые к тому времени были известны в количестве пяти экземпляров [Исмагилов, 1981. С. 126-130]. Наиболее полная сводка акинаков этого типа (9) была опубликована уже в начале XXI столетия [Исмагил, Сунгатов, 2004. С. 127-134].

В сентябре 2003 г. автором был с натуры зарисован новый акинак марычевского типа, хранившийся тогда у жительницы Фёдоровского района Республики Башкортостан Н.И. Агаповой. Он ей достался от свёкра Егора Петровича Агапова (1908-1987 гг.), проживавшего в деревушке Сашино в 8 км к северу от с. Фёдоровка, райцентра одноимённого района на юго-западе республики. Кроме того, что предмет был найден примерно в 1965 г., об обстоятельствах находки ничего не известно. В настоящее время (2011 г.) кинжала у Н.И. Агаповой нет и место его хранения она не знает. Десятый, «юбилейный» акинак марычевского типа – шедевр савроматского холодного оружия (рис. 1).

Акинак длиной 32,5 см неплохо сохранился. Судя по бугристой полосе шириной около 1 см в месте наибольшего расширения клинка, на которой отсутствовала старая окалина, покрывающая всю остальную поверхность, клинок уже в наше время находчиком (?) был согнут, а затем снова выпрямлен. Оружие имеет оригинальное навершие в виде пря-

моугольного брусочка с чуть опущенными концами (длина 5,1 см, ширина 1,4 см, толщина 1 см). В отличие от других мечей и кинжалов марычевского типа, навершие сашинского акинака трактовано в виде животного. На трёх длинных плоскостях чеканкой нанесены прямые линии, кружочки и спиральные фигуры, передающие какой-то зооморфный образ (животное, птица, грифон и пр.), определить который более точно затруднительно. Отметим, что чеканка присутствует на навершиях ещё двух акинаков марычевского типа – из Аитово и Талачево [Исмагил, Сунгатов, 2004. Рис. 1, 6, 7], но там она носит орнаментальный характер.

Рукоять (длина 8 см, ширина 2,7 см, толщина 0,5 см) уплощённая, чёткой прямоугольной формы. Широкие стороны покрыты сплошным геометрическим орнаментом, состоящим из прямоугольников, ромбов и заштрихованных полос. Сверху и снизу, со стороны навершия и перекрестья, нанесено по паре поперечных полос, заполненных тончайшей сеткой или косыми линиями, ограничивающими поперечную полосу из ромбов. Средняя часть рукоятки по бокам заполнена двумя рядами прямоугольников, рассечённых по диагонали. По центру проходят две узкие вертикальные полосы, одна из которых также заполнена сеточкой. Орнамент рукояти сашинского акинака в целом весьма близок орнаменту других акинаков марычевского типа (особенно из Менеуз-Москвы, Аитово, Талачево и Кунакбаево), но более сложен и тонок.

Перекрестье (ширина 5,7 см, высота 3,7 см) – почковидно-бабочковидной формы. На обеих сторо-

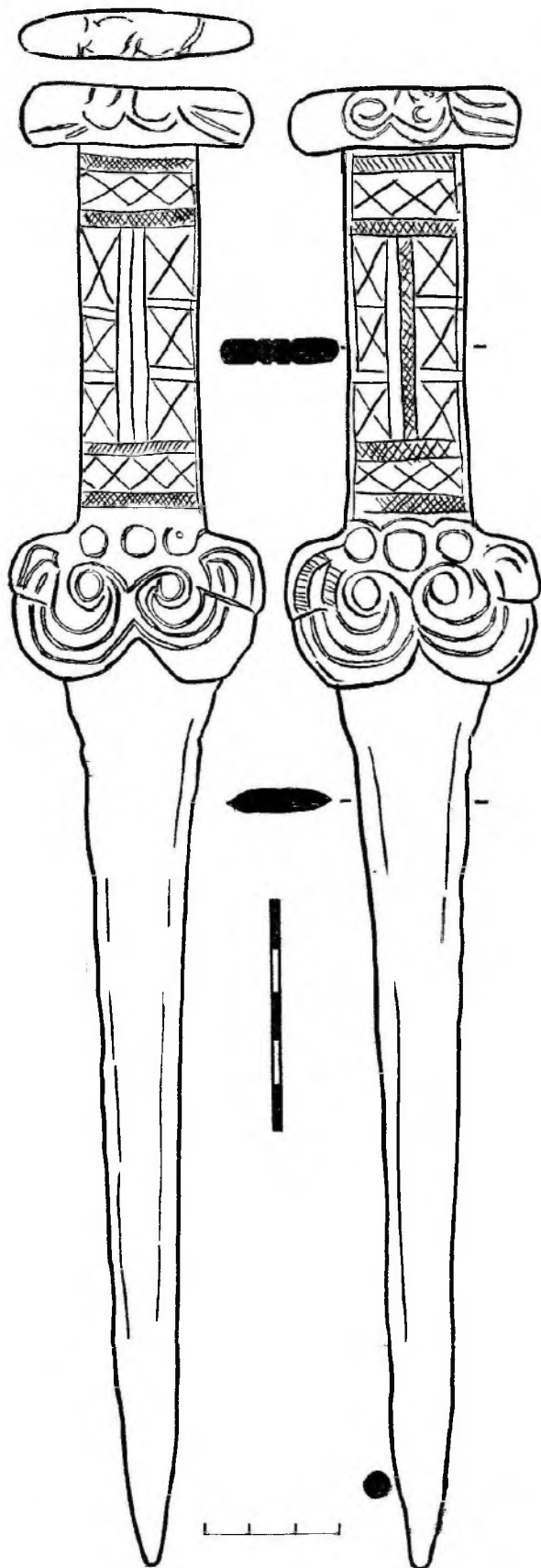

Рис. 1. Акинак из дер. Сашино
(Башкортостан, Федоровский район)

нах имеется идентичное изображение голов грифона – пары спиралеобразно, в 1,5-2 оборота, загнутых

клювов, отходящих от трёх кружочков, обозначающих глаза. Между клювом и глазом в невысоком рельефе откованы контуры восковицы, орнаментированной полосками чеканки. Большинство акинаков марычевского типа снабжено перекрестьями именно такой, гибридной формы, на части которых (Оренбург, Бугуруслан, Марычевка) изображены к тому же три (а не два) кружочка-глаза.

Клинок (длина 19,3 см, ширина на расстоянии 5 см ниже перекрестья – 2 см) подтреугольной формы, сечение линзовидное, точнее, лезвия клинка заточены столь круто, что в разрезе он напоминает шестигранник. С учётом наличия узкого, заточенного на конус окончания клинка, сашинский акинак функционально правильное было бы считать стилетом.

Оригинальные, яркие акинаки марычевской серии уверенно можно считать категорией предметов, присущих материальной культуре древнейшего этапа савроматской археологической культуры. Судя по находкам этих акинаков (без учёта акинака из Винновки на правом берегу Волги и особенно меча из Тынково в верховьях Дона), ареал расселения ранних савроматов занимал пространство диаметром 300-350 км в междуречье Волги и Урала, примерно от г. Бугуруслан на западе (Бугуруслан и Марычевка) до г. Стерлитамак на востоке (Кунакбаево, Талачево), и от г. Оренбург на юге («Китайское поле») до г. Туймазы на севере (Менеуз-Москва).

Все известные на сегодня 10 акинаков марычевского типа относятся к категории случайных находок, что осложняет, но всё же делает возможным определение их абсолютных датировок. Наличие несомненных черт сходства с парадными мечами из Келермеса и Мельгуновского кургана позволяет синхронизировать акинаки марычевского типа и раннесавроматскую культуру с соответствующим этапом раннескифской культуры второй половины VII в. до н.э. или первой половины VI в. до н.э.

Давно установленный специалистами факт сходства между мечами келермесского типа с ближневосточными привел к не завершённой до сих пор дискуссии о хронологическом приоритете скифского [Пиотровский, 1949. С. 128; Черненко, 1980. С. 300], с одной стороны, или древнеперсидского (мидийского) оружия [Мелюкова, 1964. С. 49-51], с другой, в деле формирования «скифского» акинака. Занимался этой проблемой и автор этих строк, так и не решившийся всего несколько лет назад твёрдо присоединиться к одной из этих точек зрения [Исмагил, Сунгатов, 2004. С. 129 сл.]. Сегодня можно более уверенно высказаться в пользу мнения о подражании некоторых особенностей как раннескифских мечей, так и архаических савроматских акинаков марычевского типа ближневосточным. Одним из серьёзных доказательств в пользу этой гипотезы является находка в Приуралье у с. Рысайкино, по соседству с Бугурусланом и Марычево, костяного псаля с арамейской надписью [Смирнов, 1964. Табл. 67, 2]. Акинаки марычевского типа и рысайкинский псалий служат

твёрдым доказательством факта влияния культур Закавказья и Ближнего Востока на оформление вещей ряда важных для ранних кочевников Южного Урала категорий, принесённых, вероятно, с более восточных территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исмаилов Р.Б. Мечи марычевского типа // ВАН. Вып. 15. Свердловск, 1981.

Исмагил Р., Сунгатов Ф.А. О генезисе акинаков марычевского типа // УАВ. Вып. 5. 2004.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д 1-4. М., 1964.

Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья. Л., 1949.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101.

Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК Г.А. КУШАЕВА НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛЬСКОГО ЛЕВОБОЕРЕЖЬЯ

С.Ю. Гуцалов

SOME MATERIALS FROM THE EXCAVATIONS OF G. KUSHAJEV ON THE LEFT BANK OF THE URAL RIVER

S. Gutsalov

Ключевые слова: Южное Приуралье, р. Урал, курганный могильник, скифо-сарматское время, античный импорт

Статья посвящена публикации материалов раскопок казахстанского археолога Г.А. Кушаева курганного могильника у пос. Володарка. Эти материалы относятся к скифо-сарматскому времени и датируются временем от рубежа V-IV до II-I вв. до н.э. Целый ряд вещей публикуемого памятника являются если не уникальными, то оригинальными. Это и бронзовые фалары с изображением мифа о Беллерофонте, мечи с перекрестьями, у которых концы обращены в сторону навершия, ряд лепных сосудов. Таким образом, они представляют значительный интерес для изучения древней истории и культуры населения Южного Урала и Евразии в целом.

Keywords: Southern Urals, Ural river, burial mound, Scythian-Sarmatian time, antique imports

This article is dedicated to G. Kushajev's (a Kazakh archaeologist) publication of the materials of a burial mound near Volodarka settlement. These materials according to the findings date to the Scythian-Sarmatian period from the border line of V-IV to II-I B.C. Some things from this memorial are unique and original. These are bronze phalerae with pictures of the myth about Bellerophon, swords with crosses, with tips facing the pomme, some molded vessels. Thus they are of considerable interest for studying the ancient history and culture of the South Ural and Eurasian inhabitants as a whole.

В истории археологии СССР 70-80-е годы ушедшего столетия знаменательны необычайным размахом полевых исследований, когда в провинции появлялись структуры, специально занимавшиеся археологическими исследованиями. Таковым был и Уральск, где на базе исторического факультета Уральского педагогического института им. А.С. Пушкина старейшим казахстанским археологом Г.А. Кушаевым была организована археологическая экспедиция. Заслуга ее уже в том, что здесь произошло становление таких исследователей как Б.Ф. Железчиков, В.А. Кригер и многих других археологов, историков и политических деятелей Казахстана и России, в том числе автора этой статьи. К сожалению, в силу обстоятельств субъективного характера, многие материалы раскопок Г.А. Кушаева оказались не опубликованы и постепенно исчезают с полок запасников различных музейных хранилищ города Уральска. И публикация этого научного наследия – насущная задача современных исследователей.

Интереснейший материал был обнаружен при раскопках могильника **Володарка I** на территории Уральского левого бережья. Данный некрополь состоял из восьми земляных курганов, находящихся в 3 км

севернее с. Володарка Зеленовского района Западно-Казахстанской области Республики Казахстан за лесополосой у дороги «Уральск – Дарьинск», примерно в 10-15 км к северу от г. Уральска, на первой надпойменной террасе р. Урал¹. Курганы были вытянуты широтной цепочкой на протяжении 1,3 км. В восточном конце цепочки расположен самый большой и самый высокий курган – № 1. Он имеет диаметр 60 м и высоту 2,5 м. В 1981 г. в могильнике было исследовано три кургана (№№ 2-4).

Курган № 2 диаметром 30 м и высотой 0,66 м, располагался в 100 м к западу от кургана № 1. Вершина его, вследствие неоднократной распашки, была сильно уплощена. В юго-восточном секторе кургана (1,8 м к югу и в 2,8 м к востоку) на глубине 0,2 м обнаружена лопатка животного (крупной овцы или молодой лошади). В насыпи в 2,5 м от центра к югу и в 1 м к востоку обнаружено ребро крупного животного (лошади), в 0,8 м от центра к северу и в 0,5 м к востоку – обломок позвонка крупного животного, рядом с которым найден небольшой кусок спекшегося железа. К югу от центра, на расстоянии 1 м от «0» обнаружены жерди (9 шт.) длиной до 1 м и диаметром 10-15 см, лежавшие веером по отношению к

¹ К сожалению, в силу непонятных причин отчеты Г.А. Кушаева отличает неполнота необходимых материалов – чертежей и рисунков. Поэтому при подготовке публикации использовались отдельные рисунки вещей, сделанные в Уральском историко-краеведческом областном музее, а также фотографии из отчета Г.А. Кушаева о раскопках в 1981 г.

центру; самые нижние из остатков дерева лежали на уровне древнего горизонта. Могила прямоугольной формы располагалась под данной деревянной конструкцией (рис. 1, 1)².

Могильное пятно на уровне погребенной почвы имело прямоугольную форму длиной по линии З-В 8 м, по линии С-Ю – 7 м. В верхних слоях ямы по цвету и характеру заполнения четко фиксировалось, что в древности грунт был переотложен в результате грабительского вкопа в юго-восточному углу. Ко дну могила приобрела прямоугольную форму, ориентировка близка меридиональной, размеры 3,7×3 м, углы закругленные. В заполнении ямы обнаружены обломки истлевшего дерева, лежавшего по ее краям. Кроме того, были также обнаружены один трехгранный бронзовый наконечник стрелы с опущенной втулкой (рис. 1, 10), обломок боковины толстостенного сосуда черного цвета и фрагменты железа со следами старого излома.

Дно древнейшей ямы выявлено на глубине 2,5 м. На этой глубине длина ямы по линии С-Ю составляет 3,6 м, ширина в южном конце – 2,2 м, в северном – 2,7 м. Захоронение оказалось разрушенным – кости скелета человека выявлены в юго-западном углу и вдоль западной стенки ямы. Вдоль западной стенки у южного конца ямы лежали отдельные ребра, позвонки, два обломка трубчатых костей. У основания северной стенки, в углу ямы, лежала трубчатая кость животного, а западнее ее лежали три обломка черепа человека; у южной стенки ямы лежала трубчатая кость предплечья человека и два обломка других костей (рис. 1, 12).

Восточную половину этого погребения пробивало вниз впускное захоронение, которое было совершено в могильной яме с плечиками-уступами вдоль стен. Впускная яма имела длину 3,4 м и ширину 1,7 м. На глубине 3,5 м вдоль западной стенки обнаружился уступ-плечико шириной 0,2-0,3 м, а вдоль восточной стенки – шириной от 0,5 до 0,7 м. Размеры ямы по дну 2,9×1,0 м (рис. 1, 12).

На глубине 4,5 м обнаружены остатки потревоженного скелета. В анатомическом положении сохранились кости голени, двух ног и правая бедренная кость, а остальные либо отсутствовали, либо были смешены. По центру лежали кости ног – прямо, параллельно друг другу в направлении к ЮЮЗ. Таким образом, скелет первоначально лежал вытянуто на спине, головой на юг-юго-запад. Кроме того, у южного конца ямы, справа от бедренной кости лежали кости кисти правой руки. Слева от этой же кости лежали фаланги кисти руки (левой?) и обломки других костей. В южном конце ямы находился навал костей человека; у основания восточной стенки ямы найдена нижняя челюсть, южнее ее в углу – четыре обломка черепа и черепной коробки. В юго-западном углу и у южной стенки ямы лежали две тазовые

кости, левая бедренная кость, здесь же находилась плечевая кость руки скелета, у западной стенки ямы – две лучевые кости предплечья и одна большая трубчатая кость от руки скелета человека (рис. 1, 12). В северо-западном углу ямы находилось скопление костей животных – два ребра и бедренная кость лошади, а также ребра мелкого рогатого скота.

Под костями рук, сваленных у стенки в юго-западном углу, обнаружен обломок железного кинжала длиной до 16-17 см очень плохой сохранности. Представлен верхней частью кинжала, имевшего рукоять с серповидным навершием и прямым перекрестием (рис. 1, 14). У левой голени скелета найдены остатки колчана с 7 бронзовыми наконечниками стрел, из которых 4 экз. – со скрытой втулкой, а 3 – с внешней (рис. 1, 2-8).

У бедренной кости найден прямоугольный железный предмет с удлиненным выступом на одном углу и кольцом – на другом. Справа от правой берцовой кости, под стенкой могильной ямы лежал в трех обломках сильно коррозированный железный нож. Длина ножа до 20 см, спинка притуплена, лезвие в разрезе подтреугольное (рис. 1, 11, 13). Другие находки в погребении отсутствуют.

Положение костей скелета, форма могильной ямы, ее ориентировка и, наконец, ее размеры позволяют предположить, что в данной яме первоначально было произведено захоронение савроматского времени, которое позже было разрушено или же разграблено при сооружении позднего захоронения, также разрушенного в древности.

Курган № 3 был предпоследним в южной цепочке и располагался в 100-120 м западнее кургана № 2. Насыпь диаметром 30 м, высотой 0,8 м, слегка упрощенная вследствие длительной распашки.

В юго-западном и юго-восточном секторах кургана³ на глубине 0,2 м от поверхности обнаружены обломки керамики: фрагмент венчика сосуда; боковина сосуда с тестом черного цвета в изломе. На периферии юго-восточного сектора на той же глубине найден обломок камня кремнистой породы со следами обработки поверхности. В южной половине раскопа на глубине 0,4 м обнаружен обломок кварцита со следами обработки. У южной половины кургана рядом друг с другом были найдены позвонок лошади и кусочек истлевшего дерева. В юго-восточном и северо-восточном секторах найдены фрагмент керамики и кость крупного животного. В северо-западном секторе и в центре обнаружены соответственно фрагмент керамики и лопатка лошади.

На погребенной почве зафиксированы обломки жердей и бревен – фрагменты перекрытия могильной ямы, занимавшие поперечник в 6 м. Перекрытие состояло из бревен толщиной до 0,4 м, лежавших по периметру ямы. В центре бревна рухнули в

² Автор искренне признателен художнику Наталье Бойко, прорисовавшей вещи, а также планы и разрезы погребальных конструкций. Кроме того, выражаю искреннюю признательность коллеге С.Г. Боталову, оказавшему организационную помощь при подготовке публикации.

³ Судя по плану кургана, автор раскопок существенно сократил площадь раскопа – до 9-10 м!

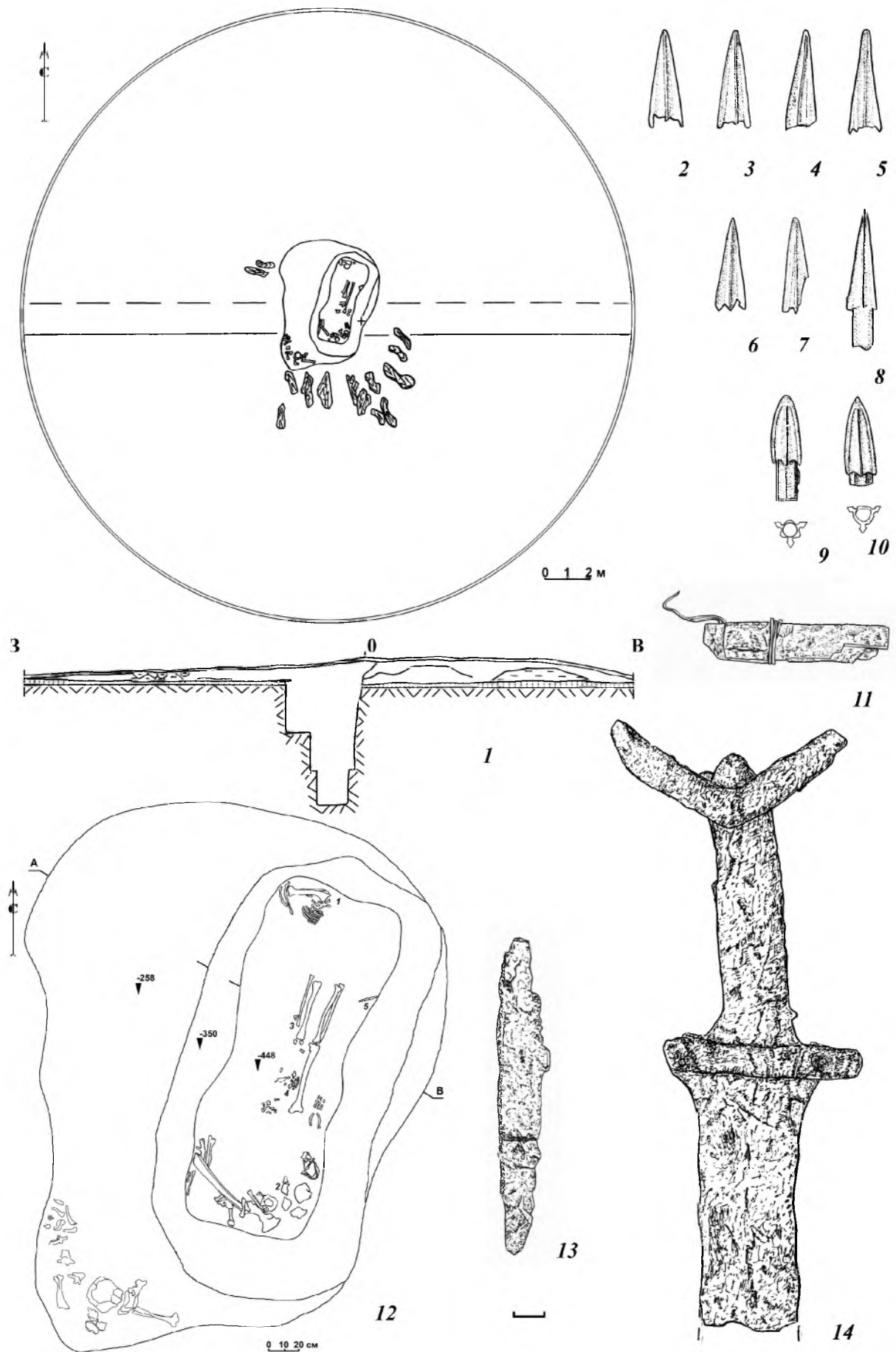

Рис. 1. Могильник Володарка I, курган 2:
 1 – план и разрез кургана; 12 – план погребения; 2-11, 13-14 – инвентарь (2-10 – бронза; 11, 13, 14 – железо)

могилу. Конструкция имела форму квадрата и, вероятно, представляло собой сруб, сооруженный на уровне древнего горизонта над ямой и перекрытый рядами массивных досок (рис. 2).

В восточной половине ямы на остатках перекрытия выявился толстый слой истлевшего камыша. Среди камышовой наброски обнаружены три золотых круглых с гофрированной поверхностью бусины со сквозными отверстиями в середине (рис. 4, 8).

В могильную яму вели два грабительских лаза, расположенных в северном и южном концах ямы. На глубине 1,1 м от уровня погребенной почвы над остатками перекрытия обнаружены: у южной стенки могильной ямы, западнее грабительского лаза – позвонок крупного животного; в северном конце ямы у стенки, около

грабительского лаза – кости предплечья и кисти скелета человека. При расчистке распавшихся фаланг кисти обнаружена еще одна круглая гофрированная золотая бусина, аналогичная уже найденным, а также бронзовая серьга (рис. 4, 5). В самом северном конце ямы, восточнее грабительского лаза, лежал обломок трубчатой кости крупного животного.

В завале деревянного перекрытия на глубине 1,9 м в северном конце ямы обнаружены еще 4 золотые круглые бусины с гофрированной поверхностью. Южнее бус найдены два ребра, позвонки лошади, лопатка, ребра овцы, остатки кострища и фрагмент тулова сосуда.

Глубина могильной ямы 2,4 м, форма округлая (5×5,2 м), хотя не исключено, что до ограбления она

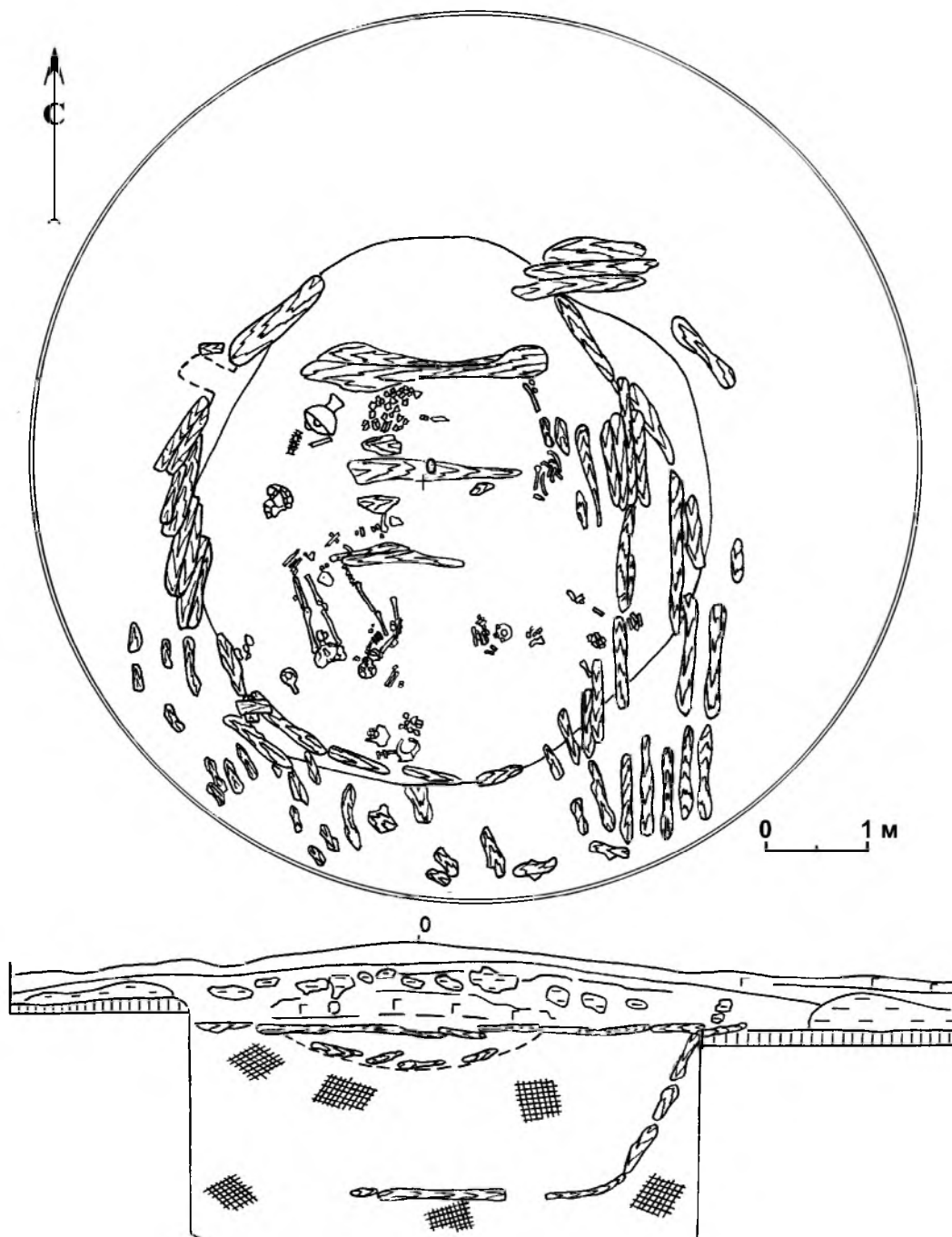

Рис. 2. Могильник Володарка I, курган 3. План и разрез кургана

была подквадратной. На дне ямы обнаружены остатки потревоженного парного захоронения и разнообразный инвентарь.

Западный костяк. В юго-западной части могильной ямы в анатомическом порядке *in situ* лежали кости таза, и ног скелета (мужчина?), первоначально ориентированного головой на юг. Кости ног скелета вытянуты параллельно (рис. 3). Слева от костей ног на линии коленных суставов обнаружены шесть галек различных форм и размеров, пять из которых были черного цвета. Шестой камень (4×6 см) оказался яйцевидной формы, серо-коричневого цвета, с гладко отполированной поверхностью. У ступни правой ноги обнаружен крестец овцы (?) и крестец крупного животного, а также остатки какого-то органического вещества коричневого цвета.

На линии костей таза обнаружено бронзовое в обломках зеркало с плоским диском диаметром 15,5 см и боковой ручкой длиной 10 см и шириной 1,8 см (рис. 4, 3). Южнее зеркала, также слева от скелета, находились остатки колчана с 112 бронзовыми трехгранными, трехлопастными и четырехгранными головками, со скрытой и отпущенной втулкой (рис. 5, 1-27, 29-33, 35-41). По размерам наконеч-

ники самые различные – от 1 до 3 см в длину. Рядом с остатками колчана лежал обломок железного кинжала – ручка и часть клинка с общей длиной 27 см. Рукоять имела бабочковидное перекрестие и когтевидное навершие с перекладиной по центру (рис. 5, 47).

В 10 см восточнее кинжала лежали фрагменты черноглиняного круглодонного сосуда с грушевидным туловом и утолщенным дном. Высота сосуда 21 см, диаметр по венчику 14 см, диаметр по основанию шейки 12 см, диаметр тулова 20 см. Шейка раструбовидная, срез венчика слегка скошен внутрь. Тесто сосуда с большой примесью талька, внешняя и внутренняя поверхности тщательно заглажены, обжиг неравномерный. Верхняя часть тулова украшена широким бордюром косой сетки и тройным горизонтальным зигзагом, заштрихованным параллельными линиями (рис. 4, 1).

Около ступней ног западного костяка обнаружены изготовленное из стенки сосуда пряслице (рис. 4, 6) и обломки костяной трубочки-футляра (рис. 5, 42). В 0,5 м севернее ступней лежал раздавленный лепной черноглиняный сосуд с яйцевидным туловом и раструбовидной шейкой. Высота сосуда

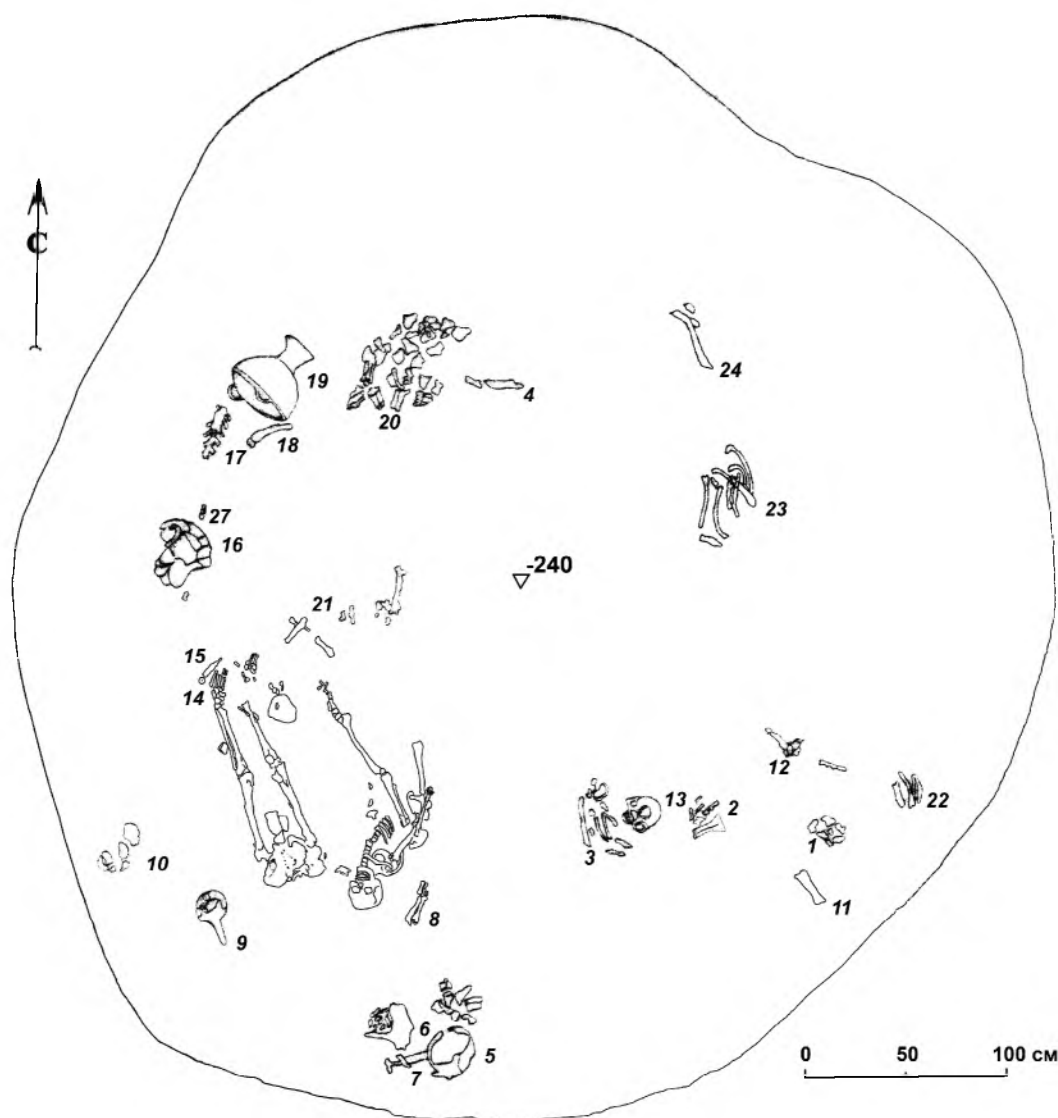

Рис. 3. Могильник Володарка I, курган 3. План погребения

19 см, диаметр горловины 15 см, диаметр тулова 20 см, орнаментирован «висячими» треугольниками (рис. 4, 2). Около сосуда найдена плоская овальной формы обработанная кость (6,3×1,8 см) с девятью сквозными отверстиями (рис. 5, 43).

Восточный костяк. Находился немного восточнее первого скелета, лежал на левом боку. Ноги вытянуты и сильно отклонены от оси туловища, череп повернут налево. Кости правой руки лежали на тазовых костях.

В западной половине ямы, против восточного скелета лежали лопатка и трубчатые кости овцы, среди которых находился железный нож (рис. 5, 34). Правее тазовых костей найдена обломанная костяная ложка длиной 10,2 см (рис. 5, 46). Здесь же найдено железное шило (?) (рис. 5, 28) и бусинки – две пастовые (рис. 4, 7) и две золотые гофрированные.

В 1 метре севернее ступней скелетов найдены крестец и ребро крупного животного, рядом с ними лежал на боку немного сдавленный бронзовый котел с коническим поддоном и двумя вертикальными ручками (рис. 4, 9). Высота котла около 0,4 м, диаметр устья 0,4 м, диаметр основания поддона 20 см, высота поддона 26 см.

Западнее котла обнаружены остатки большого лепного сосуда. Венчик его плоский, широкий, со слегка отогнутым наружу широким воротничком. Поверхность орнаментирована широкой каннелюрой, от которой вниз по тулову спускаются прямые выступы-полувалики, между ними – волнистые линии в различных конфигурациях и сочетаниях, также опускающихся вниз по тулову (рис. 4, 4). Диаметр венчика 15 см, основания шейки – 13 см, высота шейки 5 см.

В юго-восточном углу ямы найдены фрагменты керамики и ребра овцы, а в середине ямы, на ее плотно утрамбованном дне, – ребра крупного животного; аналогичное скопление костей обнаружено в северо-восточном углу ямы. При зачистке стен ямы с южной стороны в потревоженном грунте обнаружена небольшая костяная пластина (4×1,3 см), на которой вырезаны контуры головы волка (рис. 5, 44). Пластина, возможно, представляла собой конец ручки костяной ложки.

Курган № 4 располагался в 30 м восточнее кургана № 3. Он имел земляную насыпь диаметром 50-52 м и высотой 1,3 м⁴, вершина слегка уплощена.

На южной периферии кургана на глубине 0,2 м была обнаружена выкладка из сырцовых кирпичей размером 25×15×10 см. Длина выкладки 1,2 м, ширина до 1 м, она была ориентирована с севера-востока на юго-запад. При расчистке под кирпичами оказался прокаленный грунт, доходивший до глубины 0,6 м; ниже каких-либо признаков кладки и следов огня не обнаружено. По ориентировке, кирпичную выкладку предположительно можно отнести к мусульманскому захоронению.

Могильная яма выявлена по центру кургана на уровне погребенной почвы. Ее черное заполнение хорошо фиксировалось на фоне светлого беловато-

желтого материкового грунта – лесса с большим содержанием песка. Над ямой в бровке выявился «перекоп» шириной в 8 м, опускающийся воронкой к могильному пятну – свидетельство того, что могила была потревожена в древности (рис. 6). Могила, ориентированная по линии север – юг вверх имела длину 5,6 м и ширину 4,8 м.

При расчистке заполнения ямы, у ее восточного края на глубине 0,1 м от уровня древней поверхности обнаружен фрагмент стенки сероглиняного сосуда. Дно могильной ямы оказалось на глубине 5,3 м от уровня древней поверхности, размеры ямы здесь составили 5,8×1,2 м. На дне в северном конце могильной ямы обнаружены лежавшие *in situ* кости человека (рис. 7). Около костей левой ноги в непотревоженном положении находились кости левой руки (лучевые, кисть), в 15 см западнее их – небольшой сильно разложившийся обломок железного предмета. Первоначально умерший был уложен головой на юг.

Южная половина могильной ямы оказалась пробитой «перекопом», в котором располагалось **нижнее погребение**. Глубина его 5,3 м от уровня погребенной почвы или 6,9 м от высшей точки насыпи кургана.

Здесь находилось погребение мужчины старческого возраста (на черепе невозможно проследить швы), положенного вытянуто на спине головой на юг. Кости рук вытянуты вдоль туловища. Левая нога слегка согнута в колене, а правая едва изогнута в коленном суставе. Скелет лежал на плотно утрамбованном дне ямы, обложенный тонкой деревянной рамой (зафиксированы в виде коричневого тлена на фоне серого сырого песка) шириной 0,85 м и длиной 2,1 м (рис. 7). Справа от скелета в юго-восточном углу ямы лежали два ребра, тазовая кость крупного животного (лошадь?) и лопатка овцы. Севернее этих костей – один позвонок (лошадь?), еще севернее – второй позвонок и кость овцы, далее, на уровне правого бедра, – два ребра крупного животного.

При расчистке ямы и скелета обнаружен богатый инвентарь:

1) вплотную к ребрам крупного животного стоял глиняный сосуд ручной лепки с шаровидным туловом, небольшим плоским дном, низкой шейкой и петлеобразной ручкой на плече. У основания ручки проходит каннелюра и опускаются вниз лучи (рис. 8, 3). Высота сосуда 30 см, диаметр венчика 13 см, диаметр шейки 11 см, диаметр тулова 30,5 см, диаметр дна 15,5 см. Внешняя поверхность тщательно заглажена до легкого лощения, тесто в изломе серого цвета;

2) на правой руке у запястья обнаружен золотой браслет в виде спирали в 5 оборотов; изготовлен из круглой в сечении проволоки, концы браслета утолщены, стилизованы в виде тупых головок (рис. 8, 2);

3) справа у костей таза лежал точильный камень серого цвета в виде круглого в сечении стерженька с отверстием на одном конце (рис. 8, 4). Размеры оселка 13,2×1,7 см;

⁴ Диаметр раскопа этого кургана также намного меньше диаметра собственно кургана.

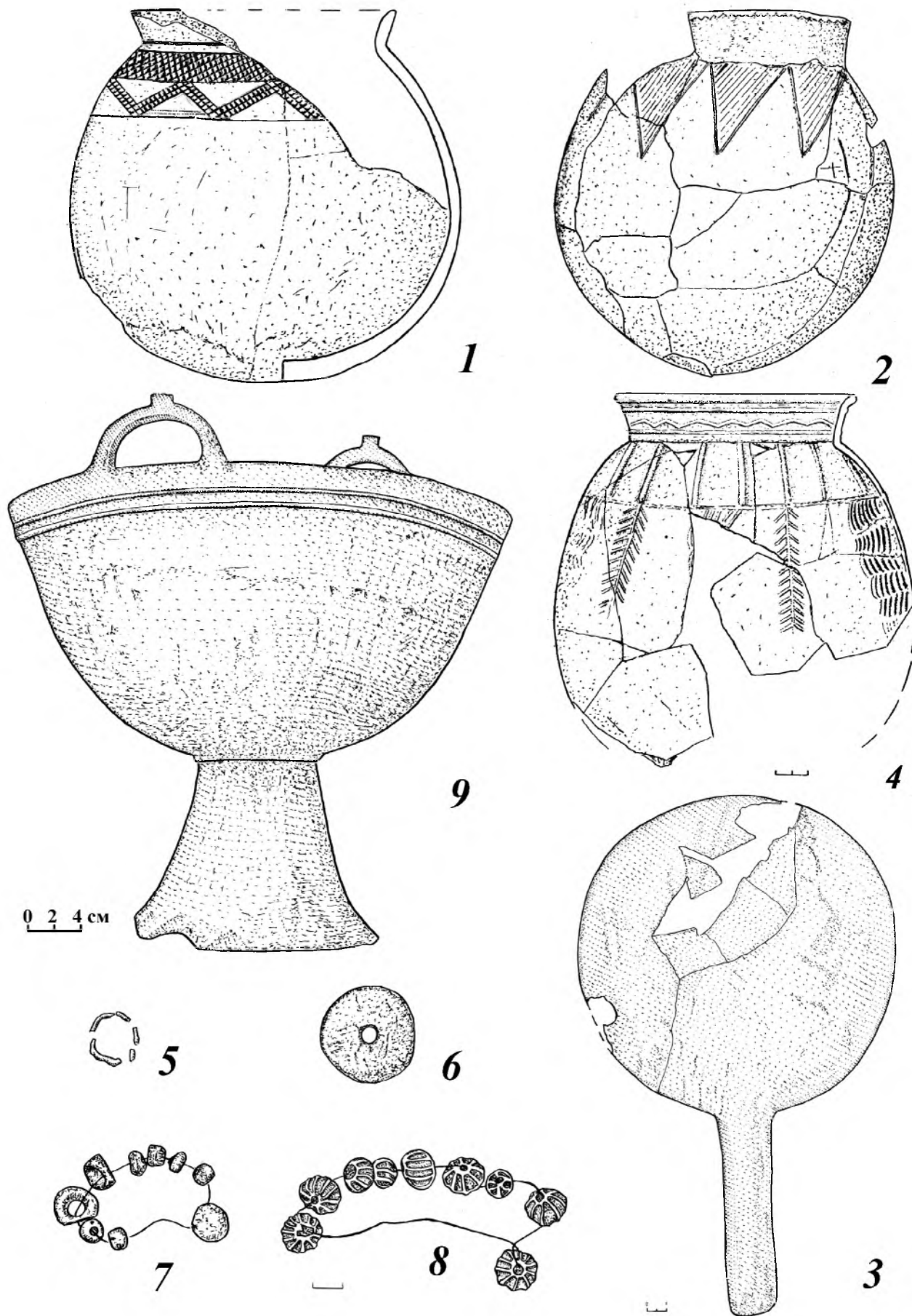

Рис. 4. Могильник Володарка I, курган 3. Инвентарь
 (1, 2, 4, 6 – глина; 3, 5, 9 – бронза; 7 – стекло, кость и камень; 8 – золото)

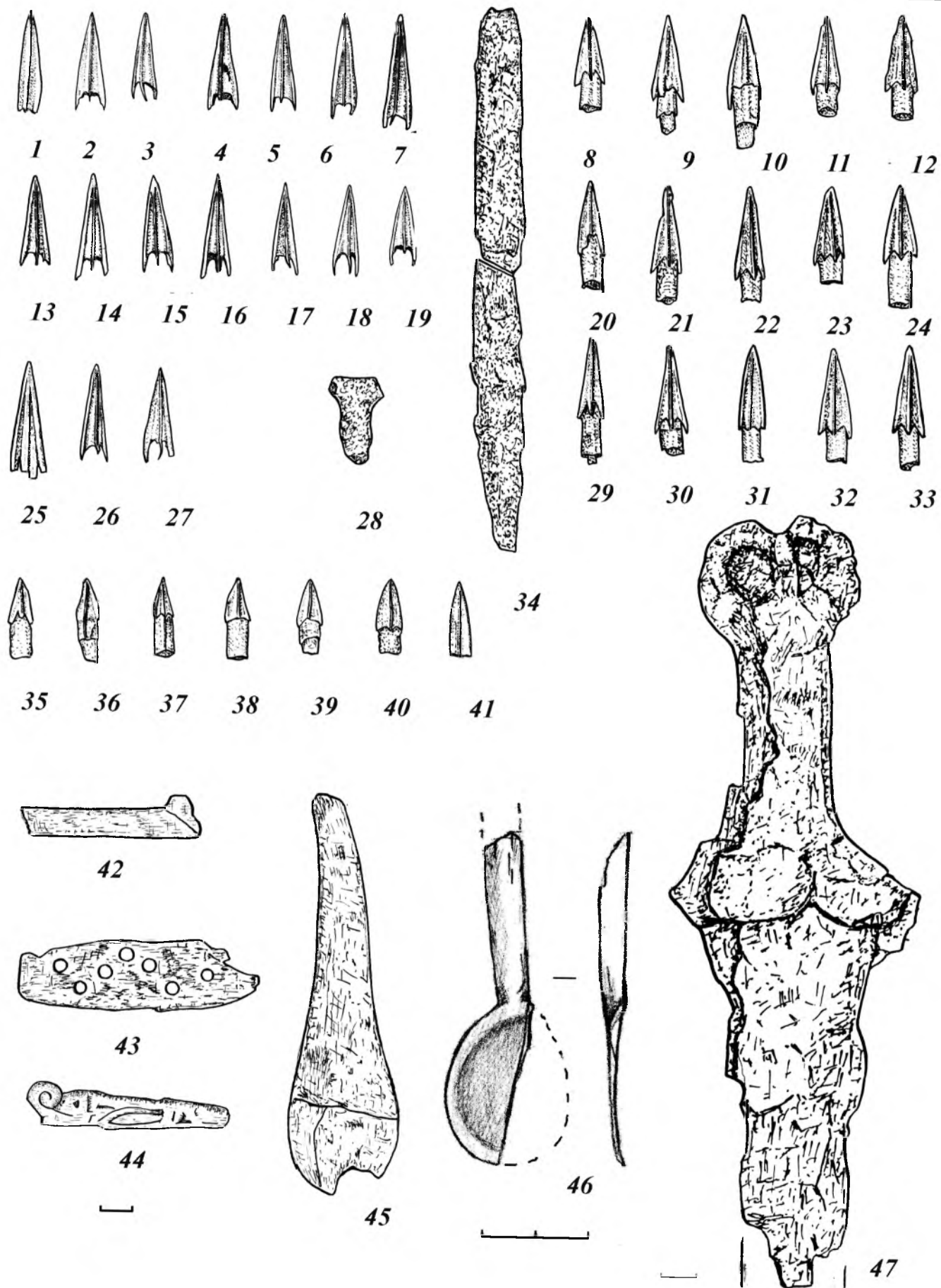

Рис. 5. Могильник Володарка I, курган 3. Инвентарь
 1-27, 29-33, 35-41 – бронза; 28, 34, 47 – железо. 42-46 – кость

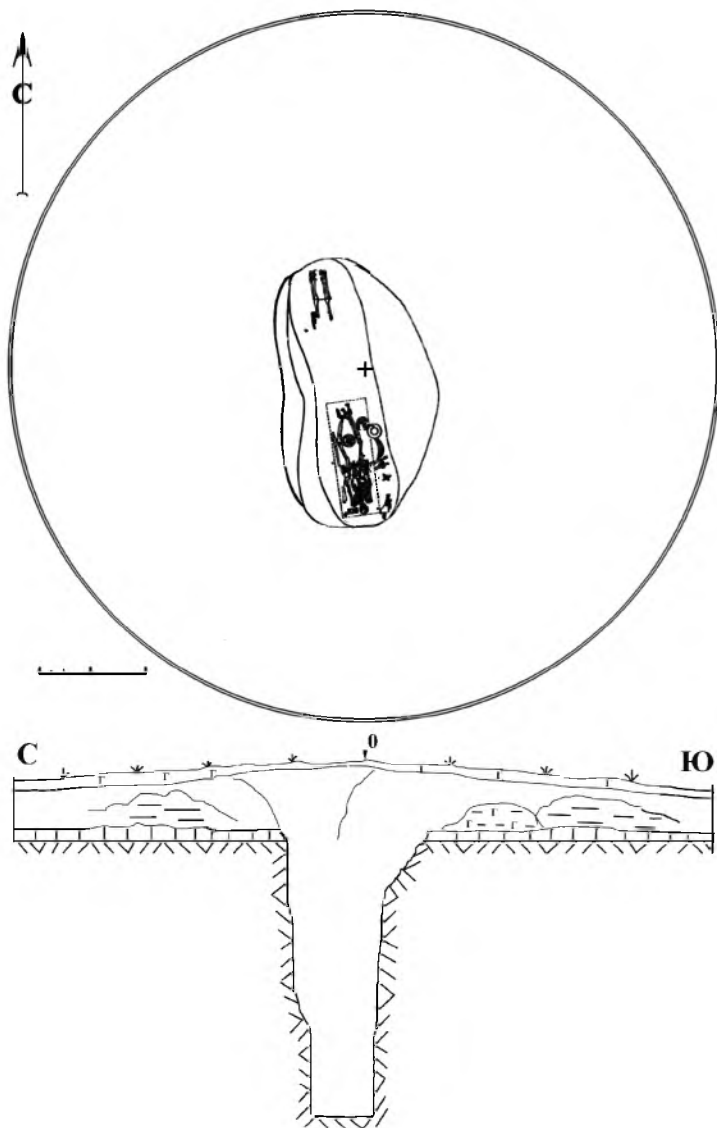

Рис. 6. Могильник Володарка I, курган 4. План и разрез кургана

4) под кистью правой руки лежал железный кинжал с серповидным навершием, прямым перекрестием и небольшим клинком (рис. 8, 5). Длина кинжала 29,5 см, длина рукояти 7,5 см, клинка – 20 см. На клинке с одной стороны сохранился небольшой кусок дерева от ножен;

5) слева вдоль скелета (от середины плечевой кости до коленного сустава) лежал железный меч с прямым перекрестием и без навершия; длина меча 109 см (рис. 8, 8);

6) на костях левой руки и верхней части бедра лежал плохо сохранившийся деревянный колчан, укрепленный по краям железными полосами. Ширина колчана до 20 см, длина 60 см. В колчане находилось более 100 железных трехлопастных наконечников с удлиненной выступающей втулкой. Длина жала головки 1,5 см, длина втулки 3 см;

7) поверх колчана лежало бронзовое зеркало с валиком по краю тыльной стороны диска и боковой ручкой-штырем (рис. 8, 1). Диаметр диска 11,2 см, ширина валика 1 см, длина ручки 1 см. Центральная часть диска отсутствует (выломана);

8) в ногах скелета между ступнями лежали два обломка железных колец (пряжки?);

9) между ногами на уровне коленных суставов на дне ямы лежал круглый серебряный фалар диаметром 24,5 см с изображением в середине диска;

10) второй подобный фалар лежал между голенью правой ноги и глиняным сосудом, стоявшим рядом (рис. 8, 6-7). Ниже приведено описание фаларов из отчета Г.А. Кушаева о раскопках в районе Володарки в 1981 г [Кушаев, 1981-А. Л. 37-40].

«Оба фалара представляют собой серебряные диски, покрытые тонкой золотой фольгой, а изображения на них выполнены чеканкой. На тыльной стороне имеются три ушка-петли длиной по 6 см и изображения передают сюжет мифа о Беларофонте, ведущим борьбу с трехглавой Химерой. По краю серебряных дисков фалар имеется выступ-полувалик шириной 8 мм. У внутреннего основания этого внешнего валика нанесен пунцовый орнамент в виде кружочков диаметром 1 мм, идущих по окружности. На расстоянии 1,8 см от пунцового орнамента ближе к центру диска расположен второй шириной до 8 мм и с высотой-выпуклостью до 0,5 мм валик, представляющий собой лавровый венок с 4 перевязками, в результате чего внутренний валик разделен на 4 большие отрезка. Перевязок на обоих фаларах двух типов и различаются они по размерам. Так, длина верхнего, над головой всадника, на правом фаларе 2,4 см, а нижнего 2 см. На этом же втором фаларе перевязка имеет размеры перед изображением головы льва 1,9 см, а сзади коня, т.е. у хвоста 2,3 см.

На правом фаларе две первые перевязки имеют трудно определяемые изображения животных, выполненные точечной техникой, а 2 других в виде спирали. На левом фаларе, т.е. там, где конь скачет влево, перевязки также различны по размерам, изображениям на них и расположению на полувалике относительно коня и всадника. Например, перевязки с изображениями, выполненными точечной техникой, расположены перед фигурой коня и сзади него, а размеры его соответственно равняются 2,2 см и 2,5 см. Перевязки в виде спирали расположены над головой всадника и под ним, а размеры их соответственно равняются 1,9 см и 1,8 см.

В середине внутренних валиков на площади круга диаметром 16,5 см дано выпуклое рельефное реалистичное изображение всадника, восседающего на крылатом коне-пегасе. Крылья коня в момент взмаха, с прорисовкой перьев, т.е. подняты, голова и шея лошади в гордой позе: шея в верхней части сильно изогнута, а голова сильно натянутыми удилами прижата к ней. Передние две ноги лошади переданы в экспрессии, они почти параллельно подняты, и копыта обращены для удара, по противнику-химере. Из двух задних ног изображена только одна – правая, которая поджата и предельно напряжена для прыжка. Хвост лошади короткий.

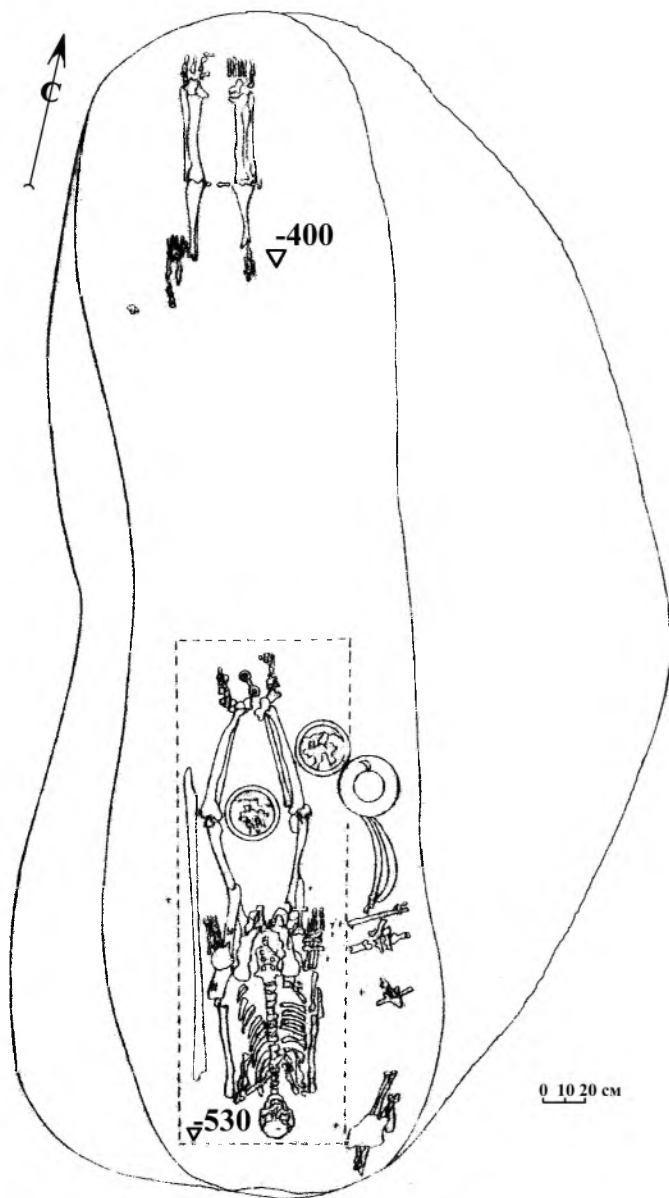

Рис. 7. Могильник Володарка I, курган 4.
План погребения

Всадник на коне изображен с поднятой для удара рукой. В руке всадника зажата рукоять меча с прямым перекрестием. Лицо всадника передано в фас с прямым, греческого типа носом, широко раскрытыми глазами, с густыми, достигающими переносья, бровями, с пухлыми, полуоткрытыми губами и с пышными, собранными и перевязанными на макушке вьющимися волосами.

Через правое плечо всадника перекинута туника, широко развевающаяся за спиной. На груди она имеет 2 горизонтальные складки, передающие разрез у шеи и широкие складки на правом плече, на правой половине груди и ниже пояса. Ниже грудной клетки отчетливо выделен поясной ремень с половиной овальной пряжки. Правое колено всадника закрыто взмахнутым крылом, из-под которого выступает часть правой ноги, обутой в мягкую без подошвы обувь, достигающей 1/3 высоты голени и подвязанной двумя параллельными оборотами с узлом с

задней стороны икр и развевающимися концами ленты.

Под передними ногами Пегаса очень тонко рельефно изображено трехликое чудовищное существо, имеющее голову, туловище, ноги и шею льва, голову козы и хвост-змею».

Таким образом, материалы могильника Володарка I очень важны в плане изучения древней культуры Южного Приуралья. Их культурно-хронологическая позиция определяется достаточно четко. На основании сопровождающего инвентаря все погребения относятся к I тыс. до н.э. Наиболее древним из них является комплекс из кургана № 3. Находки, представленные там, характерны для скифского времени. В частности, бронзовые наконечники стрел из данного комплекса относятся к типам IX и XIII втульчатых трехлопастных и трехгранных наконечников стрел с вытянутыми треугольными головками, более характерными для IV в. до н.э. [Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 13]. Короткий меч с бабочковидным перекрестием и когтевидным навершием с перекладиной по центру относится к клинковому оружию, получившем распространение в степях Южного Урала на рубеже V-IV вв. до н.э. [Гуцалов, 2007. Табл. 1, 17]. Бронзовые зеркала с круглым плоским диском и длиной ручкой встречаются с конца VI по начало IV вв. до н.э. [Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 28]. Для этого времени присущи и ожерелья из крупных золотых бусин с гофрированной поверхностью [Кадырбаев, 1984. Рис. 4; Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 27]. В плане архаичности рассматриваемого погребения показательным и обнаружение в нем костяной пластинки с изображением головы волка в характерной для южноуральских кочевых манере «савроматского» звериного стиля [Там же. Табл. 23], хотя стоит отметить наличие на данном предмете некоторых признаков схематизма. В этом случае своеобразным хронологическим индикатором выступает набор сосудов с примесью талька в тесте. В целом они по форме и орнаменту типичны для южноуральской кочевой культуры V-IV вв. до н.э. Стоит только отметить уникальность сосуда, украшенного по верхней части тулова орнаментом из «елочек» (рис. 4, 4). Керамика с тальком в тесте в IV в. до н.э. становится в степях Приуралья даже культууроопределяющей [Мошкова, 1974. С. 11, 20], но начинает она широко распространяться на исследуемой территории уже с конца V в. до н.э. [Смирнов, 1964. Рис. 49, 1в, 2а; и др.]. В зауральской же части региона они известны уже с самого начала V в. до н.э. [Пшеничнюк, 1983; Савельев, 2000. Рис. 2-5]. Поэтому наиболее вероятная дата комплекса – конец V – рубеж V-IV вв. до н.э.

Возможно, что к этому или немного более раннему времени относится основное погребение в кургане № 2. В пользу этого говорят находки втульчатых бронзовых трехлопастных наконечников со сводчатой головкой. Впускное же захоронение, совершенное в прямоугольной яме с уступами вдоль стен, относится, скорее всего, к концу IV-III вв. до н.э. Имен-

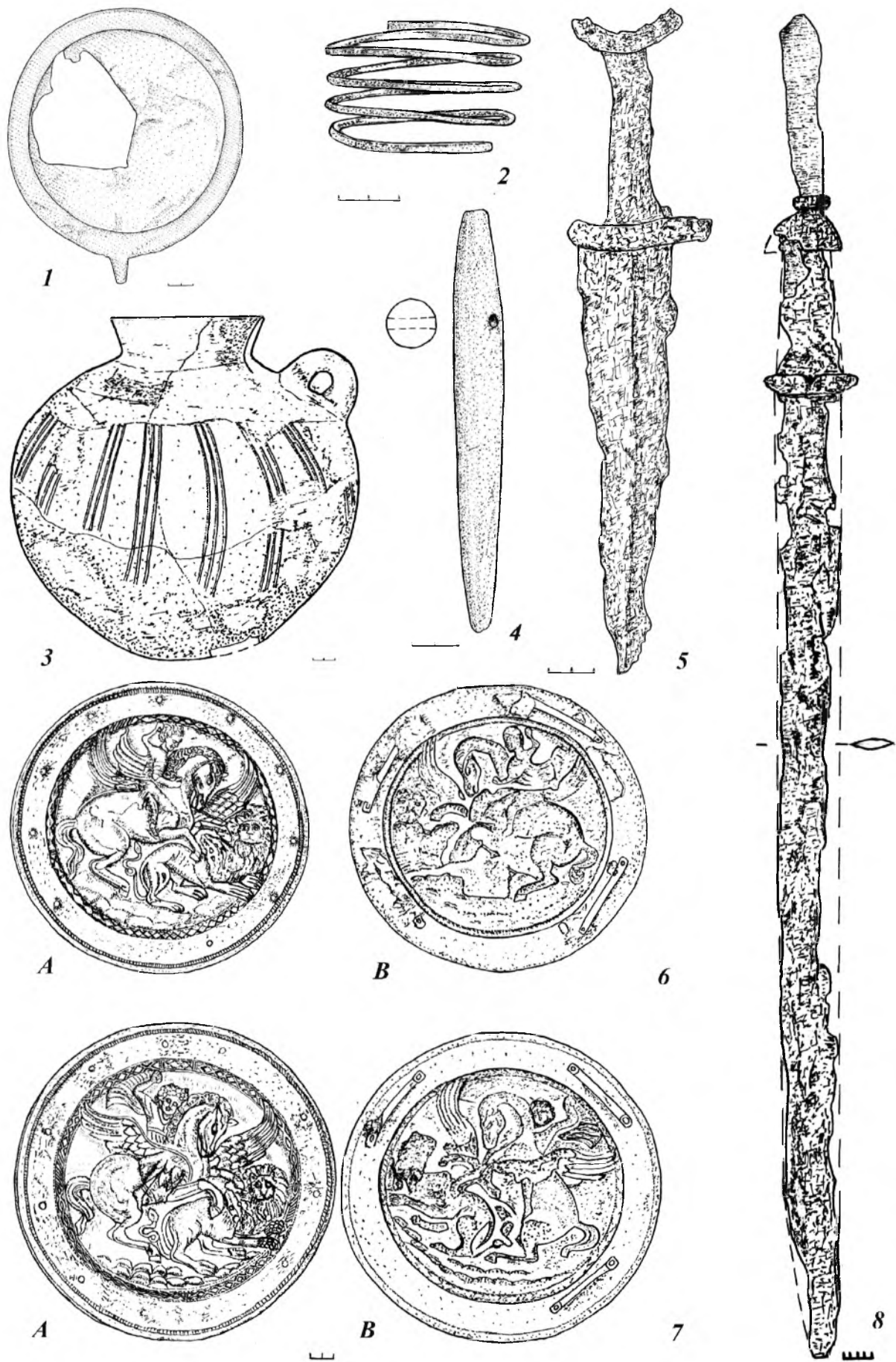

Рис. 8. Могильник Володарка I, курган 4. Инвентарь
 1 – бронза; 5, 8 – железо; 2, 6, 7 – серебро. 3 – глина. 4 – камень

но для указанного времени характерно положение в могилу втульчатых бронзовых трехлопастных наколочников с удлиненной треугольной головкой в сочетании с железными мечами, имеющими прямые узкие перекрестия и навершия серповидной формы [Мошкова, 1963. Табл. 14-16; 18].

Самое позднее из рассматриваемых погребений – нижнее захоронение из кургана № 4. Ему присущи такие признаки как впускной характер захоронения в более древний курган, в катакомбе в торце входной ямы, где покойный размещался в деревянном гробу, головой на юг. Сопровождающий инвентарь представлен бронзовым зеркалом с ручкой-штырем, золотым многовитковым браслетом, круглодонным сосудом шаровидной формы, серебряными фаларами, железными черешковыми наконечниками стрел, клинками с серповидным навершием и без него. В целом, заупокойный инвентарь позволяет погребение уверенно относить к II-I вв. до н.э. [см.: Скрипкин, 1990].

В этой связи стоит заметить, что целый ряд вещей из анализируемого погребения являются если не уникальными, то оригинальными. Помимо уже известных в специальной литературе фаларов с изображением мифа о Беллерофонте, обращает на себя внимание появление в южноуральских степях мечей с перекрестьями, у которых концы обращены в сторону навершия. Особенно интересен в плане исторических параллелей длинный меч из Володарки (рис. 8, 8). Данный тип клинкового оружия в степях Урала зафиксирован пока дважды – еще один подобный экземпляр обнаружен в погребении 1 кургана 16 могильника Покровка-2 [Яблонский и др., 1994]. Есть основания полагать, что эти мечи китайского происхождения. В володарском погребении обнаружен двуручный пехотный меч, который явно не приспособлен для использования в конном сражении, хотя, судя по находкам фаларов, погребение всадническое. В Китае эти мечи получают распространение в конце эпохи Чжаньго (V-III вв. до н.э.) – эпоху Хань, преимущественно во II-I вв. до н.э. [Васильев, 2005]. Я не собираюсь

делать далеко идущих исторических параллелей, хотя они напрашиваются.

Таким образом, материалы раскопок Г.А. Кушаева из Володарки представляют значительный интерес в изучении истории и культуры древнего населения Евразии и требуют углубленного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.Н. Об одном редком типе мечей Южного Приуралья и Юго-Западного Приаралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Актобе, 2005. Вып. 2.

Гуцалов С.Ю. Мечи и кинжалы кочевников Южного Приуралья в VI-I вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007.

Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. - Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Кушаев Г.А. Отчет об итогах археологических раскопок Уральского пединститута в 1981 году. Уральск, 1981 // Западно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей. УОМ № 4832/5.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д 1-10. М., 1963.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.

Савельев Н.С. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // УАВ. Вып. 2. 2000.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д 1-9. М., 1963.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М., 1994.

КУРГАН 12 МОГИЛЬНИКА СТАРЫЕ КИИШКИ

В.К. Фёдоров

BARROW 12 OF THE BURIAL GROUND OLD KIISHKI

V. Fedorov

Ключевые слова: ранние сарматы, прохоровская культура, курган, погребальный обряд

В статье публикуются материалы кургана № 12 могильника Старые Киишки в Кармаскалинском районе Башкортостана. Исследовано четыре погребения, принадлежащих прохоровской культуре раннего железного века (ранние сарматы). Взрослые захоронены в простых ямах, вытянуто на спине, младенец – в толще гумуса. Среди находок – железный кинжал с навершием в виде волнот, железные и бронзовые наконечники стрел, среднеазиатская гончарная посуда, гагатовые и коралловые бусы, костяные ложечки, стеатитовое орнаментированное пряслице, золотой перстень.

Keywords: early Sarmatians, Prokhorovskaya Culture, mound, funeral rites

In the article the author published materials of the burial mound number 12 in the Old Kiishki, Karmaskalinsky district of Bashkortostan. We investigated four burial grounds belonging to the Prokhorov culture of the early Iron Age (the early Sarmatians). Adults are buried in simple pits, stretched on their back, a baby - in the thickness of humus. Among the findings feature an iron dagger with a finial in the form of volutes, iron and bronze arrow heads, Central Asian pottery, jetty and coral beads, small bone spoons, a steatite ornamented spindle, a gold ring.

Летом 2003 года археологической экспедицией Академии ВЭГУ под руководством автора была исследована сохранившаяся часть кургана № 12 могильника Старые Киишки в Кармаскалинском районе Башкортостана. Могильник получил широкую известность после исследований М.Х. Садыковой в 1957, 1958 и 1960 гг. [Садыкова, 1962а; 1962б; Садыкова, Васильев, 2001].

История исследования могильника Старые Киишки такова: в 1934 году один курган – № 9 (10 погребений)

был исследован П.А. Дмитриевым и К.В. Сальниковым, в 1957-1958 гг. М.Х. Садыковой исследовано 4 кургана – №№ 11 (20 погребений), 13 (14 погребений), 14 (19 погребений), 20 (15 погребений), в 1960 г. ей же исследовано 3 кургана – №№ 10 (11 погребений), 15 (10 погребений), 18 (35 погребений). Публикация этого материала была осуществлена в трех упоминавшихся выше статьях: в 1962 г. М.Х. Садыковой в № 115 «Материалов и исследований по археологии СССР» (курганы 9 и 13) и томе 1 «Археологии

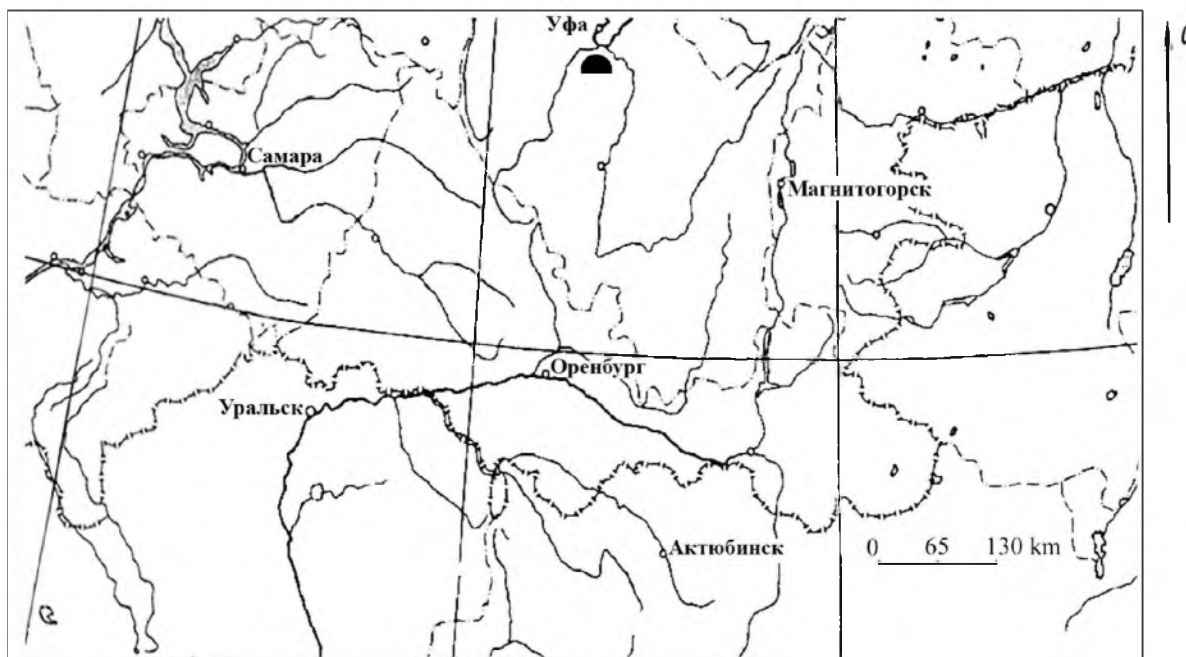

Рис. 1. Местоположение могильника Старые Киишки

Рис. 2. Курганный могильник Старые Кишки. План. Курганы 1-20 (по М.Х. Садыковой, 1962):
 а – дуга; б – поле; в – современное кладбище; г – курганы, раскопанные в 1934 г.;
 д – курганы, раскопанные в 1958-1959 гг.; е – нераскопанные курганы
 (прим. ред.: расположенные на современном кладбище курганы III-VIII, обозначенные на
 плане М.Х. Садыковой, как раскопанные в 1934 г., на самом деле никогда не исследовались)
 Курган № 12 отмечен стрелкой

и этнографии Башкирии» (курганы 11, 13, 14, 20), в 2001 г. – В.Н. Васильевым в выпуске 3 «Уфимского археологического вестника» (курганы 10, 15, 18).

Курган располагался на территории деревни, в восточной ее части. Здесь находилась центральная часть могильника, в которую входили курганы №№ 9-15. Все они, кроме № 12, исследованы. Насыпь кургана № 12 почти вся уничтожена при строительстве дороги (деревенской улицы), сохранился небольшой останец размером примерно 12×6 м и высотой 0,6 м, который располагался между полотном дороги и усадьбами. Останец был включен в раскоп площадью около 140 м². В качестве репера (0) избрана точка А1 – юго-западный угол раскопа. Ввиду отсутствия свободного пространства останец кургана раскапывался ориентированными по линии север-юг траншеями размером 10×2 м, путем перекидывания грунта на исследованные участки. Всего было заложено 7 траншей. Раскопки были выявлены 4 погребения, находившихся на южной периферии кургана (рис. 3).

Раскоп пересекали в разных направлениях 3 современных траншеи – для заземления ЛЭП, газовой трубы и пустая, неизвестного назначения. Траншея для газовой трубы, тянущаяся вдоль полотна дороги (длина в пределах раскопа 15 м, ширина 0,6-2 м), разрушила южную часть погребения № 1 с верхней половиной костяка. В ее заполнении были найдены ко-

сти человека и животных. Судя по тому, что среди костей человека находилась левая большеберцовая кость, кроме погребения № 1 траншея разрушила, как минимум, еще одно погребение. Кроме костей и различных современных вещей в траншее газовой трубы найден ряд предметов из разрушенных погребений, в т.ч.:

1. Бусина бочонковидная темно-синего стекла с 6 налепными шишечками (3 желтого, 3 голубого цвета), обвитая поперек волнообразной голубой нитью. Диаметр бусины 1,8 см, высота бусины 2,2 см, диаметр отверстия 1,2 см (рис. 5, 7);

2. Бусина гагатовая. Диаметр 0,5 см, толщина 0,1 см (рис. 5, 8);

3. Фрагмент стенки красноглиняного гончарного сосуда, его размеры 3,3×3,0 см, толщина 0,8 см.

Стратиграфические наблюдения

В результате раскопок получено 8 меридиональных разрезов (обозначенных латинским литерой от А до Н) и 2 широтных.

Все профили имели следующие слои:

1. Дерн – до 0,05 м;
2. Черный гумус – от 0,7 до 1,5 м;
3. Материк – красная глина.

К сожалению, в слое черного гумуса не удалось визуально выделить погребенную почву и какие-либо

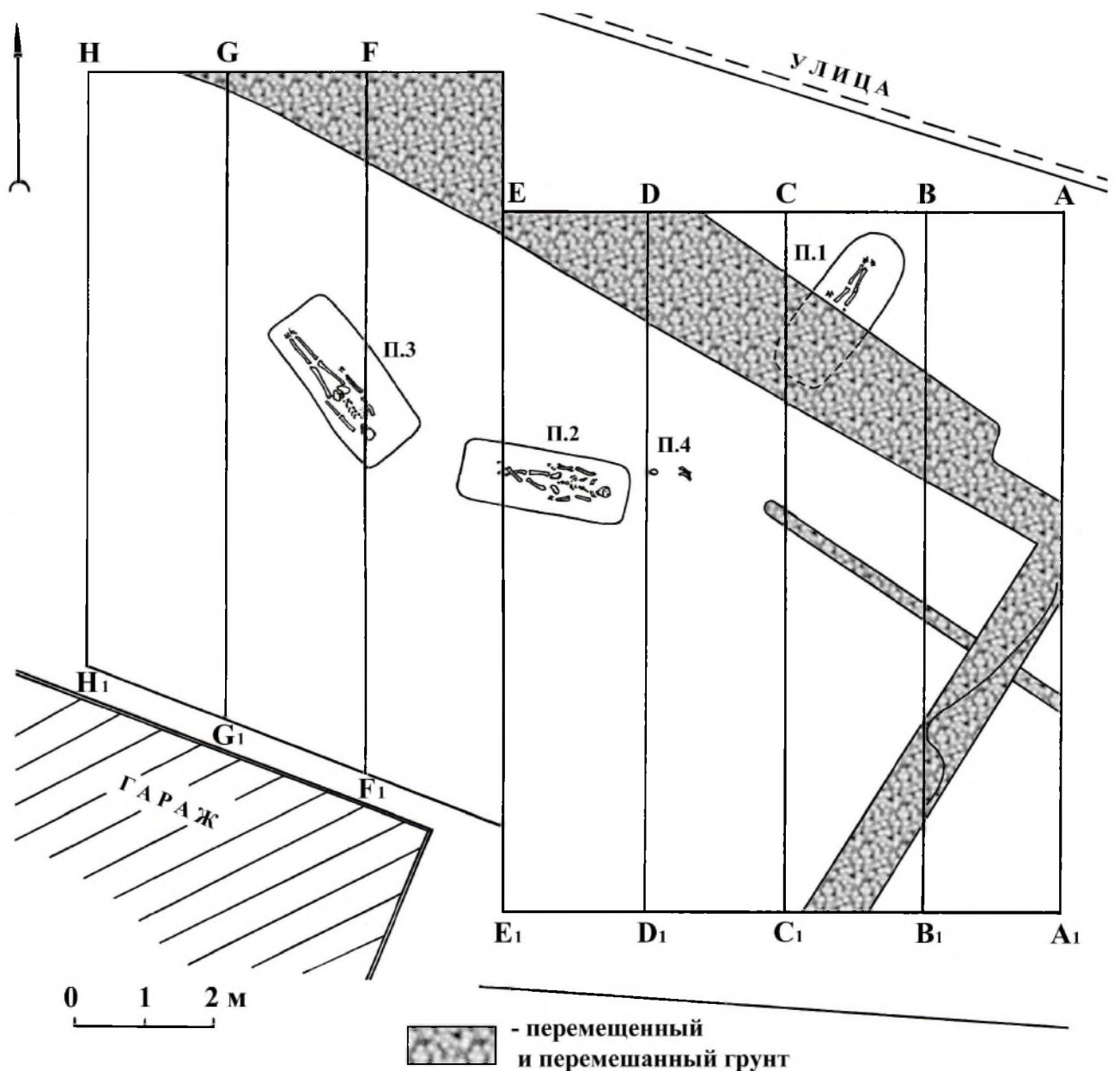

Рис. 3. Курганный могильник Старые Кишки. Курган 12. План раскопа

особенности структуры насыпи. Северный широтный и меридиональные профили А-Д сильно испорчены современными траншеями, имевшими из-за обрушения стенок в верхней части гораздо большую ширину, нежели на материке – до 5 м.

Значимую информацию несли лишь меридиональные профили Е, F и G, в которых найдены пятна грунта от могильных выкидов (рис. 4).

Профиль Е-Е1

В северной части зафиксирована тонкая прослойка красной глины длиной 0,8 и мощностью до 0,05 м, частично прорезанная современными траншеями. Она располагалась на глубине от -5 до -20 см. При сопоставлении с планиграфией установлено, что это могильный выкид из погребения № 3.

В центральной части профиль пересек поперек могильную яму погребения № 2. По пятнам могильного выкида зафиксировано, что древняя поверхность в момент совершения погребения находилась на глу-

бине -30 см. Наибольшая глубина могилы -188 см, т.е. первоначальная глубина могилы составляла примерно 1,58 м. При копке могилы грунт выбрасывался на южную сторону, отсюда же велась засыпка могилы, что хорошо отразилось на профиле в виде многочисленных пятен красной глины, располагающихся над могилой по дуге с юга на север.

Профиль F-F1

В центральной части профиль пересек наискось могильную яму погребения № 3. Непосредственно над нею на глубине от -45 до -65 зафиксированы две наклонные линзы материковой глины длиной 0,85-0,9 м и мощностью от 0,05 до 0,2 м. Расположение линз ясно показывает, что погребение засыпали одновременно с двух сторон – с юго-запада и северо-востока.

Профиль G-G1

В центральной части профиля на глубине от 0 до -5 зафиксирована тонкая линза материковой глины длиной 0,9 м и мощностью 0,05 м. Вместе с линзой из

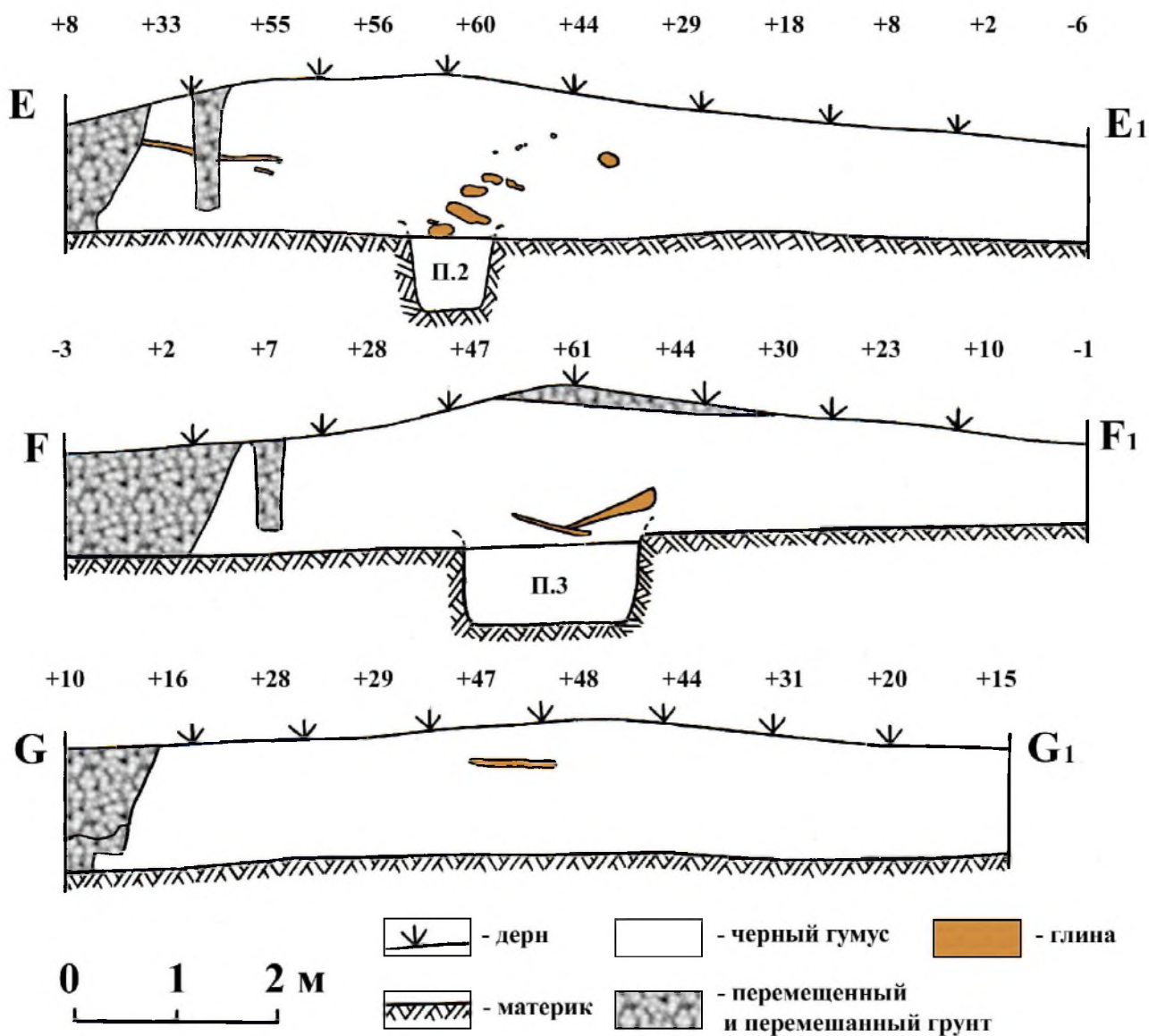

Рис. 4. Курганный могильник Старые Кишишки. Курган 12. Профили разрезов

северной части профиля Е–Е1 они составляют остатки могильного выкида из погребения № 3. Могильная яма копалась с выкидыванием земли по обе стороны от нее. Учитывая, что глубина ее достигала отметки -193, общая глубина могилы была порядка 1,63 м.

Таким образом, стратиграфические наблюдения показывают, что древняя поверхность, с которой копались могильные ямы, была примерно на 30 см глубже уровня современной. Учитывая процесс почвообразования, очевидно, что погребенная почва времени сооружения кургана должна располагаться несколько глубже, а значит, погребения вводились в уже возведенную насыпь, которая в периферийной части могла быть относительно невысокой.

Погребение 1

Выявлено в северо-восточной части раскопа. Траншея для газовой трубы уничтожена примерно

половина погребения. Могильная яма имела ширину 0,99 м, длина сохранившейся части 1,17 м, общая длина могилы была, вероятно, около 2,3-2,4 м. Глубина в материк 0,34-0,36 м. Стенки и дно ровные. Ориентировано по линии ЮЗ-СВ. Заполнение представляло собой чернозем, перемешанный с материковой глиной. В могиле обнаружена нижняя часть скелета женщины 25-30 лет¹. Сохранились нижние части бедренных костей, кости голеней и стоп, а также фаланги пальцев левой руки, на одной из которых был надет золотой перстень. Под левой бедренной костью находилось одно из ребер. Судя по сохранившимся костям, погребенная лежала на спине, вытянута, руки вдоль туловища, головой к юго-западу. Непосредственно под скелетом находился слой сине-зеленого ила мощностью около 0,05 м (рис. 5, I).

Сопровождающий инвентарь располагался с правой стороны погребенной. В районе колена лежали

¹ Подробную характеристику антропологического материала см. в публикуемой здесь же статье В.В. Куфтерина.

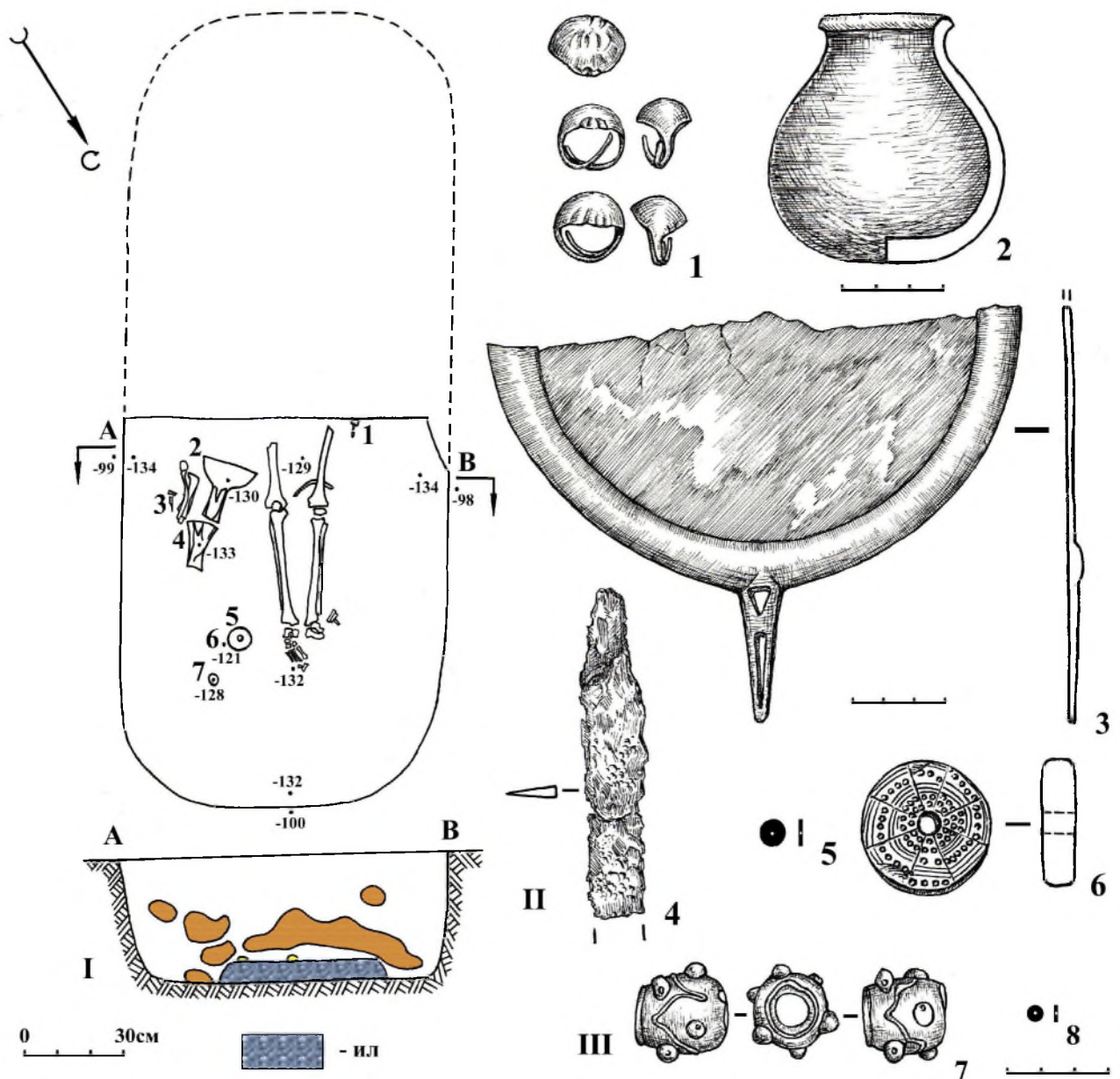

Рис. 5. Курганный могильник Старые Кишки. Курган 12. Погребение 1:
 I – план и профиль погребения (1 – перстень, 2 – зеркало, 3 – нож, 4 – кости МРС, 5 – сосуд, 6 – бусина, 7 – пряслице); II – инвентарь погребения (1 – перстень, 2 – сосуд, 3 – зеркало, 4 – нож, 5 – бусина, 6 – пряслице); III – бусины из газовой траншеи (1 – золото, 2 – керамика, 3 – бронза, 4 – железо, 5, 8 – гагат, 6 – камень, 7 – стекло цветное)

зеркало с деревянной рукояткой (распалась), передняя нога мелкого рогатого скота с лопаткой, железный нож, у стопы – гончарный сосудик, рядом с ним гагатова бусина, ниже – пряслице из стеатита.

Инвентарь погребения (рис. 5, II):

1. Перстень с округлым щитком и заходящими друг за друга несомкнутыми концами. Щиток получен расплющиванием и выколачиванием заготовки в средней части. Размер перстня 1,8×1,8 см, размер щитка 1,8×1,2 см (рис. 5, I);

2. Зеркало круглое с валиком и ручкой-штырем. Сохранилась нижняя часть, верхняя срезана ковшем экскаватора. Диаметр диска 15,4 см, длина ручки 4 см, ширина валика 1,3 см. На поверхности места-ми сохранились фрагменты ткани (рис. 5, 3);

3. Нож с прямой спинкой. Длина лезвия 5,7 см, ширина лезвия 1,3 см, длина рукояти 2,4 см, ширина рукояти 1,1 см, общая длина 8,1 см. Коррозирован, лезвие сломано, кончик лезвия отсутствует (рис. 5, 4);

4. Сосудик гончарный. Тулово шаровидное, горловина заужена, венчик отогнут, дно уплощенное. Поверхность песочно-оранжевого цвета, залощена, местами выкрошена. Диаметр по венчику 3,6 см, диаметр тулова 6,5 см, диаметр дна 3,3 см. Высота сосуда 6,1 см (рис. 5, 2);

5. Бусина гагатова. Диаметр 0,7 см, толщина 0,1 см (рис. 5, 5);

6. Пряслице стеатитовое круглое, черного цвета с круглым сквозным отверстием в центре. Лицевая

поверхность разделена на 8 сегментов. Каждый из них орнаментирован линиями и точками. Обратная и боковая стороны имеют следы затертости. Диаметр пряслица 3,2 см, толщина 0,8 см, диаметр отверстия 0,7 см (рис. 5, б).

Погребение 2

Выявлено в центральной части раскопа. Могильная яма имела ширину 0,88 и длину 2,37 м. Глубина в материк 0,78-0,83 м. Стенки и дно ровные. Ориентирована по линии запад-восток с небольшим отклонением. Заполнение представляло собой в нижней части чернозем, в верхней – слой перемешанного грунта

с линзами материковой глины. В могиле находился костяк женщины 20-25 лет, лежавший вытянуто на спине, головой к востоку. Руки вытянуты вдоль тела, кости голени и стоп сдвинуты с мест. Как и в погребении № 1, погребенная покоилась на слое синезеленого ила мощностью 0,05 м (рис. 6, Д).

С каждой стороны черепа найдено по одному височному кольцу из медной проволоки, на шее низка гагатовых и коралловых бус. По низке таких же бус находилось на каждом запястье. На кисти правой руки лежало зеркало, под зеркалом – плохо сохранившаяся костяная ложечка, ниже него – пряслице из стенки сосуда и кусочек мела. Вдоль левой

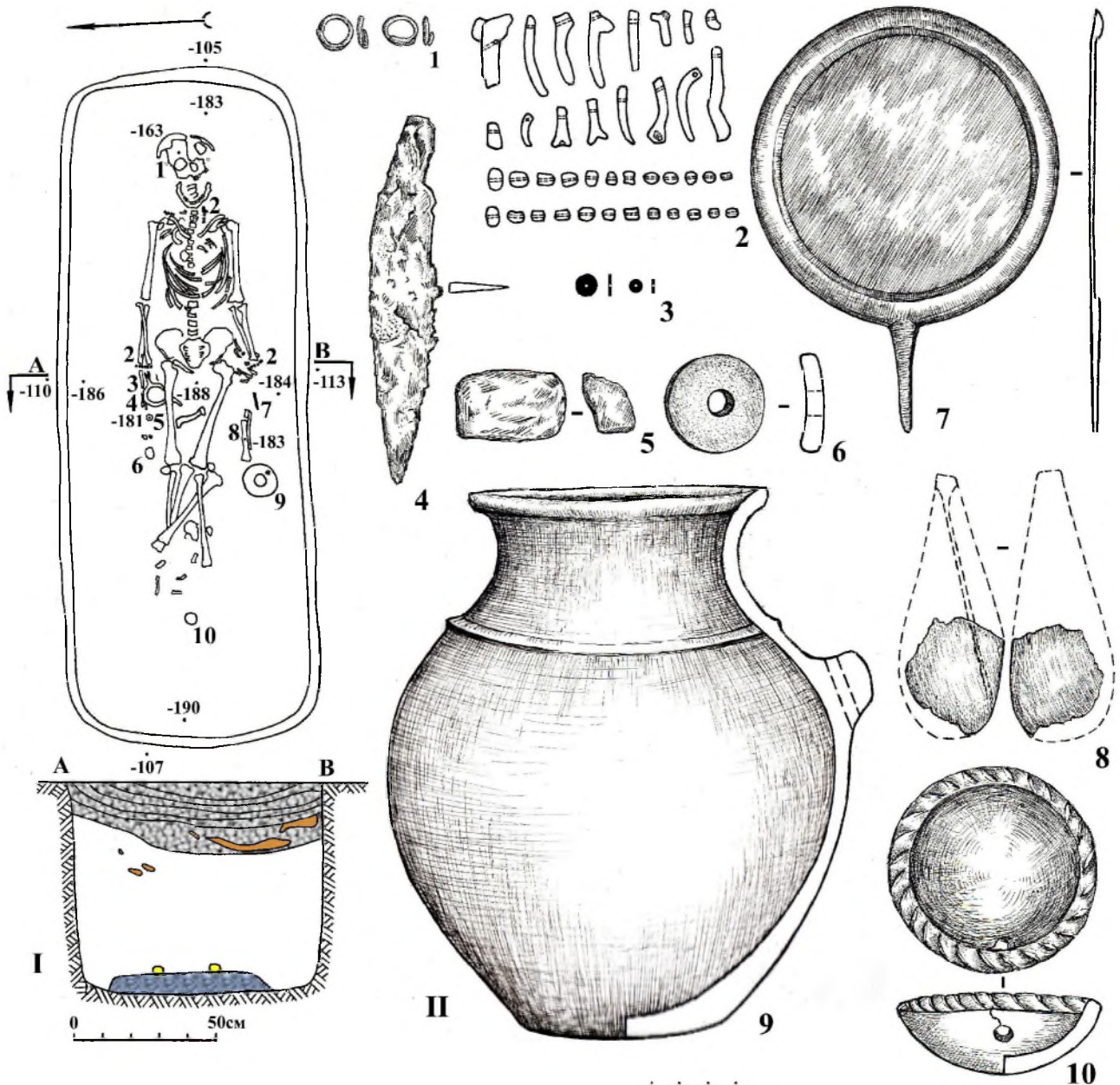

Рис. 6. Курганный могильник Старые Кишки. Курган 12. Погребение 2:

- I* – план и профиль погребения (1 – височные кольца, 2 – бусы, 3 – зеркало, 4 – ложечка, 5 – пряслице, 6 – мел, 7 – нож, 8 – кости МРС, 9 – сосуд, 10 – курильница);
II – инвентарь погребения (1 – височные кольца, 2, 3 – бусы, 4 – нож, 5 – кусок мела, 6 – пряслице, 7 – зеркало, 8 – ложечка, 9 – сосуд, 10 – курильница)
 1, 7 – бронза, 2 – коралл, 3 – гагат, 4 – железо, 5 – мел, 6, 9, 10 – керамика, 8 – кость

ноги располагались кости конечности мелкого рога-того скота, железный нож и красноглиняный гончарный сосуд. Ниже костей стоп погребенной стояла лепная курильница.

Инвентарь погребения (рис. 6, II):

1. Височные кольца, свернутые из бронзовой проволоки, с заходящимися друг за друга концами. Диаметр колец 1,2 см (рис. 6, 1);

2. Бусы коралловые (40 шт., в т.ч. 13 веточек и 27 округлых), с крошащейся поверхностью, белого с розоватым оттенком цвета (рис. 6, 2);

3. Бусы гагатовые (297 шт.), круглые, цилиндрические, диаметр 0,3-0,6 см, толщина 0,1-0,2 см (рис. 6, 3);

4. Зеркало круглое с валиком и ручкой-штырем. Диаметр диска 11,5 см, длина ручки 4 см, ширина валика 1,1 см (рис. 6, 7);

5. Фрагмент ложки. Размер 3,3×3,5 см (рис. 6, 8);

6. Пряслице круглое, серого цвета, с круглым отверстием в центре. Изготовлено из стенки лепного сосуда с примесью талька в глиняном тесте. Диаметр диска 3,4 см, толщина 0,6 см, диаметр отверстия 0,8 см (рис. 6, 6);

7. Кусок мела прямоугольной формы. Размер 4,2×2,3 см (рис. 6, 5);

8. Нож с горбатой спинкой, рукоятка обложена деревом. Длина лезвия 10 см, ширина лезвия в широкой части 2 см, длина рукояти 2,5 см, ширина рукояти 1,3 см, общая длина 12,5 см (рис. 6, 4);

9. Сосуд гончарный. Тулово слегка выпуклое, горловина заужена, венчик отогнут, дно плоское. В нижней части горловину украшает выпуклый валик. В верхней части тулова – налеп-шишечка со сквозным вертикальным отверстием. Поверхность оранжевого цвета, местами со следами красноватого ангоба. Около половины внешней поверхности сосуда покрыта кальцитовая корка. Диаметр венчика 10,5 см, диаметр тулова 15,5 см, диаметр дна 7 см, высота сосуда 18,8 см (рис. 6, 9);

10. Курильница полусферической формы с круглым отверстием на стенке. Срез венчика орнаментирован наклонными вдавленными линиями. Во внутренней части следы копоти. Диаметр чаши 7,5 см, высота 2,7 см (рис. 6, 10).

Погребение 3

Выявлено в западной части раскопа. Могильная яма шириной 1,2 м и длиной 2,4 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Глубина в материк 0,73-0,75 м. Стенки могилы несколько сужаются ко дну, дно ровное. Заполнение представляло собой в нижней части чернозем с пятнами материковой глины и перемешанного грунта, в верхней – слой перемешанного грунта с линзами материковой глины. По расположению слоев можно заключить, что забрасывание могилы грунтом интенсивнее происходило с юго-западной стороны. В могиле находился костяк мужчины 16-20 лет, лежавший вытянуто на спине, несколько сдвинуто к юго-западной стенке относительно центральной оси могилы, головой к юго-востоку. Руки вытянуты, левая кисть под головкой бедренной кости. Дно могилы посыпано мелким речным песком (рис. 7, I).

Под правым предплечьем и кистью вдоль бедра лежал железный кинжал. У правого тазобедренного сустава зафиксировано скопление угольков. Под правой бедренной костью был положен железный нож. На колене правой ноги находились остатки колчана с крючком, железными и бронзовыми стрелами. У левой стопы погребенного стоял красноглиняный гончарный сосуд с раздутым туловом, вплотную к сосуду лежала костяная ложечка.

Инвентарь погребения (рис. 7, II):

1. Кинжал с прямым перекрестием и волутообразным навершием. Длина рукояти 11 см, ширина навершия 5 см, ширина рукояти 1,5 см, длина лезвия 23 см, ширина лезвия у перекрестья 2,5 см. Общая длина кинжала 34 см. Сильно коррозирован. Перекрестье частично утрачено (рис. 7, 7);

2. Крючок колчаный из круглого в сечении прута, верхняя часть уплощена (раскована), имеет отверстие. Размер 6,5×3,9 см. Коррозирован (рис. 7, 5);

3. Наконечники стрел бронзовые трехлопастные с внутренней втулкой – 4 шт. Длина 3,2 см (рис. 7, 4);

4. Наконечники стрел железные черешковые, очень плохой сохранности, судя по остаткам – трехлопастные. Всего 30 мелких наконечников длиной от 2 до 2,5 см (рис. 7, 3) с длинными черешками (наибольшая длина 5 см) и 2 крупных, длиной 7,6 и 5,4 см (рис. 7, 1, 2);

5. Нож с горбатой спинкой, рукоятка частично обложена деревом. Коррозирован, лезвие сломано. Длина лезвия 5,3 см, ширина лезвия в широкой части 1,7 см, длина рукояти 3,9 см, ширина рукояти 0,8 см. Общая длина ножа не менее 9 см (рис. 7, 6);

6. Сосуд гончарный. Тулово шаровидное, горловина вытянута, венчик отогнут, дно плоское. Нижнюю часть горловины опоясывает валик. Поверхность светло-оранжевого цвета, местами со следами красноватого ангоба. На поверхности по сырой глине прочерчен знак в виде буквы «Т». Диаметр венчика 9,2 см, диаметр тулова 19,5 см, диаметр дна 13,5 см. Высота сосуда 20,2 см (рис. 7, 8);

7. Ложечка костяная в виде плоской лопаточки, конец рукояти и нижняя часть лопасти обломаны. Хорошо залощена. Длина 8,9 см, ширина 4,3 см (рис. 7, 9).

Погребение 4

В непосредственной близости от восточного конца погребения № 3 на глубине -93 в слое чернозема найден плохо сохранившийся костяк младенца в возрасте до 1 года, лежавший вытянуто по линии запад-восток, головой к западу. Вещей нет.

Погребальный обряд и большинство вещевого материала кургана № 12 совершенно идентичны тем, что представлены в ранее исследованных курганах данного могильника. Расположение погребений по кругу, простые могильные ямы, зеленая подмазка дна женских могил, безинвентарные захоронения детей в слое чернозема – эти детали обряда очень характерны для Старо-Киешкинских курганов. Красноглиняная гончарная посуда, лепная тальковая керамика

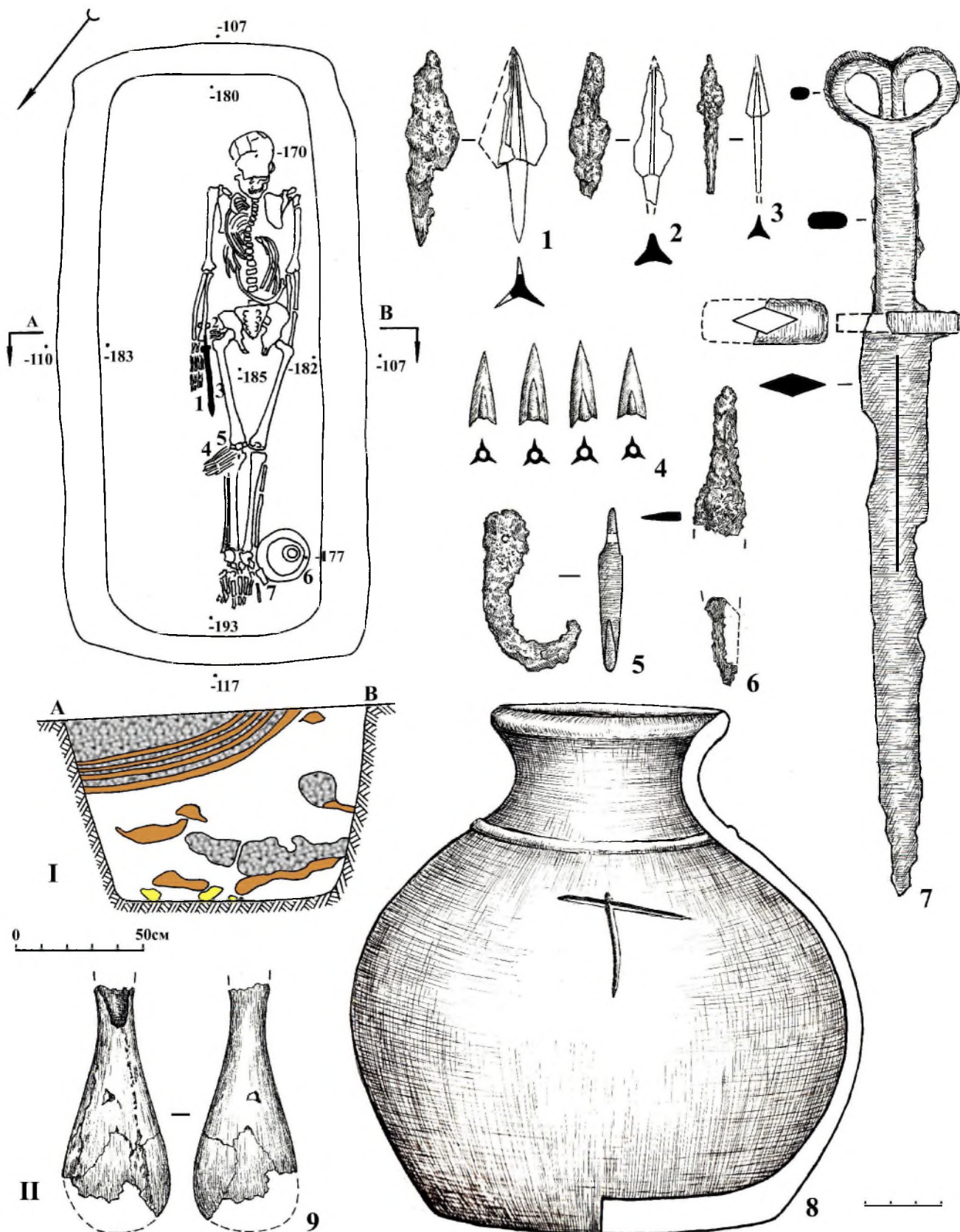

Рис. 7. Курганный могильник Старые Кишки. Курган 12. Погребение 3:
 I – план и профиль погребения (1 – кинжал, 2 – угольки, 3 – нож, 4 – стрелы,
 5 – колчаный крючок, 6 – сосуд, 7 – ложечка); II – инвентарь погребения
 (1-4 – наконечники стрел, 5 – колчаный крючок, 6 – нож, 7 – кинжал, 8 – сосуд, 9 – ложечка)
 1-3, 5-7 – железо, 4 – бронза, 8 – керамика, 9 – кость

ка, многочисленные гагатовые и коралловые бусы, бронзовые втульчатые наконечники стрел, находящиеся совместно с железными черешковыми в одном колчане, зеркала с валиком по краю и рукояткой-штырьком, пряслица из стенок тальковой посуды, железные ножи, находимые вместе с костями конечностей мелкого рогатого скота, куски мела – всё это составляет «классический» набор инвентаря старо-киишкинских погребений. Очень показательны также находки в женских могилах каменных орнаментированных пряслиц, аналогичных тем, что происходят из кара-абызских памятников, расположенных в непосредственной близости от Старых Киишек, на противоположном берегу р. Белая [см. напр.: Овсянников и др., 2007. Рис. 9, 2].

Для датировки погребений важное значение имеют импортные предметы, прежде всего керамика и бусы. Гончарные сосуды из погребений 2 и 3, по мнению С.Б. Болелова, относятся к хорезмийскому комплексу III-II вв. до н.э., он же в письме автору от 12.01.2012 г. указал наиболее близкие аналогии им [Калалы-Гыр 2, 2004. Рис. 3/24]. Маленький сосудик из п. 1 С.Б. Болелов считает также хорезмийским, но более ранним, его дата – самый конец V – первая половина IV в. до н.э.

К сожалению, не удалось найти аналогий бусине из разрушенного погребения. Близкая по типу бусина найдена в комплексе Подовое 6/1² в Херсонской области Украины, датирующемся по фибуле I в. н.э. [Симоненко, 1993. Рис. 11, 2E].

Золотой перстень с раскованным щитком является сравнительно редкой находкой. На Южном Урале они мне неизвестны. Золотой перстень из Старых Киишек 10/11, судя по описанию, иного типа [Пшеничнюк, 1983. С. 183], к сожалению, он не опубликован. В Поволжье такие перстни найдены в Бережновке II 14/21 и Белокаменке 6/5, которые датируются В.М. Клепиковым III в. до н.э. [Клепиков, 2002. С. 90-91. Рис. 31, 4, 5; 35, 6]. В савроматских погребениях их нет, но в скифских они обычны, хотя имеют по большей части плоские щитки, но встречаются и с выпуклыми [Фиалко, 1991. Рис. 5].

Очень необычен кинжал с навершием в виде волют. Большинство старокиишкинских мечей и кинжалов имеют прямое перекрестье и серповидное навершие. Навершия с волютами более характерны для скифского и савроматского оружия [Смирнов, 1961. Рис. 2, 3; Мелюкова, 1964. С. 54]. Кинжалы сарматского времени с волютообразными навершиями весьма подробно рассмотрены А.В. Симоненко [Симоненко, 2010. С. 26-32]. Он отрицает генетическую их связь с оружием предшествующего времени, имеющим подобные навершия, и относит их новое появление ко II в. до н.э. Возрождение их, согласно А.В. Симоненко, может быть связано с притоком в сарматскую среду каких-то групп среднеазиатских кочевников [Там же. С. 31]. В этой связи отметим, что навершие кинжала из Старых Киишек очень оригинально, концы волют у него не закручиваются

в завитки, а упираются в середину рукояти. Точно такое же навершие у кинжала из Тахти-Сангина [Литвинский, 2001. Табл. 58, 3], где есть кинжалы и с истинными волютами [Там же. Табл. 58, 1-2]. Однако датировать кинжалы из Тахти-Сангина именно II в. до н.э. оснований нет. Они могут быть датированы как более ранним, так и более поздним временем. Вектор направления воздействия мог быть и обратным, у кочевников Согды и Бактрии навершия в виде волют могли появиться под влиянием сарматской оружейной традиции, как полагает А.С. Скрипкин [Скрипкин, 1990. С. 126].

Еще одна версия причины появления у кочевников сарматского времени наверший с волютами, высказанная А.В. Симоненко, довольно умозрительна. В качестве побудительного толчка к их возрождению он предполагает спонтанное закручивание «для красоты» ветвей серповидного навершия в волюты «под руками какого-то кузнеца». Приводимый им в качестве примера кинжал «из Талачевки» в Башкирии, найден на самом деле в Каиндинских песках на границе Чингирлауского и Каратобинского районов Уральской области Казахстана³ [Железчиков, 1980. Рис. 2, 6; 1998. Рис. 50, 10]. Из с. Талачево Стерлитамакского района Башкортостана происходит по меньшей мере 14 единиц клинкового оружия, но ни одна из них не имеет навершия в виде волют [Горбунов, Исмагилов, 1976. Рис. 1, 3, 9; 2, 13; 3, 30, 32, 35; Исмагилов, 2001. Табл. V, 42; VI, 56; VIII, 78; XI, 121-122; XII, 128, 130; XIV, 148]. Волютообразное навершие имеет кинжал из с. Талалаевки того же Стерлитамакского района РБ [Горбунов, Исмагилов, 1976. Рис. 2, 25]. У кинжала из Каиндинских песков, по-видимому, действительно просто загнуты вовнутрь концы серповидного навершия. Это могло произойти скорее путем подражания истинным волютам, и кинжал является вторичным, а не исходным продуктом. У всех остальных кинжалов, приведенных А.В. Симоненко, волюты навершия истинные, практически не отличающиеся от образцов скифо-савроматского времени [Симоненко, 2010. Рис. 13]. По нашему мнению, более обоснованным является предположение о прямой генетической связи между ними. Хорошей иллюстрацией такой связи является кинжал из Талалаевки, сочетающий узкое прямое перекрестье, выемки посередине рукояти и навершие в виде волют.

Остановимся еще на двух костяных ложечках. Обе изготовлены из левых лопаточных костей мелкого рогатого скота (определение к.б.н. П.А. Косинцева), у которых удалена ость и обрезаны края верхнего конца. Типология ложечек предложена М.Г. Мошковой [Мошкова, 1963. С. 40-41], разделившей их на: I – собственно ложечки со стержнеобразной резкой отделенной от черпачка ручкой, и II – лопаточки, плоская ручка которых плавно переходит в лопасть. М.Г. Мошкова отметила также, что первый тип характерен для ранних погребений, второй же тип становится господствующим в позднеп-

² Здесь и далее записи типа «6/1» означают «курган 6 погребение 1».

³ А не в Заволжье, как полагает А.В. Симоненко [Симоненко, 2010. С. 30].

рохоровских древностях. Всего на Южном Урале известно 24 погребения с ложечками этого времени, половина из них – в могильниках Старые Киишки и Бишунгарово (по 6 в каждом, см. табл. 1). Типологически большинство из этих ложечек аналогичны рассматриваемым здесь, вероятно, большая часть из них также изготовлена из лопаточных костей. Первые образцы подобных ложечек появляются в IV в. до н.э. Иногда они находятся в могилах вместе с более тщательно изготовленными ложечками I типа (Филипповка 24/2).

Отметим, что из 24 погребений с ложечками лишь 2 мужских, что составляет около 8%. В предшествующее время ложечки встречаются преимущественно в мужских погребениях. В конце VI-V вв. до н.э. мужские погребения с ложечками составляют около 75%, в IV в. до н.э. – около 50%. Что касается местонахождения ложечек в могиле, обращает на себя внимание то обстоятельство, что ложечка и колчан со стрелами лежат в погребении № 3 раздель-

но, хотя в предшествующее время нахождение ложечек внутри колчанов в мужских погребениях является практически неизбежным правилом (нами зафиксировано 75 случаев, лишь один из которых датируется позднепрохоровским временем – Бишунгарово 19/2).

О хронологии могильника было высказано несколько мнений:

1) он начал функционировать в IV в. до н.э., а основная масса погребений совершена в III-II вв. до н.э. (М.Х. Садыкова, М.Г. Мошкова, В.Н. Васильев, В.К. Фёдоров, С.Ю. Гуцалов);

2) он относится к III-II вв. до н.э. (А.Х. Пшеничнюк, А.С. Скрипкин, В.М. Клепиков);

3) могильник не старше II-I вв. до н.э. (В.Ю. Зуев).

Очевидно, что наиболее взвешенной является вторая точка зрения. Тем не менее, продолжительность существования могильника и ее точные хронологические рамки нельзя считать окончательно установленными.

Таблица 1

№	Название комплекса	Библиография
1	Бишунгарово 1/5	Пшеничнюк, 1983. С. 20. Табл. IX, 12
2	Бишунгарово 3/2	Там же, 1983. С. 24. Табл. XIII, 2
3	Бишунгарово 3/5	Там же, 1983. С. 25. Табл. XIV, 1
4	Бишунгарово 3/9	Там же, 1983. С. 26. Табл. XVI, 8
5	Бишунгарово 19/2	Там же, 1983. С. 31-32. Табл. XXIII, 12
6	Бишунгарово 19/4/1	Там же, 1983. С. 32. Табл. XXVI, 6
7	Старые Киишки 9/7	Раскопки П.А. Дмитриева и К.В. Сальникова, 1934 г. Садыкова, 1962а. С. 244, 257; Мошкова, 1963. Табл. 26, 9
8	Старые Киишки 10/5	Садыкова, Васильев, 2001. С. 56. Рис. 2, 8
9	Старые Киишки 12/2	Раскопки В.К. Фёдорова 2003 г.
10	Старые Киишки 12/3	Раскопки В.К. Фёдорова 2003 г.
11	Старые Киишки 14/9	Садыкова, 1962б. С. 108; Мошкова, 1963. Табл. 26, 7
12	Старые Киишки 15/4	Садыкова, Васильев, 2001. С. 58. Рис. 6, 13
13	Бердянский V 5/4	Моргунова, Мещеряков, 1999. С. 130. Рис. 9, 3
14	Мечетсай 3/5	Смирнов, 1975. С. 97. Рис. 32, 7
15	Покровка II 7/6	Яблонский, Дэвис-Кимболл, Демиденко, 1995. С. 27-28. Рис. 54, 9
16	Покровка X 12/1	Яблонский, Малашев, 2005. С. 165. Рис. 31, 7
17	Шумаево II 9/4	Моргунова, Гольева, Краева и др., 2003. С. 133. Рис. 83, 10
18	Бубенцы II 6/3	Кушаев, 1984. С. 18
19	Карьер УПОСМ 1/8	Раймкулов, 1987. С. 84-85
20	Киров I (Мечей) к. 1	Кушаев, 1985. С. 11
21	Кос-Оба к. 4, насыпь	Железчиков, 1998. С. 11. Рис. 4, 5
22	Болгарка I п. 5	Гуцалов, 2000. Табл. 136, 5
23	Танаберген II 1/7	Гуцалов, 2000. Табл. 136, 14
24	Целинный I 29/3	Гуцалов, 2000. Табл. 134, 7

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б.* Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. 1976. № 3.
- Гуцалов С.Ю.* Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII-I вв. до н.э.: Дисс. ... канд. ист. наук. Т. II. Приложения. Уфа, 2000.
- Железчиков Б.Ф.* Материалы из раскопок П.С. Рыкова в 1927 г. на территории Уральской области // КСИА. 1980. Вып. 162.
- Железчиков Б.Ф.* Археологические памятники Уральской области. Волгоград, 1998.
- Исмагилов Р.Б.* Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // УАВ. 2001. Вып. 3.
- Калалы-Гыр 2.* Культурный центр в Древнем Хорезме IV-II вв. до н.э. М., 2004.
- Клепиков В.М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV-III вв. до н.э. Волгоград, 2002.
- Кушаев Г.А.* Отчет об итогах полевых исследований в северной части Чижинско-Дюринских разливов Уральской области в 1984 г. // Архив ИИАЭ МН-АНРК. 1984.
- Кушаев Г.А.* Отчет об археологических раскопках и микроразведках 1985 г. в Каменском районе Уральской области // Архив ИИАЭ МН-АНРК. 1985.
- Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан): Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.
- Мелюкова А.И.* Вооружение скифов // САИ. Вып. Д 1-4. М., 1964.
- Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В.* «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // АПО. Вып. 3. Оренбург, 1999.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А. и др.* Шу-маевские курганы. Оренбург, 2003.
- Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д 1-10. М., 1963.
- Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н.* Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа, 2007.
- Пшеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
- Раймулов Б.Т.* Отчет археологического отряда Уральского облмузея за 1987 год // Архив ИИАЭ МН-АНРК. 1987.
- Садыкова М.Х.* Сарматские памятники Башкирии // МИА. 1962а. № 115.
- Садыкова М.Х.* Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишишки // АЭБ. Т. I. Уфа, 1962б.
- Садыкова М.Х., Васильев В.Н.* Поздние прохоровцы в центральной Башкирии // УАВ. 2001. Вып. 3.
- Симоненко А.В.* Сарматы Таврии. Киев, 1993.
- Симоненко А.В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101.
- Смирнов К.Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975.
- Фиалко Е.Е.* Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы степной Скифии. Киев, 1991.
- Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В.* Раскопки курганов у с. Покровка в 1994 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М., 1995.
- Яблонский Л.Т., Малашев В.Ю.* Погребения савроматского и раннесарматского времени могильника Покровка 10 // НАВ. Вып. 7. Волгоград, 2005.

НОВЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СТАРО-КИИШКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В.В. Куфтерин

NEW ANTHROPOLOGICAL MATERIALS FROM THE OLD KIISHKI BURIAL GROUND

V. Kufterin

Ключевые слова: Старые Киишки, антропология, ранние сарматы, одонтология, краниология, остеология, дискретно-варьирующие признаки, палеопатология, формула Гейнке

В работе обсуждается новый антропологический материал, полученный в результате охранных раскопок кургана 12 Старо-Киишкинского могильника. Исследованные скелетные останки происходят минимум от пяти субъектов различного пола и возраста. Комплексная антропологическая экспертиза позволила охарактеризовать индивидуальные морфологические особенности погребенных. Фрагменты черепа из погребения 2 дают возможность ориентировочно судить о его большей морфологической близости к остальным черепам Киишкинской серии, нежели к сарматам, оставившим Мечет-Сайский могильник.

Keywords: Old Kiishki, anthropology, early Sarmatians, odontology, craniology, osteology, discrete-ranging symptoms, palaeopathology, the Geynke formula

In this paper we discuss the new anthropological material obtained as the result of protective excavation of the mound 12 from the Old Kiishki burial ground. The skeletal remains studied come from a minimum of five subjects of different age and gender. Integrated anthropological examination allowed to characterize the morphological features of the individuals buried. The skull fragments from the burial ground 2 permit to approximately judge their greater morphological proximity to the rest of the skulls of the Kiishki series than to the Sarmatians who had left the Mechet-Sai burial ground.

Курганный могильник около д. Старые Киишки (Кармаскалинский район Башкортостана) был исследован М.Х. Садыковой в 1957-1958 и 1960 гг. Время его функционирования, по данным автора раскопок, приходится на III-II вв. до н.э. (раннесарматская культура) [Садыкова, 1962].

Полученные антропологические материалы (19 мужских, 12 женских и 3 детских черепа) изучены и опубликованы М.С. Акимовой [Акимова, 1968а; 1968б]. Население, оставившее Старо-Киишкинский могильник, характеризовалось ею как европеоидное (о чем свидетельствуют низкое, хотя и широкое лицо со средней профилировкой, довольно сильно выступающий нос). Однако не исключалась возможность очень незначительной примеси монголоидных элементов [Акимова, 1968а. С. 408; 1968б. С. 38]. В плане межгрупповых аналогий, наибольшую близость к мужским черепам из Старых Киишковых М.С. Акимова усматривала в сарматских черепах астраханской группы, описанных Г.Ф. Дебецем [Дебец, 1948; Акимова, 1968а; 1968б]. Кроме того, подчеркивалось разное происхождение сарматов, оставивших Киишкинский могильник и сарматов илекской группы из Мечет-Сая [Акимова, 1968а. С. 410-411].

Данные по посткраниальной морфологии сарматов Южного Урала, в том числе группы из Старых Киишковых, были получены В.Н. Федосовой и обработаны М.Б. Медниковой [Медникова, 1993; 1998а]. В своей сводке она отмечает, что морфологические

различия между локальными группами скифского и гунно-сарматского времени, по сравнению с эпохой бронзы, сглаживаются, а размах изменчивости большинства остеометрических показателей снижается. Сохраняет широкое распространение крупный, брахиморфный вариант сложения, сходный со «степным» вариантом эпохи бронзы [Она же, 1998а. С. 37].

Цель настоящей работы – введение в научный оборот нового антропологического материала, полученного в результате охранных раскопок кургана № 12 Старо-Киишкинского могильника, проведенных в 2003 г. экспедицией Академии ВЭГУ под руководством В.К. Федорова.

Материал и методы исследования

В общей сложности на исследование поступил материал из трех погребений кургана № 12 Старо-Киишкинского могильника, а также разрозненные скелетные элементы, происходящие из траншей, нарушавших насыпь. При одинаковой (средней или удовлетворительной) сохранности, хорошую комплектность имеют лишь скелеты из погребений 2 и 3. Погребальные комплексы кургана № 12 В.К. Федоров датирует III-II вв. до н.э. (см. статью в настоящем выпуске журнала).

Методика исследований включала следующие процедуры: определение пола и возраста погребенных [Пашкова, 1963; Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Звягин, 2000; Bass, 1987; Buikstra,

Ubelaker, 1994], изучение особенностей зубной системы [Зубов, 1968; 2006], традиционную морфометрию [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966], оценку развития компонента мезоморфии [Федосова, 1986; Медникова, 1998б], палеопатологическое обследование [Бужилова, 1998], а также регистрацию неметрических вариаций черепа и посткраниального скелета [Мовсесян и др., 1975; Мовсесян, 2005; Finnegan, 1978]. В связи с малочисленностью материала в качестве методической основы исследования избран индивидуальный подход [Историческая экология человека, 1998].

Результаты и обсуждение

Результаты половозрастных определений и морфологические характеристики исследованных индивидов представлены в табл. 1-4.

Погребение 1. Фрагменты левой плечевой, парных бедренных и большеберцовых костей. Женщина, 25-30 лет.

Ширина нижнего эпифиза левой плечевой кости небольшая. Фиксируется межмышцелковое отверстие. Пилястр правой бедренной кости можно охарактеризовать как среднеразвитый. Правая большеберцовая кость средней длины, указатель массивности попадает в категорию небольших величин. Контур сечения диафиза правой большой берцовой кости характеризуется эурикнемией, левой – мезокнемией. Длина тела, рассчитанная по полной длине правой большеберцовой кости, составила: по формуле К. Пирсона и А. Ли – 154 см, по формуле С. Дюпертюи и Д. Хэддена – 157,9 см, по формуле М. Троттер и Г. Глезер – 159,5 см. Данные величины, по рубрикации Р. Мартина, могут быть отнесены к категории средних или выше средних (наиболее адекватный результат, по-видимому, был получен по способу Пирсона). Костный рельеф в местах прикрепления скелетной мускулатуры развит слабо.

Погребение 2. Фрагменты черепа и посткраниального скелета средней сохранности. Женщина, 20-25 лет.

Зубная система в хорошем состоянии, из патологических изменений можно отметить лишь слабые отложения зубного камня на лингвальной поверхности передних зубов (балл 2, желтоватый, сравнительно мягкий). Одонтометрические показатели (измерения производились по методу Р. Мартина), в целом, позволяют охарактеризовать коронки имеющихся зубов как некрупные. Данное заключение подтверждается величиной среднего модуля ряда верхних моляров (9,95), служащего усредненной характеристикой абсолютных размеров зубов ($m \text{ cor } M (1 - 3) = (m \text{ cor } M^1 + m \text{ cor } M^2 + m \text{ cor } M^3 / 3)$, где $m \text{ cor} = (MD \text{ cor} + VL \text{ cor} / 2)$), что дает возможность судить о микродонтизме индивида из погребения 2 (европеоидная характеристика). Среди одонтологических особенностей фиксируются: бугорок Карабелли на правом M^2 (балл 3), редукция гипоконуса на M^2 (узор 3), узор Y4 на молярах нижнего ряда.

Мозговая коробка сильно фрагментирована, большую часть измерений произвести невозможно.

Ширина затылочного отверстия относится к категории очень больших величин. Лицевой отдел характеризуется большой (на границе со средней) верхней высотой лица, средней высотой и малой или средней шириной носа (по указателю фиксируется лепториния – узконосость), широкими и высокими орбитами (по указателю – гиписконх). Альвеолярная дуга очень короткая и широкая. Небо малой длины и средней или малой ширины. Симотическая высота малая, ширина – также малая, величина симотического указателя позволяет охарактеризовать область переносья как среднеразвитую. Угол выступания носа средний (на границе с малыми величинами). Рельеф в области мастоида, надпереносья и надбровных дуг развит слабо. Нижний край грушевидного отверстия острый (антропинная форма). Передняя носовая ость выступает незначительно. Нижняя челюсть средней длины, со слабо наклонной, довольно широкой ветвью. Широтные размеры мандибулы средние или большие. Высота симфиза средняя, тела – также средняя. Толщина тела находится на границе малого и среднего классов этого признака.

Для выяснения ближайших аналогий физическому типу индивида из погребения № 2 было решено произвести сопоставление описанного краниума с женскими сериями Старо-Киешкинского и Мечет-Сайского могильников [Акимова, 1968а]. Простым статистическим методом, позволяющим провести такое сопоставление, служит формула Гейнке. Суть способа сводится к вычислению различий по ряду измерительных признаков между подлежащим изучению индивидом с одной стороны, и средними арифметическими по каждому признаку ряда серий – с другой [Рогинский, Левин, 1978. С. 355-356]. В общем виде формулу Гейнке можно представить следующим образом:

$$\sqrt{(\sum d^2/s^2) / n},$$

где d^2 – квадрат величины разницы измерительного признака,

s^2 – варианса серии, n – число признаков. Индивид, вероятнее всего, принадлежит к той серии, для которой величина $\sum d^2/s^2$ будет наименьшей [Рогинский, Левин, 1978].

Сопоставление производилось по восьми метрическим признакам (№№ по Мартину – 48; 55; 54; 51; 52; SS; SC; 75(1)). Для серии из Старо-Киешкинского могильника искомая величина составила 1,31, для Мечет-Сайской – 2,23. Несмотря на то, что способ Гейнке в значительной степени справедливо подвергается критике (не используются описательные характеристики, как систематически равноценные суммируются не равнозначные признаки, имеется значительная корреляция между отдельными сопоставляемыми признаками и др.) [Рогинский, Левин, 1978. С. 357], его можно признать довольно полезным ориентировочным приемом сравнения. В нашем случае, череп из погребения 2 кургана 12 Старо-Киешкинского могильника морфологически более близок к остальным черепам этой серии, нежели к черепам из Мечет-Сая.

Левая плечевая кость небольшой длины, по указателю прочности находится в пределах средних величин. По форме сечения диафиза обе плечевые кости характеризуются платибрахией, правая кость, при этом, более уплощена. Нижняя эпифизарная ширина левой плечевой кости относится к средним величинам. Левая лучевая кость небольшой длины, среднемассивная, сильно уплощенная. Локтевые кости средней длины и средней массивности. Верхняя часть диафизов обеих локтевых костей характеризуется платоленией.

Пилястр на левой бедренной кости развит средне, на правой – отсутствует. Проксимальная часть диафизов обеих костей сильно уплощена (гиперплатимерия или платимерия). Контур сечения диафиза большеберцовых костей характеризуется платикнемией (для левой кости – на границе с мезокнемичными вариантами).

Величина луче-плечевого указателя (77,2) свидетельствует о среднем соотношении длины плеча и предплечья (мезатикеркия). Ширина плеч, реконструированная по модифицированной формуле Д.И. Ражева ($1,21 \times Cl_r + 1,205 \times Cl_l$, где Cl_r – длина правой ключицы, Cl_l – длина левой ключицы) [Ражев, 2003] равняется 316,4 мм, что является сравнительно небольшой величиной. Длина тела, рассчитанная по наибольшей длине плечевой кости составила: 147,5 см (формула К. Пирсона – А. Ли), 151,75 см (формула С. Дюпертюи – Д. Хэддена), 150,5 см (формула М. Троттер – Г. Глезер). Аналогичные показатели, рассчитанные по наибольшей длине лучевой кости: 152,4 см, 156,06 см, 156,0 см. Таким образом, длина тела индивида из погребения 2 была небольшой или средней. Отношение реконструированной ширины плеч к рассчитанной длине тела (формула М. Троттер – Г. Глезер) свидетельствует о долихоморфном типе пропорций исследуемого.

Костный рельеф в местах прикрепления скелетной мускулатуры развит слабо (за исключением элементов рельефа левого плеча). Из индивидуальных особенностей можно отметить наличие экзостозов в вертельной ямке правой бедренной кости.

Погребение 3. Фрагменты черепа и посткраниального скелета средней или удовлетворительной сохранности. Мужчина, 16-20 лет.

Зубная система в хорошем состоянии. Из патологий отмечаются лишь слабые отложения зубного камня практически на всех зубах обеих челюстей (балл 3). Также фиксируется гиподонтия M_3 . Метрически коронки зубов (измерения – по методу Р. Мартина), в целом, средних или крупных размеров. Средний модуль ряда верхних моляров ($m\text{ cor } M (1 - 2)$) составил величину 11,2 (макродонтия). Из описательных признаков наблюдаются: редукция гипоконуса на M^2 (справа – 3+, слева – 3), узоры $Y5$ на M_1 и +4 на M_2 .

Мозговая коробка и большая часть лицевого скелета сильно фрагментированы, не реставрируются. Сосцевидный отросток среднеразвитый. Имеются преднососевые ямки (*fossae praenasales*). Нижняя челюсть характеризуется малой (на границе со средней) длиной от мышцелков и большой – от углов. Ветвь

слабо или средне наклонная, малой высоты и средней ширины. Мыщелковая ширина очень большая, угловая – большая, передняя – малая. Симфиз средней или большой высоты, тело средневысокое, малой или средней толщины. Из индивидуальных особенностей фиксируется увеличение подбородочных отверстий (*foramina mentalia permagna*).

Плечевые кости по форме сечения диафизов различаются – правая кость характеризуется платибрахией, левая – эврибрахией (менее уплощенным диафизом). Нижняя эпифизарная ширина лежит в пределах средних или больших величин. Справа отмечается межмышцелковое отверстие. Диафизы лучевых костей уплощены слабо. По указателю поперечного сечения локтевые кости средней или довольно большой массивности, верхняя часть их диафиза расширена (эуроления).

Пилястр бедренных костей развит средне, верхняя часть диафиза правой кости уплощена (платимерия), левой – расширена (эуримерия). Контур сечения диафизов большеберцовых костей также различен – для правой кости характерна мезокнемия, левой – эурикнемия.

Длиннотные параметры не реконструируются по причине фрагментации суставных окончаний трубчатых костей (некоторые эпифизы не приросли). К индивидуальным особенностям можно отнести отсутствие передней таранной суставной поверхности на пяточной кости. Рельеф в местах прикрепления скелетной мускулатуры развит слабо.

Погребение 4. Разрозненные элементы скелета ребенка в возрасте до 1 года. Комплектность материала: черепной свод (31 фрагмент), один фрагмент ребра, три фрагмента дуг позвонков, парные плечевые кости, правые локтевая и бедренная кости (дистальные эпифизы утрачены), левая лучевая кость (проксимальный эпифиз утрачен). Измерения диафизов плечевых костей (длина правого – 73,5 мм, левого – 72? мм) в сравнении со стандартами возрастной изменчивости (данные М. Мареш в модификации В.Н. Федосовой) [Федосова, 2003], позволяют более точно определить возраст индивида в интервале 0-2 месяца.

Газовая траншея. Из газовой траншеи происходят следующие фрагменты человеческого скелета: два фрагмента черепной коробки, атлант, основная фаланга кисти, левые локтевая и большеберцовая кости. Пол индивида определяется как женский, возраст – в пределах 25-45 лет. На атланте фиксируется наличие заднего костного мостика – генетической аномалии (аномалии Киммерле). Локтевая кость по двум размерам длины относится к классу ниже среднего (233 и 209 мм). Указатели прочности (наименьшая окружность – 31 мм, указатель – 14,8) и поперечного сечения (11/16,5 мм, указатель – 66,7) свидетельствуют о ее средней или несколько пониженной массивности. Верхняя часть диафиза характеризуется эуроленией (17 / 20 мм, указатель – 85,0). Элементы рельефа выражены незначительно. Большая берцовая кость небольшой длины (полная длина – 316 мм), довольно массивная (наименьшая окружность – 62 мм, указатель –

19,6). Контур сечения диафиза характеризуется эурикснемией (21/27 мм, указатель – 77,8). Мышечный рельеф развит слабо. Длина тела, рассчитанная по полной длине большеберцовой кости составила: 149,1 см (формула К. Пирсона – А. Ли), 152,61 см (формула С. Дюпертюи – Д. Хэддена) и 153,5 см (формула М. Троттер – Г. Глезер), то есть оказалась средней или несколько ниже средней. Для расчета луче-берцового указателя было решено воспользоваться предложенной Г.Ф. Дебецем таблицей определения средней длины лучевой кости по длине локтевой [Дебец, 1948. Прил. 2]. Она составила 217 мм, полученный указатель равняется 68,7 и относится к среднему классу. Предплечье по отношению к голени – средних размеров.

Материал без атрибуции. Кроме описанных антропологических находок, насыпь кургана № 12 содержала: два фрагмента черепной коробки и фрагмент левой половины нижней челюсти, фрагмент нижней трети диафиза правой плечевой кости, фрагмент диафиза с проксимальным эпифизом правой локтевой кости, правую бедренную кость и два фрагмента ребер. Данный материал, по причине отсутствия археологической информации, в работе не рассматривается.

Заключение

1. Представленные на исследование скелетные останки происходят минимум от пяти индивидов различного пола и возраста.

2. Поиск ближайших аналогий физическому типу населения, захороненного в кургане 12 Старо-Кишкинского могильника, затрудняется плохой сохранностью и единичностью краниологического материала. Однако фрагменты черепа из погребения 2 позволяют ориентировочно судить о его большей морфологической близости к остальным черепам Кишкинской серии, нежели к сарматам, оставившим Мечет-Сайский могильник.

3. В показателях посткраниальной морфологии наблюдается определенное сходство изученных скелетов между собой, заключающееся, в первую очередь, в их визуально фиксируемой грацильности и слабым развитием элементов костного макрорельефа. Это впечатление, при этом, не исключает определенной гетерогенности группы.

4. Наличие некоторых дискретно-варьирующих признаков (межмышечное отверстие плечевой кости) позволяет выдвинуть осторожное предположение об определенном родстве индивидов из погребений 1 и 3 кургана 12 Старо-Кишкинского могильника.

Таблица 1

Результаты половозрастных определений антропологического материала из раскопок кургана № 12 Старо-Кишкинского могильника

№ погребения	Пол	Возрастная группа	Возраст (лет)
1	♀	adultus	25 – 30
2	♀	adultus	20 – 25
3	♂	juvenis – adultus	16 – 20
«траншея 3»		infantilis I	0 – 1
«газовая траншея»	♀	adultus – maturus I	25 – 45

Таблица 2

Одонтометрические характеристики индивидов из погребений 2 и 3 кургана № 12 Старо-Кишкинского могильника (MD/VL)

Зубы	Погребение 2		Погребение 3	
	пр.	лев.	пр.	лев.
I ¹	-	-	-	-
I ²	6,5/6,0	6,6/6,2	-	5,9/6,3
C ¹	7,4/7,8	-	-	7,9/8,3
P ¹	6,1/8,3	6,0/8,2	6,6/8,3	-
P ²	5,7/8,8	5,8/8,7	6,4/8,6	6,6/8,9
M ¹	9,8/11,2	9,9/10,8	10,7/12,3	10,7/12,2
M ²	7,9?/10,5	8,4?/10,6	9,5/12,4	9,5/12,5
M ³	-	9,0/11,0	-	-
I ₁	5,2/6,0	5,3/5,8	5,1/5,9	5,1/5,5
I ₂	5,9/6,0	6,0/6,1	5,7/6,6	5,8/6,4
C ₁	6,4/6,6	6,3/6,7	6,9/7,6	6,9/7,5
P ₁	6,2/7,1	6,3/6,9	6,7/7,7	6,7/7,7
P ₂	6,4/7,5	6,5/7,4	7,0/7,5	6,7/7,5
M ₁	9,8/9,7	10,0/9,6	10,4?/10,7	11,1/10,8
M ₂	9,6?/9,2	9,2/9,8	10,1?/10,5	11,2/10,4
M ₃	9,4/8,5	8,8/8,9	-	-

Некоторые краниометрические характеристики черепов
из раскопок кургана № 12 Старо-Киешкинского могильника

Признак	Погребение 2	Погребение 3
16. Ширина затылочного отверстия	32	-
48. Верхняя высота лица	69	-
60. Длина альвеолярной дуги	46	-
61. Ширина альвеолярной дуги	63	-
62. Длина неба	42,5	-
63. Ширина неба	36	-
54. Ширина носа	23	-
55. Высота носа	49	-
51. Ширина орбиты от mf	42 (пр.)	-
52. Высота орбиты	37 (пр.)	-
SS. Симотическая высота	2,3	-
SC. Симотическая ширина	6,3	-
FC. Глубина клыковой ямки	2,2 (пр.)	-
JS. Высота изгиба скуловой кости	7,7	8
JS. Ширина скуловой кости	50,2	58
75(1). Угол выступания носа	20	-
65. Мышелковая ширина	-	128?
66. Угловая ширина	99	106?
67. Передняя ширина	45	43
68. Длина нижней челюсти от углов	72	83
68(1). Длина нижней челюсти от мышелков	-	102?
69. Высота симфиза	30	34
69(1). Высота тела	29	31
69(3). Толщина тела	11	11,5
70. Высота ветви	-	55
71a. Наименьшая ширина ветви	33	33
79. Угол ветви нижней челюсти	119	117
C. Угол выступания подбородка	70	63
GI. Надпереносье (по Мартину 1 – 6)	2	-
AS. Надбровные дуги (1 – 3)	1	-
PM. Сосцевидный отросток (1 – 3)	1,5	2
AP. Нижний край грушевидного отверстия	anthr.	f.pr.
SN. Передне-носовая ось (по Брока 1 -5)	2	-
61:60. Альвеолярный указатель	137,0	-
54:55. Носовой указатель	46,9	-
52:51. Орбитный указатель	88,1 (пр.)	-
SS:SC. Симотический указатель	36,5	-

Таблица 4

Индивидуальные остеологические параметры скелетов
из раскопок кургана № 12 Старо-Киешкинского могильника

Признак*	Погребение 1		Погребение 2		Погребение 3	
	пр.	лев.	пр.	лев.	пр.	лев.
1	2	3	4	5	6	7
Плечевая кость						
1.	-	-	-	276	-	-
2.	-	-	-	273	-	-

*Обозначения метрических признаков посткраниального скелета приводятся по системе Р. Мартина. Признаки остеопической программы: Hum.1 – tuberculum minus; Hum.2 – sulcus intertubercularis; Hum.3 – tuberositas deltoidea; Hum.4 – margo lateralis supracondylaris; Uln.1 – margo posterior olecrani; Uln.2 – margo interosseus; Uln.3 – tuberositas ulnae; Uln.4 – crista m. supinatoris; Uln.5 – crista m. pronator quadratus; Rad.1 – tuberositas radii; Rad.2 – margo interosseus; Rad.3 – crista et tuberculi distalis; Fem.1 – trochanter major; Fem.2 – trochanter minor; Fem.3 – tuberositas glutea; Fem.4 – linea aspera; Tib.1 – tuberositas tibiae; Tib.2 – margo anterior; Tib.3 – margo interosseus; Tib.4 – linea m. solei (poplitea); Tib.5 – crista et tuberculi distalis.

1	2	3	4	5	6	7
3.	-	-	-	44	-	-
4.	-	51	-	56	63	61
5.	-	-	22?	21	23	23
6.	-	-	15?	15	17	18
7.	-	-	56	54	61	61
7a.	-	-	-	59	66	66
7:1.	-	-	-	19,6	-	-
6:5.	-	-	68,2?	71,4	73,9	78,3
Hum.1	-	-	-	2	-	-
Hum.2	-	-	-	2	-	-
Hum.3	-	-	-	2	-	1,5
Hum.4	-	1	-	2	1,5	1
Локтевая кость						
1.	-	-	240	-	-	-
2.	-	-	211	210	-	-
3.	-	-	32	32	37	-
11.	-	-	12	12	13?	12,5?
12.	-	-	16	16	15?	16?
13.	-	-	18	18	19	20
14.	-	-	23	23	23,5	24
3:2.	-	-	15,2	15,2	-	-
11:12.	-	-	75,0	75,0	86,7?	78,1?
13:14.	-	-	78,3	78,3	80,9	83,3
Uln.1	-	-	1	1	1,5	-
Uln.2	-	-	2	1,5	1	-
Uln.3	-	-	1,5	1,5	1,5	1,5
Uln.4	-	-	1,5	1	1,5	1,5
Uln.5	-	-	1	1	1	-
Лучевая кость						
1.	-	-	-	213	-	-
2.	-	-	-	201	-	-
3.	-	-	35	35	41	41
4.	-	-	-	14	14	15
5.	-	-	-	9	12	12
3:2.	-	-	-	17,4	-	-
5:4.	-	-	-	64,3	85,7	80,0
Rad.1	-	-	-	1,5	1,5	-
Rad.2	-	-	-	1,5	1	1
Rad.3	-	-	-	2	-	-
Ключица						
1.	-	-	128	134	-	-
6.	-	-	29	28	-	-
6:1.	-	-	22,7	20,9	-	-
Бедренная кость						
1.	-	-	-	-	-	-
2.	-	-	-	-	-	-
6.	24	22,5	21	23	27	26
7.	22	-	22	21	25	22,5
8.	74	-	70	72	82	79
9.	-	-	27	26	28,5?	26
10.	-	-	20	20	24?	23
21.	67	-	-	-	-	-
8:2.	-	-	-	-	-	-

1	2	3	4	5	6	7
6:7	109,1	-	95,5	109,5	108,0	115,6
10:9	-	-	74,1	76,9	84,2?	88,5
Fem.1	-	-	1,5	1,5	-	1
Fem.2	-	-	-	1,5	-	-
Fem.3	-	-	1	1,5	1	-
Fem.4	1	1	1	1	1	-
Большая берцовая кость						
1.	337	-	-	-	-	-
1a.	342	-	-	-	-	-
5.	63	-	65	65	-	76
6.	41	41	-	-	45?	44?
8.	22	24	27	26	27	25
8a.	26	29	31	29	32	31
9.	17	18	17	16,5	19	20
9a.	20	19	18	18,5	21	23
10.	66	68	69	66	72	73
10b.	60?	62	-	60	67	67
9a:8a.	76,9	65,5	58,1	63,8	65,6	74,2
10b:1.	17,8?	-	-	-	-	-
Tib.1	1	1	1	1	-	-
Tib.2	1	1	1	1	1	1
Tib.3	1	1	1,5	1	1	1,5
Tib.4	1	1,5	1	1	1	1,5
Tib.5	1	1	-	-	-	-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимова М.С. Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала // АЭБ. Т. III. Уфа, 1968а.

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968б.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.

Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Т. IV. М., 1948.

Звягин В.Н. Диагностические исследования в судебно-медицинской экспертизе идентификации личности // Медико-криминалистическая идентификация. М., 2000.

Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М., 1968.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М., 2006.

Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.

Медникова М.Б. Антропология древнего населения Южной Сибири по данным посткраниального скелета (в связи с проблемами палеоэкологии): Автореф. дисс. ... к.б.н. М., 1993.

Медникова М.Б. Остеометрическая методика в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998а.

Медникова М.Б. Описательная программа балловой оценки степени развития рельефа длинных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998б.

Мовсеян А.А. Фенетический анализ в палеоантропологии. М., 2005.

Мовсеян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г. Программа и методика исследования аномалий черепа // ВА. 1975. Вып. 51.

Пацкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963.

Ражев Д.И. Погрешность измерения длинных костей и реконструкция ширины плеч // ВкА. 2003. Вып. 10.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М., 1978.

Садыкова М.Х. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки // АЭБ. Т. I. Уфа, 1962.

Федосова В.Н. Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным (остеологическая методика) // ВА. Вып. 76. 1986.

Федосова В.Н. Анализ процессов роста и развития в палеопопуляциях // Горизонты антропологии. М., 2003.

Bass W.M. Human osteology. A laboratory and field manual. Columbia, 1987.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (Eds.) Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas Archaeological Survey. Research Series. No. 44. 1994.

Finnegan M.A. Non-metric variation of the infracranial skeleton // Journal of Anatomy. No. 125. 1978.

СТАРО-КИИШКИНСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

И.А. Шутелева, Н.Б. Щербаков

THE OLD KIISHKINSKY BURIAL GROUND: STATE OF THE ART

I. Shuteljeva, N. Shcherbakov

Ключевые слова: археология, инвентаризация археологических объектов, ранний железный век, прохоровская археологическая культура

В 2011 году, в рамках проведения инвентаризации археологических памятников, стоящих на государственной охране, в Кармаскалинском районе Республики Башкортостан был обследован Старо-Киешкинский курганный могильник, оставленный населением раннего железного века (IV-II вв. до н.э.) и относящийся к сарматской (прохоровской) культуре. Курганы расположены двумя компактными группами. На сегодняшний день Старо-Киешкинский курганный могильник насчитывает 24 курганные насыпи (с учетом разрушенных и исследованных) и занимает площадь более 30 гектаров.

Keywords: archeology, the inventory making of archaeological sites, the early Iron Age, the Prokhorovskaya archaeological culture

In 2011, as part of the inventory making of archaeological sites under government protection, in the Karmaskalinsky region of the Republic of Bashkortostan we have examined the Old Kiishkinsky burial mound left by the population of the early Iron Age (IV-II century B.C.) referring to the Sarmatian (Prokhorovskaya) culture. Mounds are located in two compact groups. To date, the Old Kiishkinsky burial mound has 24 barrows (counting the destroyed and studied ones) and it covers an area of over 30 hectares.

В 2011 году в рамках проведения инвентаризации стоящих на государственной охране археологических памятников, в Кармаскалинском районе Башкортостана был обследован Старо-Киешкинский курганный могильник, оставленный кочевниками прохоровской культуры (IV-II вв. до н.э.) [АКБ, 1976. С. 140. № 1185; Садыкова, 1957; 1958; 1960; 1962а. С. 88-123; 1962б; Смирнов, 1957. С. 25]. Могильник расположен на территории сельского поселения д. Старые Киешки¹ Кабаковского сельского совета. Курганы расположены двумя компактными группами, одна из которых расположена на территории населенного пункта (№№ 1-14), вторая – на территории кладбища и рядом с ним (№№ 15-24). Группы разделены проходящей с юго-запада на северо-восток дорогой Старые Киешки – Сальзигутово. Сведения о курганах помещены в «Картотеку сведений об археологических памятниках Башкирии» Б.А. Коишевского [1945], он ссылается на публикацию М.И. Касьянова в 1934 г. [Касьянов, 1934]. По данным Б.А. Коишевского, М.И. Касьянов еще раз обследовал курганы в 1937 г.

Курганный могильник был впервые открыт П.А. Дмитриевым в 1934 г., раскопавшим один курган. Вот, что пишет об этом К.В. Сальников: «В 1934 г.

Уфимской археологической экспедицией Государственной академии истории материальной культуры у с. Кишки, в 20 км к югу от Уфа, был раскопан сарматско-прохоровский многомогильный курган, основное погребение которого содержало лишенный инвентаря костяк, лежавший скорченно на правом боку, головой к востоку. Около ступни левой ноги найден кусок мела, а справа от таза – кости барана... Наоборот, такая деталь, как кусок мела – лишнее подтверждение в пользу отнесения основного погребения в Киешкинском кургане к полтавкинскому этапу» [Сальников, 1962. С. 50]. К сожалению, в исследованиях П.А. Дмитриева указывается на 15 курганных насыпей, из которых был раскопан курган № 5 (по нумерации М.Х. Садыковой – № 9) [Дмитриев, Сальников, 1941. С. 131, 136, 138; Садыкова, 1962а. С. 88].

Затем исследованиями могильника занималась М.Х. Садыкова, которая в 1957, 1958, 1960 и 1962 гг. исследовала 8 курганов, в которых было обнаружено более 150 погребений. Раскопанные курганы отличаются групповое расположение могил под одной насыпью, сложные формы могильных ям и богатый набор погребального инвентаря: мечи, кинжалы, лепная и гончарная керамика, зеркала, серьги и другие предметы украшений [АКБ, 1976. С. 140. № 1185].

¹ Современное наименование населенного пункта «Старые Киешки» (через «Е»). На момент выявления, активного исследования и ввода материалов курганного могильника в научный оборот, населенный пункт назывался «Старые Киешки» (через «И»). Учитывая широкую известность могильника именно под первоначальным названием, употребление в научной литературе современного официального названия памятника «Старые Киешки-1, курганный могильник» было бы не вполне уместным.

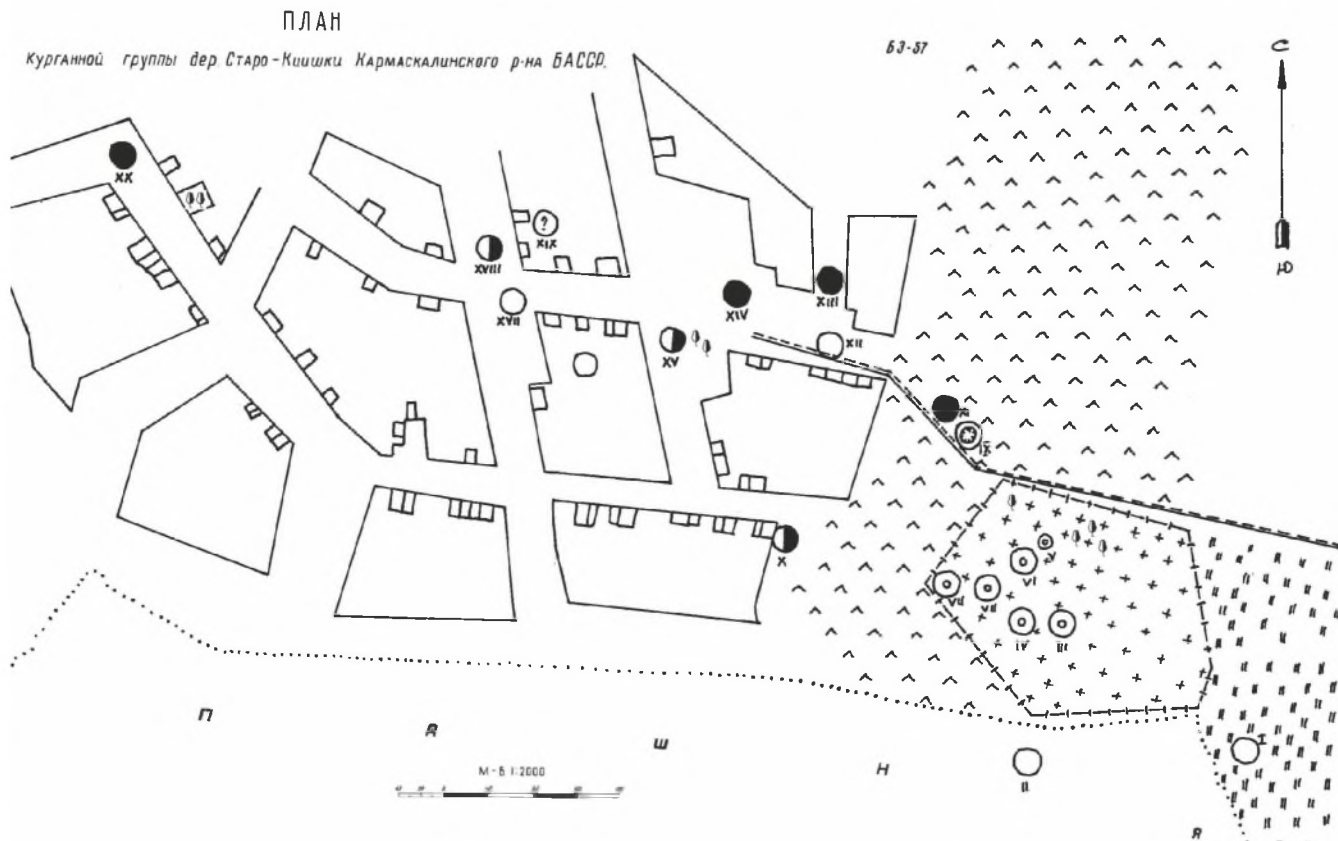

Рис. 1. Старо-Кишкинский курганный могильник.
Глазомерный план М.Х. Садыковой (Отчет 1960 года)

В 1988 г. могильник был осмотрен Ю.А. Морозовым [АПБ, 1996. № 173]. В 2003 году один из курганов был исследован В.К. Федоровым и Я.В. Рафиковой, а в 2009 году могильник был в очередной раз осмотрен И.М. Акбулатовым [Акбулатов, 2009].

В 1957 г. М.Х. Садыкова отмечала, что «в нашу задачу входило уточнить данные экспедиции П.А. Дмитриева и провести дополнительные обследования в окрестностях д. Ст. Кишки. В результате работы экспедиции было выявлено дополнительно 5 курганов, расположенных частью в самой деревне, частью в поле и на мусульманском кладбище...» [Садыкова, 1957. Л. 27]. Таким образом, к рубежу 1950–60-х гг. курганных насыпей насчитывалось около 20. Однако, в 1988 г. Ю.А. Морозов, отмечал, что «в настоящее время сохранился 1 курган, остальные исследованы или разрушены колхозными постройками» [Морозов, 1988. Л. 14], хотя за все время исследований было раскопано 8 насыпей.

На сегодняшний день Старо-Кишкинский курганный могильник с учетом разрушенных и исследованных насчитывает 24 курганные насыпи и занимает площадь 325000 м² (более 32 гектаров). Несмотря на приведенные исследователями планы и схемы расположения курганов с их нумерацией, чрезвычайно сложно соотнести реальное месторасположение исследованных насыпей и их нумерацию. Видимо, именно этот факт вызывал необходимость постоянного соотнесения нумерации, или даже приводил к перенумерованию насыпей, с чем столкнулась, как уже отмечалось, еще и М.Х. Садыкова [Садыкова, 1962а. С. 88].

В связи с расширением населенного пункта и активной застройкой территории, а также нечеткими планами М.Х. Садыковой, соотнести расположение курганов и, соответственно, их нумерацию не представляется возможным. Поэтому в 2011 г. была дана новая нумерация, учитывающая курганы, разрушенные местными жителями. Нумерация курганов дана от начала деревни, по мере выявления курганных насыпей.

Курганная группа, расположенная в деревне

Курган № 1. Диаметр 18 м, высота 0,35 м, частично разрушен газопроводом.

Курган № 2. Диаметр 10 м, высота 0,15 м, в настоящее время раскопан.

Курган № 3. Диаметр 6 м, высота 0,1 м.

Курган № 4. Диаметр 6 м, высота 0,05 м.

Курган № 5. Диаметр 6 м, высота 0,1 м, по центру кургана проходит проселочная дорога.

Курган № 6. Диаметр 6 м, высота 0,12 м, разрушен забором и проселочной дорогой (разрушается постройками по ул. Гафури и ул. Октября).

Курган № 7. Диаметр 5 м, высота 0,08 м.

Курган № 8. Диаметр 8 м, высота 0,08 м, разрушен проселочной дорогой, забором и колодезем (разрушается постройками по ул. Гафури и ул. Октября).

Курган № 9. Диаметр 8 м, высота 0,08 м, разрушается воротами и дорогой (ул. Октября, д. 19).

Курган № 10. Диаметр 10 м, высота 0,1–0,12 м, разрушается проселочной дорогой и постройками (ул. Октября, д. 20).

Курган № 11. Диаметр 10 м, высота 0,15 м, разрушается дорогой и гаражом.

Курган № 12. Диаметр 15 м, высота 0,25 м, разрушается газопроводом и дорогой (ул. Октября, д. 19).

Курган № 13. Диаметр 14 м, высота 0,18 м, поврежден газопроводом по ул. Гафури.

Курган № 14. Диаметр 12 м, высота 0,2 м, разрушен дорогой по ул. Гафури и забором.

Курганная группа, расположенная на кладбище и рядом с ним

Курган № 15. Размер насыпи 25×20 м, вытянут по линии север-юг, высота 0,6 м, по центру расположена старая воронка, в юго-восточной части кургана – свежий вкоп.

Курган № 16. Диаметр 15 м, высота 0,18 м.

Курган № 17. Диаметр 8 м, высота 0,1 м.

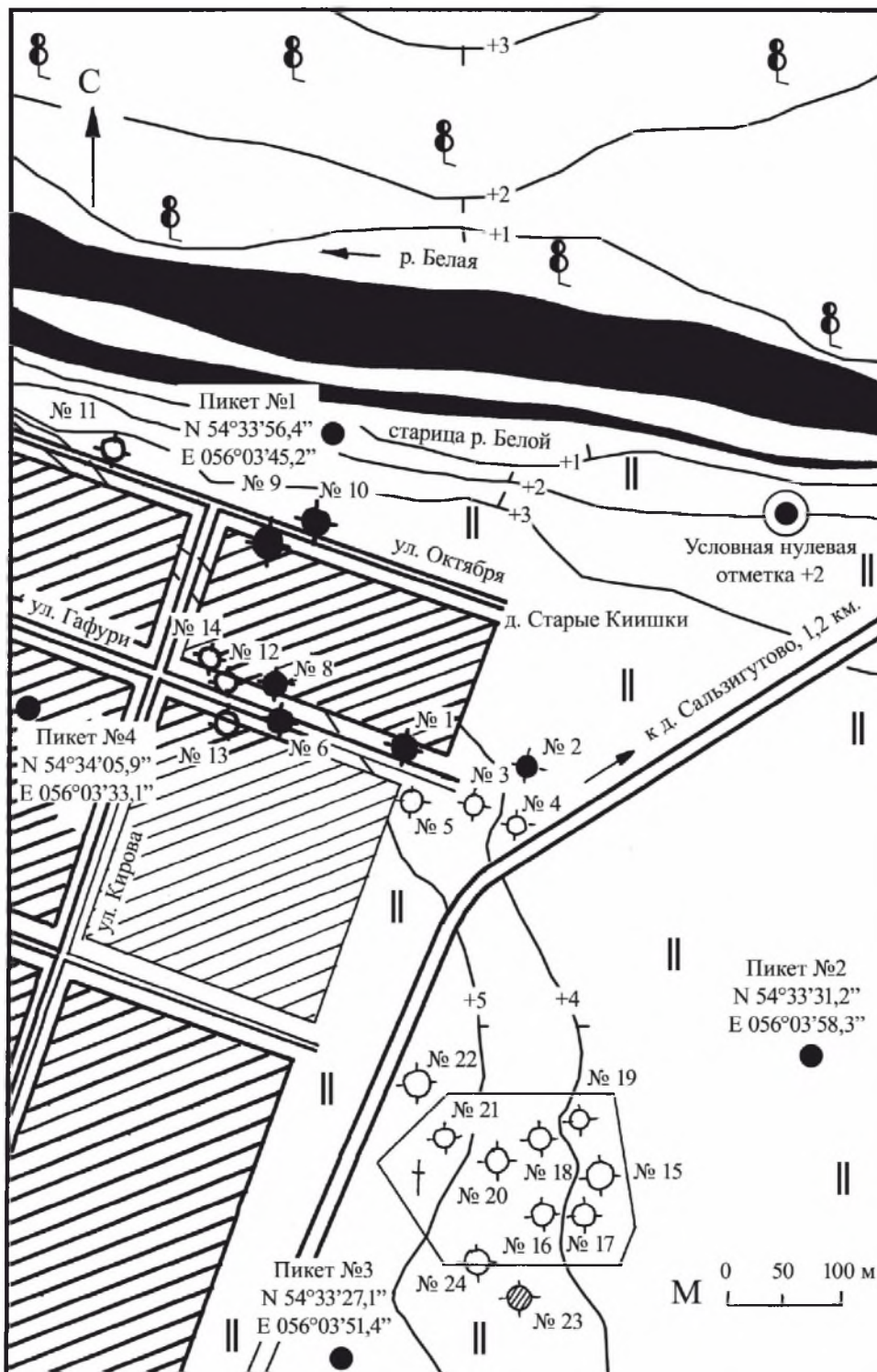

Рис. 2. Старо-Киешкинский курганный могильник
Топографический план (И.А. Шутелева, 2011 г.). Сечение горизонталей 1 метр

Курган № 18. Диаметр 22 м, высота 0,6 м. По центру расположен вкоп диаметром 3 м и глубиной 0,3 м, поросший кустарниками и деревьями.

Курган № 19. Диаметр 10 м, высота 0,12 м.

Курган № 20. Диаметр 15 м, высота 0,4 м, в южной поле находится современная могила. Западная, восточная и северная полы поросли кустарником. По центру кургана – вкоп диаметром 3,5 м и глубиной 0,4 м.

Курган № 21. Диаметр 27 м, высота 1,1 м, насыпь поросла кустарником. По центру курган раскопан, возможно, в настоящее время местные жители здесь берут землю для могил.

Курган № 22. Диаметр 10 м, высота 0,15 м, центральная часть насыпи кургана раскатана дорогой.

Курган № 23. Диаметр 18 м, высота 0,2 м. Находится на пашне, насыпь достаточно сильно распахана.

Курган № 24. Диаметр 8 м, высота 0,15 м. Насыпь кургана распахана и разбита проселочной дорогой.

Если обратиться к отчетам М.Х. Садыковой, то можно отметить на планах могильника еще один курган (№ 1), расположенный за пределами кладбища, на его юго-восточной оконечности. К сожалению, сегодня эта территория распахивается и визуально насыпь не фиксируется.

Основными причинами разрушения могильника, кроме раскопанных с 1934 по 2003 гг. 9 насыпей, являются разрушение внутрипоселковым газопроводом, законными и незаконными постройками, а также дорогами. Таким образом, на сегодняшний день можно констатировать, что могильник нуждается в скорейшем доисследовании, снятии общего топографического плана и раскопках еще не разрушенных насыпей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акбулатов И.М. Научный отчет о проведении мониторинга памятников археологии Аургазинского и Кармас-

калинского районов РБ. Бирск, 2009 / Архив ГУК НПЦ МК РБ.

Археологическая карта Башкирии. М., 1976.

Археологические памятники Башкортостана. Уфа, 1996.

Дмитриев П.А., Сальников К.В. Башкирская АССР. 41.

Гор. Уфа – ст. Ишимбаево, 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.-Л., 1941.

Касьянов М.И. Языками курганов. К итогам работы ГАИМК // Красная Башкирия. 21. X. 1934. № 244.

Кошневский Б.А. Картоoteca сведений об археологических памятниках Башкирии / Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 2. № 2552а.

Морозов Ю.А. Научный отчет об археологической разведке в юго-западных районах Башкирской АССР в 1988 году. Тема «Свод памятников истории и культуры. Башкирская АССР» / Архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2а. Д. 48.

Садыкова М.Х. Сарматские памятники Башкирии (IV в. до н.э. – X в. н.э.). Научный отчет по теме «Древняя история Башкирии. Археологические памятники южных и северо-западных районов Башкирии» за 1957 г. / Архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 381.

Садыкова М.Х. Альбом иллюстраций к Отчету за 1958 г. / Архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 426.

Садыкова М.Х. Научный отчет о работе сарматского отряда археологической экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР в Кармаскалинском, Стерлитамакском и Макаровском районах Башкирской АССР за 1960 г. по теме № 23 «Древняя история Башкирии» / Архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 494.

Садыкова М.Х. Альбом иллюстраций к отчету за 1960 г. / Архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 493.

Садыкова М.Х. Сарматские памятники Башкирии // МИА. 1962а. № 115.

Садыкова М.Х. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки // АЭБ. Т. I. Уфа, 1962б.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. Т. I. Уфа, 1962.

Смирнов А.П. Железный век Башкирии // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири (МИА СССР. № 58). М., 1957.

НОВЫЕ НАХОДКИ ЗООМОРФНЫХ ПОЯСНЫХ КРЮЧКОВ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

В.В. Овсянников, Ф.М. Тагиров

NEW FINDS OF ZOOMORPHIC CINGULATE HOOKS FROM THE FOREST-STEPPE MEMORIALS OF THE FOREURALS

V. Ovsyannikov, F. Tagirov

Ключевые слова: Предуралье, лесостепь, зооморфные изделия, эпоха раннего железа, кара-абызская культура, пьяноборская культура

В статье дается анализ зооморфных поясных крючков из Биктимировского II могильника кара-абызской культуры и Кипчаковского могильника пьяноборской культуры. Крючок из Биктимирово происходит из комплекса IV-III вв. до н.э., застежка из Кипчаково – из погребения рубежа эр. На обоих изделиях на щитках изображены медведи, сами крючки выполнены в виде стилизованных голов грифонов. Стилистические различия изображений медведей и грифонов на представленных изделиях отражают трехсотлетнюю эволюцию этих образов скифо-сарматского звериного стиля в среде лесостепных культур Приуралья.

Keywords: Urals, forest-steppe, zoomorphic items, the early Iron Age, the Kara-abyz culture, Pyanobor culture

The article analyzes zoomorphic belt hooks from the Biktimirovsk II burial ground of the Kara-Abyz culture and the Kipchakovo burial ground of the Pyanoborsk culture. The hook from Biktimirovo comes from the complex of the IV-III centuries B.C., the buckles from Kipchakovo – from burials of the eras borderline. Both wares show bears on the panel, the hooks themselves are in the form of stylized heads of griffins. Stylistic differences in the images of bears and griffins on the wares presented reflect a three hundred year evolution of these images of the Scythian-Sarmatian animal style in the milieu of the forest-steppe cultures in the ForeUrals.

В 1994 г. на Кипчаковском могильнике и в 2010 г. на Биктимировском могильнике в закрытых комплексах были найдены бронзовые поясные крючки. Эти изделия различаются как хронологически, так и стилистически. Их объединяют образы животных, изображенных на крючках, а также общая эволюционная линия развития, к которой относятся оба изделия (рис. 1).

Хронологически более ранней является находка из Биктимировского могильника (рис. 1, 1), относящегося к кара-абызской культуре. Крючок происходит из погребения 6 Биктимировского II могильника (Бирский район Башкортостана), исследованного В.В. Овсянниковым в 2010 г. Сопровождающий инвентарь погребения состоял из железного копья, колчанного набора из 23 бронзовых наконечников стрел и бронзовой серьги в 1,5 оборота, обернутой золотой фольгой. Несмотря на то, что костный материал не сохранился, набор вещей убедительно показывает, что это было мужское захоронение. Бронзовый крючок был найден в области пояса, что говорит о его использовании в качестве поясной застежки.

Крючок цельнометаллический, отлит из бронзы, его общие размеры 9,6×3,5 см. Сам крюк (длина 6,0 см) выполнен в форме удлиненного клюва хищной птицы, где также обозначена голова в виде двух рельефных утолщений овальной формы. На щитке размером 3,6×3,5 см в профиль изображено животное с сильно подвернутыми передними ногами и вытянутыми вперед задними. Голова зверя повер-

нута назад и опирается на какие-то отростки, идущие к спине. Туловище показано довольно схематично. Выделяется короткий хвост. По манере изображения голова зверя достаточно узнаваема: округлое ухо, круглый глаз и вытянуто-овальная форма морды – все это близко изображениям медведя на других кара-абызских изделиях [Овсянников, 2006. Рис. 2, 1-4]. Известны также в кара-абызских комплексах и поясные крючки с головой хищной птицы и щитком в виде медведя [Там же. Рис. 2, 13, 15]. Однако поза медведя на этих щитках совершенно иная – это стоящий в профиль медведь с опущенной головой. Такая манера изображения этого зверя в кара-абызском искусстве на ранних этапах остается пока единственно известной, если не считать бляшек с парным изображением медведей из Уфимского могильника [Там же. Рис. 2, 1-2].

Наиболее близкие аналогии такой необычной позы медведя с биктимировского крючка можно встретить на поясных застежках среднедонской культуры [Гуляев, 1969. Рис. 7, 1, 4]. На примере среднедонских материалов можно проследить, что изначально в подобной позе изображались олени, для которых эта поза характерна и в природе. Уже на Среднем Дону изображение оленей начинает терять свои отличительные черты, постепенно трансформируясь в других животных, возможно, также медведей [Там же. Рис. 7, 2-3].

Биктимировский крючок иллюстрирует ту же тенденцию. Поза, изначально присущая травоядно-

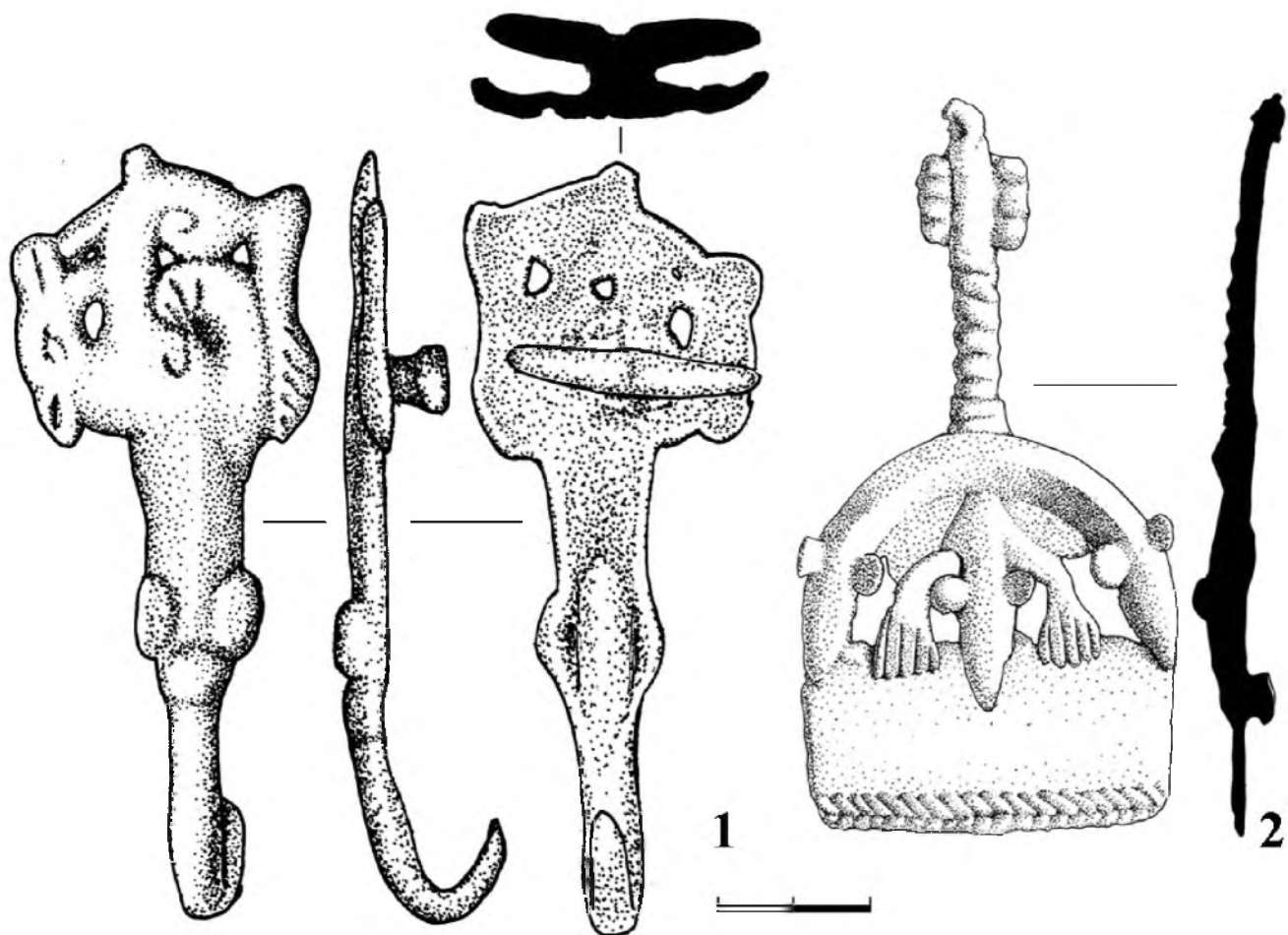

Рис. 1. Поясные крючки кара-абызской и пьяноборской культуры:
1 – Биктимировский II могильник; 2 – Кипчаковский могильник

му, была придана медведю путем подработки формы головы и обозначения когтей на концах лап с помощью насечек. В целом же поза туловища и форма конечностей остались больше оленьими, чем медвежьими. Вторичность биктимировского крючка проявляется также и в изображении головы птицы. Если на оригинальных среднедонских изделиях четко прослеживаются глаза и выступающие за ними округлости, которые позволяют исследователям интерпретировать это изображение как ушастого грифона, то биктимировское изделие демонстрирует частичную утерю значимых деталей – в первую очередь глаз, остаются только так называемые грифоньи «уши». По уровню стилизации птичьей головы биктимировский крючок не выбивается из общего ряда кара-абызских изделий.

Наиболее близки биктимировскому изделию по качеству исполнения этой детали крючки из группы I Шиповских курганов [Овсянников, 2006. Рис. 2, 13] и ранних погребений Охлебининского могильника [Там же. Рис. 2, 15]. Это позволяет биктимировский крючок отнести к IV-III вв. до н.э., то есть к I хронологическому периоду кара-абызской культуры. Этой дате не противоречит и остальной инвентарь погребения.

Таким образом, новая находка из Биктимирова продемонстрировала не только параллельность про-

цессов проникновения образов скифского звериного стиля в предуральскую и донскую лесостепь, но и общую тенденцию в трансформации этих образов в лесостепной среде.

Второе изделие происходит из погребения 38, раскопа II Кипчаковского курганно-грунтового могильника (Илишевский район Башкортостана), относящегося к пьяноборской культуре. Исследования проводились Ф.М. Тагировым в 1994 г. Крючок из Кипчаково происходит из грунтового захоронения, которое сопровождалось типичным для пьяноборской культуры женским инвентарем: бронзовыми височными подвесками, ажурной бронзовой нашивкой и ожерельем, куда входили стеклянные бусы и раковины-каури. Погребение было потревожено – часть костей скелета груди и пояса были сдвинуты. Непосредственно интересующее нас изделие найдено в районе черепа. Инвентарь погребения и в целом материал могильника позволяет датировать данный комплекс рубежом эр.

Кипчаковский крючок был биметаллическим. Его щиток и часть стержня целиком отлиты из бронзы, а сам крючок был изготовлен из железа и не сохранился. Размеры изделия 16,7×8,7 см. В погребении крючок находился явно в потревоженном состоянии, лицевой частью вниз. Исходя из остального материала пьяноборских могильников, можно заключить, что

такая массивная застежка из женского комплекса могла служить только в качестве поясной.

Щиток имеет арочную форму, нижняя часть щитка сплошная и по краю оформлена псевдошнуровой орнаментальной линией. Верхняя часть ажурная, выполнена в виде трех голов животных с длинными чуть приостренными мордами и круглыми рельефно выступающими ушами. Две крайние головы соединяются и образуют верхнее дугообразное завершение щитка. К центральной голове относятся две лапы, расположенные симметрично относительно головы. На лапах вертикальными бороздами показаны когти. Несмотря на сильную стилизацию и изменение форм, здесь угадывается изображение трех голов медведей в так называемой «жертвенной позе». Почти аналогичное изображение медведей известно на пряжке, найденной на территории Кушулевского III могильника [Овсянников, 2006. Рис. 5, б]. Здесь центральная, полностью выполненная фигура медведя, окаймляется двумя головами без тела и лап.

Бронзовая часть крючка кипчаковской застежки имеет вид стержня, украшенного псевдовитым орнаментом, что придает ему некоторую гофрирован-

ность поверхности. У самого перехода от бронзовой к железной частям имеются небольшие дуговидные в профиле «крылышки». Фактически стержень крючка выполнен в стиле классической эполетообразной застежки, ставшей визитной карточкой пьяноборских древностей. С другой стороны, в оформлении кипчаковского крючка и аналогичных ему застежек угадывается сильно стилизованная голова хищной птицы, характерная для ранних крючков типа бикти-мировского.

Таким образом, описанные крючки маркируют почти трехсотлетнюю эволюцию поясных застежек с изображением медведя на щитке и птицевидного грифона на крючке в среде приуральского лесостепного населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуляев В.И. Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время. МИА. Вып. 151. М., 1969.

Овсянников В.В. Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006.

СОСТАВ ДРЕВНЕГО ЗОЛОТА БАШКОРТОСТАНА*

В.В. Зайков, А.Н. Султанова, С.В. Сиротин,
В.В. Овсянников, А.В. Епимахов, А.М. Юминов

COMPOSITION OF THE ANCIENT GOLD OF BASHKORTOSTAN

V. Zaykov, A. Sultanova, S. Sirotn, V. Ovsyannikov, A. Epimakhov, A. Yuminov

Ключевые слова: золото, серебро, медь, олово, археологические памятники, курганы, городище, ювелирная мастерская, россыпи, Южный Урал, Башкортостан

В статье представлена характеристика состава золота изделий, происходящих из ряда археологических памятников, исследованных на территории Башкортостана. Преобладают изделия с содержанием золота 82-87%, реже – с содержанием золота 61-67%. В ювелирной мастерской на городище Уфа-II найдена проволока с содержанием золота 97%. Установлено, что в составе золота из могильника Переволочан-I, кургана Яковлевка II и городища Уфа-II присутствуют включения осмия. Судя по этому, в качестве источника металла использовались золотые россыпи, приуроченные к зоне Главного Уральского разлома.

Keywords: gold, silver, copper, tin, archaeological sites, burial mounds, ancient settlement, goldsmith, deposits, Southern Urals, Bashkortostan

The characteristic of the gold wares' composition found in archaeological memorials of Bashkortostan is presented. By composition items with the gold content of 82-87 per cent prevail, the content of 61-67 per cent is rarer. In a jeweler's workshop from the site of the ancient settlement Ufa-II a wire with the Au content of 97 per cent has been discovered. In the gold ware from the Perevolochan-I burial ground, Yakovlevka-II burial mound and at the site of the Ufa-II ancient settlement inclusions of osmium minerals are established. Judging from them it is determined that as the source of gold were places that were restricted to the Main Urals deflection zone.

Состав золота, выявленного в археологических памятниках Башкортостана, начал исследоваться авторами в последние годы. К настоящему времени получены сведения по Биктимировскому и Переволочанскому могильникам, одиночному кургану Яковлевка II и ювелирной мастерской с городища Уфа-II. Эти данные положены в основу статьи.

Анализ золотых изделий выполнен в Институте минералогии УрО РАН двумя методами: рентгенофлуоресцентным (прибор INNON-X α 4000, аналитик – П.В. Хворов) и рентгеноспектральным (прибор JEOL 733, аналитик Е.И. Чурин). Для представления материала учитывались в основном анализы, в которых содержание золота находится в пределах $100 \pm 1,5\%$. В таблицах прочерк показывает, что содержание элемента находится ниже предела чувствительности прибора.

По пробности золото разделяется на шесть типов, определяемых в промилле: количество золота в сплаве, отнесенное к сумме металлов и умноженное на 1000 [Петровская, 1973]:

1. весьма высокопробное – 999-951‰;
 2. высокопробное – 950-900‰;
 3. средней пробности – 899-800‰;
 4. низкопробное – 799-700‰;
 5. электрум – 699-400‰;
 6. кюстелит – 399-100‰;
- самородное серебро – золота менее 100‰.

Важным результатом работ является выявление зерен осмия в золотых изделиях. Они соответствуют естественным сплавам осмия, иридия, рутения, номенклатура которых дана в работе [Harris, Kabri, 1991] с использованием кристаллохимических формул [Булах, 1967]. Нами применяется данная номенклатура с добавлением определения по элементам, находящимся в заметных количествах, подобно тому, как это сделано Ю.С. Кобяшевым и С.Н. Никандровым [2007], например, осмий рутенисто-иридий. При малом количестве элемента (менее 10 ат. %) он не входит в наименование минерала, а к основному названию добавляется уточнение, например, рутений иридий-осмий платину содержащий. Расположение упомянутых в тексте археологических памятников показано на рис. 1.

Биктимировский могильник

Могильник расположен в Бирском районе Башкортостана. Он представляет собой грунтовый (бескурганый) некрополь, относящийся к Биктимировскому городищу. Условно археологический памятник делится на три части. Исследованный материал происходит из Биктимировского II могильника. В целом весь археологический комплекс датируется IV в. до н.э. – III в. н.э. и относится к кара-абызской археологической культуре [Пшеничнюк, 1973; АПБ, 1996; ИБН, 2009]. В.В. Овсянников заложил на Биктимировском II могильнике раскоп, в котором

* Исследования выполнены при поддержке междисциплинарного проекта УрО РАН (12-М-456-2024).

Рис. 1. Размещение исследованных археологических памятников на территории Башкортостана:
 1-2 – памятники с включениями осмия в золотых изделиях:
 1 – могильники; 2 – городище; 3 – исследованные объекты, в золотых изделиях которых не установлены включения осмия;
 4 – Главный Уральский разлом с телами золотоносных гипербазитов; 5 – ареалы главных золотоносных россыпей; 6 – основные города

исследовано 6 погребений. Проанализированные изделия представлены золотыми и серебряными нашивными бляшками.

Состав исследованного материала довольно близок (табл. 1). Состав кусочков фольги следующий (мас. %): Au 85.8-86.2; Ag 12.8-13.8; Cu 0.8-0.9. Вторая группа отличается несколько повышенным содержанием меди (до 1.4%) и пониженным золота (83%).

Могильники Переволочан I и II

Курганный могильник Переволочан I расположен в 2 км юго-западнее села Переволочан Хайбуллинского района Башкортостана, на высоком ровном плато левого берега реки Дергамыш. В 1974 и 1991 гг. могильник исследовался А.Х. Пшеничноком [1983; 1995], раскопавшим первые десять курганов, три из которых относились к разряду крупных. Изучение некрополя было продолжено в 2007 г. экспедицией Стерлитамакской государственной педагогической академии под руководством С.В. Сиротина, раскопавшей два кургана (11-12) [Сиротин, 2008]. В группе насчитывалось 12 округлых в плане полусферических насыпей, вытянутых неправильной цепочкой по линии юго-запад – северо-восток. Диаметр курганов составляет от 14 до 50 м, высота сооружений варьирует в пределах 0,4-5,0 м. Могильник относится к ранним этапам прохоровской культуры и датируется IV в. до н.э.

Исследование состава золотых изделий выполнено А.М. Юминовым с соавторами [2010].

В кургане № 11 (диаметр 46 м, высота 3 м) в погребении № 2 в области шейных позвонков женского костяка было обнаружено ожерелье, состоящее из сердоликовых бусин и девяти пронизок, свернутых из золотой фольги (обр. 11.2.9). Согласно данным рентгенофлуоресцентного анализа, содержание основных компонентов в сплавах всех пронизок варьирует в пределах (мас. %): Au 63.65-65.18; Ag 32.67-34.25, Cu 1.46-1.91, Ni 0.12-0.17 и Sn до 0.5 (табл. 2). Колебания состава незначительны, что позволяет предположить одновременность изготовления данного набора пронизок и единый источник металла.

В погребении № 5 (центральном) была найдена золотая литая декоративная накладка с шестью крепежными отверстиями по верхнему краю (обр. 11.5.8). Оно выполнено из среднепробного золота (мас. %): Au 87.01-88.77; Ag 3.22-4.23 и отличается высокими содержаниями меди (около 8,5), что свидетельствует об искусственном добавлении данного элемента в сплав.

Наибольшее количество золотых изделий было обнаружено при раскопках кургана № 12. Диаметр его достигал 42 м, высота 2,25 м. Как показали исследования, химический состав благородных сплавов, из которых были изготовлены браслет и ободки перстней, практически не отличаются друг от друга (мас. %): Au 82.87-85.56; Ag 10.96-12.60; Cu 2.17-4.84. Золотая серьга, представляющая собой проволочную спираль с кольцом, состоящим из пяти спаянных вместе проволочных ободков. Данное изделие из всех предметов характеризуется наиболее высокой пробностью. Содержание золота в нем находится в пределах 94.90-96.61%, серебра 3.19-3.41, меди 0-1.70.

Золотая декоративная оковка деревянного сосуда (чаши?) была изготовлена из среднепробного сплава золота (мас. %): Au 82.42-84.77; Ag 12.80-14.02; Cu 1.64-2.09. Рядом находилась еще одна золотая оковка деревянной чаши, скрепляемая серебряными гвоздиками. Изделие было выполнено из низкопробного сплава, в котором содержание золота не превышает 65%.

В литой декоративной накладке из кургана № 11 могильника Переволочан I (обр. 11.5.8) было выявлено включение осмия (рис. 3). Форма включения близка к треугольной, размеры 8×10 мкм. Данные о составе включения осмия представлены в табл. 3. Помимо осмия, в состав минерала входят иридий и рутений. Состав минерала (мас. %): Os 70-74; Ir 20-22; Ru 5-8. По соотношению атомов оба образца относятся к осмию иридистому с рутением.

Курганный могильник Переволочан II находится в 5 км северо-северо-западнее могильника Переволочан I. Курганный комплекс состоит из четырех курганов. Во время археологических раскопок

Результаты рентгеноспектрального анализа
 фольги из Биктимировского могильника

№ образца	Au	Ag	Cu	Сумма	Пробность, %
1	2	3	4	5	6
B2 5 1	86.13	13.02	0.77	99.93	862
B2 5 2	87.10	13.10	0.66	100.85	864
B2 5 3	85.81	12.76	0.73	99.29	864
B2 5 4	85.06	13.03	0.77	98.86	860
B2 5 5	85.32	12.85	0.75	98.92	863
B2 5 6	87.88	13.27	0.86	102.00	862
<i>Среднее</i>	86.22	13.00	0.76	99.97	862
B2 5 1а	87.61	13.12	0.95	101.67	862
B2 5 2а	85.47	12.75	0.86	99.08	863
B2 5 3а	85.64	12.74	0.67	99.05	865
B2 5 4а	85.74	12.81	0.93	99.48	862
B2 5 5а	86.39	12.84	0.86	100.09	863
B2 5 6а	87.17	12.95	0.79	100.91	864
<i>Среднее</i>	86.34	12.87	0.84	100.05	863
B2 6 1	82.45	14.84	1.36	98.64	836
B2 6 2	83.17	14.33	1.70	99.20	838
B2 6 3	81.53	14.95	1.72	98.19	830
B2 6 4	84.56	15.30	1.40	101.27	835
B2 6 5	81.52	15.25	1.64	98.41	828
B2 6 6	83.95	15.53	1.68	101.16	830
<i>Среднее</i>	82.86	15.03	1.58	99.48	833
B2 6 1а	83.26	14.95	1.38	99.59	836
B2 6 2а	82.42	15.38	1.22	99.02	832
B2 6 3а	83.59	15.54	1.22	100.36	833
B2 6 4а	82.00	14.77	1.63	98.40	833
B2 6 5а	84.03	15.31	1.45	100.79	834
B2 6 6а	83.29	14.97	1.65	99.90	834
<i>Среднее</i>	83.10	15.15	1.43	99.68	834
B2 6 1б	83.17	15.35	1.34	99.86	833
B2 6 2б	82.58	14.89	1.22	98.69	837
B2 6 3б	83.21	15.51	1.22	99.94	833
B2 6 4б	84.90	15.36	1.55	101.81	834
B2 6 5б	84.27	15.12	1.18	100.56	838
B2 6 6б	83.64	15.20	1.93	100.76	830
<i>Среднее</i>	83.63	15.24	1.41	100.27	834
B2а 5 1	86.87	13.22	0.76	100.85	861
B2а 5 2	86.08	13.74	0.81	100.63	855
B2а 5 3	85.14	13.12	0.77	99.03	860
B2а 5 4	84.81	13.57	0.81	99.19	855
B2а 5 5	86.74	13.54	0.80	101.08	858
B2а 5 6	84.96	13.14	0.91	99.00	858
<i>Среднее</i>	85.77	13.39	0.81	99.96	858
B2а 5 1а	87.14	13.50	0.90	101.54	858
B2а 5 2а	84.86	13.36	0.83	99.06	857
B2а 5 3а	85.34	13.69	0.88	99.91	854
B2а 5 4а	84.11	13.44	0.89	98.43	855
B2а 5 5а	86.35	13.10	0.92	100.37	860
B2а 5 6а	87.37	13.23	0.91	101.51	861
<i>Среднее</i>	85.86	13.39	0.89	100.14	857
B2а 5 1б	88.61	13.11	1.03	102.74	862
B2а 5 2б	85.32	12.35	0.62	98.29	868
B2а 5 3б	85.45	13.13	1.15	99.73	857

1	2	3	4	5	6
B2a 5 4b	88.24	12.92	1.03	102.18	864
B2a 5 5b	84.73	12.88	0.88	98.49	860
B2a 5 6b	84.38	14.13	1.10	99.61	847
<i>Среднее</i>	86.12	13.08	0.97	100.17	860
B2a 5c	86.51	12.80	0.94	100.25	863
B2a 5 1c	85.11	12.81	0.81	98.73	862
B2a 5 2c	86.32	12.77	0.94	100.03	863
<i>Среднее</i>	85.98	12.79	0.90	99.67	863
B2 3 1	0.00	99.40	0.08	99.49	Изделия из серебра
B2 3 2	0.00	99.66	0.25	99.91	
B2 3 3	0.21	101.22	0.00	101.42	
B2 3 4	0.00	99.13	0.00	99.13	
<i>Среднее</i>	0.05	99.85	0.08	99.99	
B2 3 1a	0.23	98.06	0.00	98.29	
B2 3 2a	0.19	98.16	0.07	98.42	
B2 3 3a	0.19	98.18	0.00	98.36	
B2 3 4a	0.23	97.16	0.10	97.50	
<i>Среднее</i>	0.21	97.89	0.04	98.14	
B2 3a 1	0.17	97.99	0.00	98.17	
B2 3a 2	0.16	101.09	0.29	101.38	
B2 3a 3	0.23	98.04	0.13	98.47*	
<i>Среднее</i>	0.19	99.04	0.14	99.34	
B2 3a 1a	0.19	99.93	0.16	100.28	
B2 3a 2a	0.30	97.35	0.09	97.74	
B2 3a 3a	0.28	100.09	0.15	100.52	
<i>Среднее</i>	0.25	99.12	0.14	99.51	
B2 3a 1b	0.12	101.16	0.14	101.42	
B2 3a 3b	0.00	98.14	0.25	98.40	
B2 3a 4b	0.19	97.37	0.12	97.68	
<i>Среднее</i>	0.10	98.89	0.17	99.16	

2008 г. под руководством С.В.Сиротина в курганах 1 и 3 были обнаружены золотые предметы.

Курган № 1 имел диаметр 32 м, современная высота 1,57 м. В центре кургана исследовано разграбленное в древности погребение, из которого были извлечены четыре фрагмента золотой фольги размерами 0,5×1 – 0,5×2 см (обр. 1.1.5). Золото среднепробное, содержание основных компонентов в каждом фрагменте примерно одинаковое, что указывает на одновременность изготовления всего набора украшений.

Курган № 3 является более ранним. К моменту археологических раскопок диаметр его насыпи составлял 34 м при высоте 0,88 м. Судя по инвентарю, курган датируется в пределах V в. до н.э. либо рубежа V-IV вв. до н.э. В неоднократно разграбленном центральном погребении (№ 2) выявлены остатки захоронения двух человек. Здесь же была обнаружены две золотые нашивные бляшки прямоугольной формы с чеканным изображением хищника семейства кошачьих, размерами 4,5×2,2 см (обр. 3.2.10; 5.2.11). Оба изделия выполнены из золота невысокой пробы (см. табл. 3). В них установлено наличие небольших концентраций олова (0,54-0,97 %).

В центральной части ямы в 0,62 м южнее северной стенки были найдены два золотых наконечника круглой формы с припаянными на шляпке золотыми крючками (обр. 3.2.14.1 и 3.2.14.2). Диаметр изделий 1,2-1,4 см, высота 0,6 см, общая высота 1,2 см. Несмотря на схожий внешний вид, наконечники были сделаны из разных сплавов. Для изготовления первого, судя по большому содержанию меди (5,79-6,08%), применялся сплав с искусственной добавкой данного элемента. Второй предмет (Cu 1,67-1,83 %) был выполнен из электрума.

Курган Яковлевка II

Одинокый курган Яковлевка II исследовался в 2009 г. [Сиротин, 2010]. Расположен на распаханном поле в 2,2 км северо-западнее с. Яковлевка Хайбуллинского района Башкортостан. Диаметр кургана 50 м, высота 3,67 м. По характеру погребального обряда и инвентаря курган Яковлевка II может датироваться концом V – IV в. до н.э.

В погребении № 3 на шейных позвонках женского костяка обнаружена золотая гривна размером 15,3×12,5 см из витого дрота, четырехугольного в сечении и свернутого в полтора оборота (обр. Я-1). Предмет был изготовлен из среднепробного золота (мас. %):

Состав золотых изделий из курганов Переволочан I, Переволочан II и Яковлевка II
(прохоровская культура, конец V – IV вв. до н.э.)

№ п/п	№ образца	Изделие	Место находки	Число анал.	Содержание, мас. %		
					Au	Ag	Cu
1	2	3	4	5	6	7	8
1	11.2.9	Пронизи с шейного украшения	Переволочан I, курган 11, погребение 2	9 0	64.49 -	33.26 -	1.60 -
2	11.5.8*	Накладка (подвеска) литая декоративная с роговидным завитком и рядом крепежных отверстий по верхнему краю	Переволочан I, курган 11, погребение 5	<u>6</u> 4	<u>88.36</u> 87.05	<u>3.33</u> 4.23	<u>8.31</u> 8.67
3	12.1.14.1	Проволока, плоская в сечении	Переволочан I, курган 12, погребение 1	6 5	67.97 69.88	29.30 30,46	2.49 2.31
4	12.1.14.2	Проволока, плоская в сечении	Переволочан I, курган 12, погребение 1	<u>6</u> 0	<u>72.98</u> -	<u>21.97</u> -	<u>4.72</u> -
5	12.5.6.	Браслет из округлого в сечении прута с несомкнутыми, заходящими друг под друга, концами	Переволочан I, курган 12, погребение 5	<u>6</u> 5	<u>84.90</u> 81.01	<u>11.73</u> 12.69	<u>3.16</u> 6.21
6	12.5.7.1	Перстень-печатка № 1 с плетеным ободом кольца и прямоугольным пиком со стилизованным изображением оленя	Переволочан I, курган 12, погребение 5	<u>6</u> 5	<u>85.56</u> 83.02	<u>12.60</u> 15.83	<u>2.17</u> 0.93
7	12.5.7.2	Перстень-печатка № 2 с плетеным ободом кольца и прямоугольным пиком со стилизованным изображением оленя	Переволочан I, курган 12, погребение 5	<u>6</u> 5	<u>82.87</u> 82.11	<u>10.95</u> 12.50	<u>4.84</u> 5.19
8	12.5.7.3	Перстень-печатка № 3 с плетеным ободом кольца и прямоугольным пиком со стилизованным изображением оленя	Переволочан I, курган 12, погребение 5	<u>6</u> 5	<u>84.38</u> 81.30	<u>10.96</u> 13.75	<u>3.62</u> 4.91
9	12.5.12	Серьга (золотая проволочная спираль с заходящими концами и припаянным к ней снизу кольцом)	Переволочан I, курган 12, погребение 5	6 5	96.09 95.71	3.30 3.98	0.56 0.25
10	12.5.8	Оковка деревянной чаши декоративная с боковой горизонтальной ручкой в виде полой фигурки хищного животного (барса?)	Переволочан I, курган 12, погребение 5	6 5	83.63 83.09	13.58 14.99	1.91 1.80
11	12.5.9	Оковка деревянной чаши декоративная с роговидными завитками и с серебряными гвоздиками	Переволочан I, курган 12, погребение 5	<u>6</u> 5	<u>66.46</u> 63.15	<u>30.29</u> 34.65	<u>2.53</u> 2.15
12	1.1.5	Фольга золотая от нашивок (4 фрагмента)	Переволочан II, курган 1, погребение 1	5 0	88.69 -	8.68 -	2.33 -
13	3.0.1	Бляшка нашивная № 1 в виде хищника из породы кошачьих	Переволочан II, курган 3, грабительский раскоп	<u>6</u> 5	<u>66.76</u> 66.97	<u>30.99</u> 31.39	<u>1.60</u> 1.51
14	3.2.10	Бляшка нашивная № 2 в виде хищника из породы кошачьих	Переволочан II, курган 3, погребение 2	6 5	60.94 58.23	36.23 39.06	2.08 2.56
15	3.2.14.1	Наконечник № 1(ободок для скрепления нитей)	Переволочан II, курган 3, погребение 2	6 5	72.13 72.82	22.10 24.06	5.94 3.09
16	3.2.14.2	Ободок для скрепления нитей (наконечник № 2)	Переволочан II, курган 3, погребение 2	<u>6</u> 5	<u>62.12</u> 61.67	<u>34.66</u> 36.64	<u>1.83</u> 1.54
17	3.2.16	Серьга с остатками привески	Переволочан II, курган 3, погребение 2	6 0	75.62 -	22.40 -	1.24 -

1	2	3	4	5	6	7	8
18	Я-1	Гривна в полтора оборота из витого четырехугольного в сечении дрота	Яковлевка II, погребение 3	6 5	88.08 87.10	9.60 10.04	2.20 2.76
19	Я-2	Серьга № 1 (золотая проволочная спираль с заходящими концами и припаянным к ней снизу кольцом, состоящее из пяти спаянных вместе колец, два из которых витые)	Яковлевка II, погребение 3, слева от основания черепа	6 5	78.96 77.59	20.08 21.29	0.96 0.96
20	Я-3*	Серьга № 2 (золотая проволочная спираль с заходящими концами и припаянным к ней снизу кольцом, состоящим из пяти спаянных вместе колец, два из которых витые)	Яковлевка II, погребение 3, справа от основания черепа	6 5	80.88 79.88	16.78 18.44	1.83 2.64
21	Я-5	Бусина, сферической формы диаметром 5-7 мм, полая внутри	Яковлевка II, погребение 4	<u>2</u> 0	<u>67.25</u> -	<u>29.11</u> -	<u>3.32</u> -
22	Я-4	Бляшки пришивные диаметром 5-7 мм, выдавленные на форме полусферической формы (55 шт.)	Яковлевка II, погребение 5, костяк 1	<u>6</u> 5	<u>88.69</u> 86.50	<u>9.55</u> 10.40	<u>1.78</u> 3.06
23	Я-9	Серьга № 1, завитая в полтора оборота из бронзового, округлого в сечении прута, обернутого золотой фольгой	Яковлевка II, погребение 6, справа от основания черепа	3 3	82.27 81.57	13.52 14.75	3.97 3.68
24	Я-10	Серьга № 2, завитая в полтора оборота из бронзового прута, округлого в сечении, обернутого золотой фольгой	Яковлевка II, погребение 6, слева от основания черепа	3 5	77.65 80.99	12.35 14.91	9.43 4.08
25	Я-11	Гривна, завитая в полтора оборота из бронзового прута, округлого в сечении, обернутого золотой фольгой	Яковлевка II, погребение 6	<u>3</u> 0	<u>23.76</u> -	<u>62.44</u> -	<u>13.5</u> -
26	Я-12	Фрагмент золотой фольги, свернутый в полоску	Яковлевка II, погребение 6	2 5	24.65 25.08	70.75 71.82	2.69 3.08
27	Я-6	Ворворка усеченно-конической формы	Яковлевка II, погребение 9	<u>2</u> 5	<u>69.35</u> 65.83	<u>25.52</u> 28.05	<u>4.48</u> 6.04
28	Я-7	Ворворка усеченно-конической формы	Яковлевка II, погребение 9	2 5	67.77 65.55	25.84 27.90	5.69 6.50
29	Я-8	Ворворка усеченно-конической формы	Яковлевка II, погребение 9	<u>2</u> 5	<u>67.88</u> 67.97	<u>25.99</u> 26.82	<u>5.52</u> 4.97

Прим.: 1) В числителе приведены средние значения рентгенофлуоресцентного анализа (INNON-X б 400, аналитик П.В. Хворов) в знаменателе – энерго-дисперсионного микроанализа (РЭММА 202М, аналитик В.А. Котляров);

2) прочерк – элемент не определен;

3) *содержит включения осмия

Состав включений зерен осмия в древних золотых изделиях из могильника Переволочан I и кургана Яковлевский II

№ образца, изделие	№ анализа	Содержание масс. %				Кристаллохимическая формула
		Os	Ir	Ru	Сумма	
11.5.8 накладка	17150a	74.36	20.36	5.14	99.86	$\text{Os}_{0,68}\text{Ir}_{0,20}\text{Ru}_{0,12}$
	17150b	71.74	20.96	7.32	100.02	
	17150c	71.55	21.24	6.52	99.31	
	17150d	69.78	22.02	8.27	100.07	
	Среднее	71.86	21.15	6.81	99.82	
Я-3 серьга	17154a	70.5	24.68	4.09	99.27	$\text{Os}_{0,70}\text{Ir}_{0,23}\text{Ru}_{0,07}$
	17154b	71.97	24.07	3.77	99.81	
	17154c	71.58	24.02	4.33	99.93	
	17154d	72.30	23.95	3.37	99.62	
	17154e	73.29	24.35	2.28	99.92	
	17154f	71.46	24.16	4.44	100.06	
	Среднее	71.85	24.21	3.71	99.77	

Прим. Анализы выполнены на РЭММА-202МВ (Институт минералогии УрО РАН, аналитик В. А. Котляров).

Au 87.68-88.64; Ag 9.20-9.93; Cu 2.07-2.44, практически не содержащего примеси других элементов.

Справа и слева от черепа найдены две золотые серьги, представляющие собой проволочную спираль с припаянным к ней снизу кольцом, состоящим из пяти спаянных вместе проволочных колец, два из которых витые (обр. Я-2, Я-3). Диаметр спирали 2,6 см, диаметр кольца 1,8 см. Составы проволочных спиралей двух предметов почти не отличаются друг от друга (мас. %): Au 78.58-79.30; Ag 19.74-20.38; Cu 0.89-1.03. Однако привески изготавливались из совершенно другого металла. Для первой был выбран более высокопробный сплав: Au 87.34-87.57; Ag 10.34-10.52; Cu 1.84-1.89. Вторая привеска: Au 80.91-81.02; Ag 16.55-16.90; Cu 1.72-1.91; кроме того, в ней было обнаружено присутствие олова в количестве до 0,5%.

При исследовании под микроскопом полированных препаратов из фрагментов золотых изделий было

выявлено включение осмия (рис. 3). Оно обнаружено в височной подвеске-серьге (обр. Я-3) из кургана Яковлевка II. Размер включения 16×22 мкм, форма линзовидная. Помимо осмия, в состав минерала входят иридий и рутений. Состав минерала (мас. %): Os 70-73; Ir 24-25; Ru 2-4 (табл. 3). По соотношению атомов оба образца относятся к осмию иридийному с рутением.

В погребении № 4 в области шейных позвонков женского костяка найдена полая бусина из золотой фольги диаметром 5 мм (обр. Я-5). Сплав низкопробный, посторонних примесей не обнаружено.

В погребении № 5 в области грудной клетки и позвоночного столба женского костяка найдено 55 нашивных бляшек из золотой фольги полусферической формы размером 5×7 мм с двумя отверстиями по краям. Как показали исследования, подавляющее большинство бляшек было изготовлено из единого

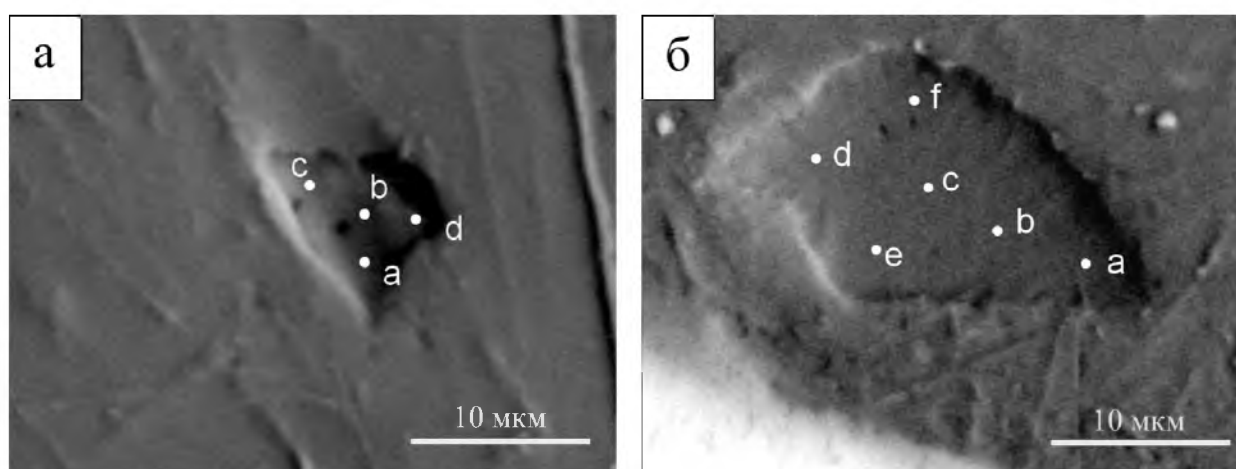

Рис. 2. Снимки зерен минералов группы осмия в золотых изделиях могильника Переволочан I и кургана Яковлевка II.

Изображения зерен осмия во вторичных электронах:

а – обр. 11.5.8 (могильник Переволочан I, к. 11); б – обр. Я-3 (курган Яковлевка II)

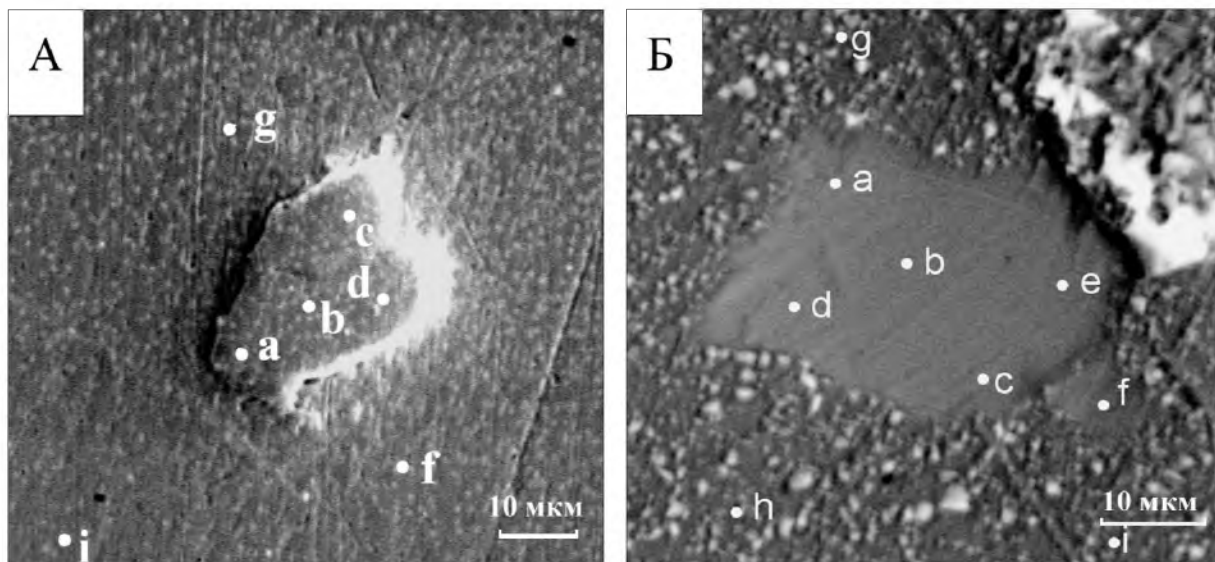

Рис. 3. Снимки зерен минералов группы осмия в золотых изделиях из ювелирной мастерской городища Уфа-II
Изображения зерен осмия во вторичных электронах: а – обр. УИ-ГО12-3; б – обр. УИ-ГО12-3

материала. Содержание золота достигало 90%, серебра – около 10%, меди – в пределах 1-2%.

В погребении № 6 справа и слева от черепа женского костяка (костяк 1) обнаружены две серьги из округлого в сечении бронзового прута диаметром 3 мм, завитого в полтора оборота. Прут был обернут золотой фольгой (обр. Я-9; Я-10). Состав фольги каждого изделия значительно отличается друг от друга. Для первого образца характерен среднепробный сплав с относительно небольшим содержанием меди (3.93-4.00%), во втором – содержание Cu больше почти в три раза (8.28-16.0%). Высокое содержание меди в изделиях свидетельствует об искусственной добавке данного элемента в сплав.

На шейных позвонках скелета находилась гривна из завитого в полтора оборота бронзового прута диаметром 7 мм (обр. Я-11). Прут также обернут тонкой фольгой из сплава золота и серебра. Сплав характеризуется крайне низким содержанием золота (23.06-24.12%). Концентрация серебра в металле достигает 55.92-65.71%, меди 10.17-20.11%. Еще один фрагмент фольги размером 1,2×0,3 см был найден около костей левой стопы под бронзовым зеркалом (обр. Я-12). Состав данного образца отличается невысокими содержаниями меди (2.61-2.77%), а также присутствием широкого спектра примесей: Fe до 0.7; Ni 0.11; Sn до 1.29; Pb 0.11%.

В погребении № 9 в области тазовых костей мужского костяка найдены три золотые ворворки усеченно-конической формы размером 3,2×1,4 см (обр. Я-6; Я-7; Я-8). Химический состав металла всех ворворок сходен. Сплав низкопробный. Содержание основных элементов варьирует (мас. %): Au 67.56-69.52; Ag 25.50-26.00; Cu 4.46-5.79. Помимо этого присутствуют примеси Sn 0.49-0.84 и Pb 0.10-0.11%.

Средневековое городище Уфа-II

Памятник расположен в южной части города Уфы и известен с 1957 г., когда Н.А. Мажитовым здесь были выявлены культурные напластования мощностью до 4 м. В 2006 г. начаты охранные архе-

ологические раскопки (рук. Ф.А. Сунгатов), в процессе которых на глубине 3,5 м были обнаружены куски золотой проволоки, послужившие, вероятно, заготовками для изготовления ювелирных украшений [Городище..., 2007; Мажитов и др., 2007]. С этими находками соседствуют изделия из сплавов серебра и меди, содержащие примеси цинка, свинца, олова. Слой, в котором обнаружены предметы, датируется VIII-IX веками н.э.

Материал для исследований взят из проволочных заготовок А.Н. Султановой и Ф.А. Сунгатовым и передан для исследования в Институт минералогии УрО РАН [Зайков и др., 2009а]. Большинство исследованных клубков золотой проволоки толщиной 2-4 мм относятся к высокопробному металлу, в котором содержания серебра находятся в пределах 2-3 % (табл. 4). Такой состав, возможно, является результатом рафинирования, очищения золота от примесей. Из такого золота сделана заготовка У2-ГО12-4а, в которой выявлено включение осмия (рис. 3; табл. 5). Оно имеет линзовидную форму с угловатыми ограничениями, размер 25×35 мкм. По соотношению атомных количеств элементов относится к рутению иридисто-осмистому с родием и платиной.

Золото, из которого сделана спираль (У2-ГО12-3), отличается (мас. %): Au 61.5-64.27; Ag 30.51-32.06; Cu 4.87-6.45. В нем также обнаружено включение осмия размером 25×40 мкм. Зерно имеет форму, близкую к треугольной (рис. 3). В этом зерне намечаются трещинки, разделяющие его на два индивида, которые, по полученным результатам, несколько отличаются по составу (мас. %): индивид № 1 имеет неравномерный состав – Os 36.58-49.68; Ir 39.32-46.61; Ru 10.01-16.12; индивид № 2, напротив, довольно выдержанный – Os 47.46-47.96; Ir 37.06-37.48; Ru 14.72-15.06. Но по средним соотношениям атомных количеств Os : Ir : Ru (№ 1 – 0,40:0,37:0,23; № 2 – 0,42:0,33:0,25) оба они относятся к осмию рутенисто-иридистому.

Обсуждение результатов

Результаты рентгеноспектрального анализа золотых изделий
из ювелирной мастерской городища Уфа-II

№№ пп	№ образца	№ лабораторный	Au	Ag	Cu	Сумма	Проба, ‰	
1	2	3	4	5	6	7	8	
1	У2-ГО-12	12 1a	60,94	32,56	6,33	99,83	610	
		12 1b	59,54	33,46	6,07	99,07	601	
		12 1c	61,02	32,83	6,34	100,19	609	
		12 3a	59,08	33,51	5,82	98,41	600	
		12 3b	59,98	34,84	5,38	100,20	599	
		12 3c	59,84	33,86	5,63	99,33	602	
		12 4a	60,08	34,32	5,58	99,98	601	
		12 4b	58,71	33,72	5,57	98,00	599	
		12 4c	60,88	34,74	5,65	101,27	601	
		12 5a	59,37	33,72	5,83	98,92	600	
		12 5b	59,59	33,36	6,12	99,07	601	
		12 5c	60,05	34,69	5,37	100,11	600	
		12 6a	59,48	34,99	5,44	99,91	595	
		12 6b	59,94	33,75	5,74	99,43	603	
		12 6c	60,82	33,32	5,93	100,07	608	
			Среднее	59,95	33,84	5,79	99,59	602
		2	У2-ГО-12-1	12 1 1a	95,14	3,71	0,23	99,08
12 1 1b	96,89			2,79	0,16	99,84	970	
12 1 1c	96,73			2,82	0,14	99,69	970	
12 1 1d	95,08			3,78	0,20	99,06	960	
12 1 2a	95,38			3,52	0,13	99,03	963	
12 1 2b	95,26			3,41	0,24	98,91	963	
12 1 2c	95,47			3,45	0,20	99,12	963	
12 1 3a	95,82			3,37	0,20	99,39	964	
12 1 3b	96,48			2,76	0,19	99,43	970	
12 1 3c	96,74			2,67	0,16	99,57	972	
12 1 3d	96,84			2,84	0,10	99,78	971	
12 1 4a	96,66			2,80	0,11	99,57	971	
12 1 4b	96,58			2,86	0,15	99,59	970	
12 1 4c	96,78			2,88	0,18	99,84	969	
12 1 5a	96,63			2,69	0,18	99,50	971	
12 1 5b	96,79			2,84	0,15	99,78	970	
12 1 5c	96,38			3,14	0,23	99,75	966	
	Среднее	96,21	3,08	0,17	99,47	967		
3	У2-ГО-12-3	12 3 1a	97,63	2,07	0,13	99,83	978	
		12 3 1b	96,17	2,74	0,13	99,04	971	
		12 3 1c	96,14	3,41	0,08	99,63	965	
		12 3 2a	96,21	3,24	0,17	99,62	966	
		12 3 2b	95,96	3,33	0,11	99,40	965	
		12 3 2c	95,82	3,27	0,21	99,30	965	
		12 3 3a	96,85	3,03	0,15	100,03	968	
		12 3 3b	95,94	3,35	0,21	99,50	964	
		12 3 3c	95,83	3,38	0,17	99,38	964	
		12 3 4a	97,08	2,88	0,17	100,13	970	
		12 3 4b	96,98	2,68	0,10	99,76	972	
		12 3 4c	96,88	2,88	0,15	99,91	970	
		12 3 5a	97,04	2,72	0,17	99,93	971	
		12 3 5b	96,76	2,90	0,21	99,87	969	
		12 3 5c	96,88	2,81	0,14	99,83	970	
			Среднее	96,54	2,98	0,15	99,68	969

1	2	3	4	5	6	7	8
4	У2-ГО-12-4	12 4 1a	96,62	3,03	0,25	99,90	967
		12 4 1b	96,93	2,83	0,14	99,90	970
		12 4 1c	96,92	3,00	0,20	100,12	968
		12 4 2a	96,85	3,05	0,21	100,11	967
		12 4 2b	96,64	3,08	0,27	99,99	966
		12 4 2c	96,58	3,18	0,17	99,93	966
		12 4 3a	96,74	3,09	0,30	100,13	966
		12 4 3a	96,68	3,09	0,30	100,07	966
		12 4 3c	96,62	2,94	0,28	99,84	968
		12 4 4a	96,92	2,85	0,21	99,98	969
		12 4 4b	96,48	3,17	0,20	99,85	966
		12 4 4c	96,54	3,12	0,23	99,89	966
		12 4 5a	96,66	2,99	0,17	99,82	968
		12 4 5b	96,82	2,97	0,16	99,95	969
		12 4 5c	97,06	2,74	0,12	99,92	971
		12 4 6a	96,86	2,83	0,22	99,91	969
		12 4 6b	96,80	3,05	0,16	100,01	968
		12 4 6c	97,08	2,81	0,13	100,02	971
		12 4 7a	96,24	3,36	0,26	99,86	964
		12 4 7b	96,64	3,01	0,31	99,96	967
12 4 7c	96,58	3,12	0,22	99,92	967		
		Среднее	96,73	3,01	0,21	99,96	968
5	У2-ГО-12-5	12 5 1a	96,30	3,26	0,19	99,75	965
		12 5 1b	95,50	3,42	0,18	99,10	964
		12 5 1c	95,23	3,25	0,24	98,72	965
		12 5 2a	96,73	3,15	0,14	100,02	967
		12 5 2b	94,99	3,22	0,17	98,38	966
		12 5 2c	97,98	3,14	0,22	101,34	967
		12 5 4a	95,65	3,28	0,16	99,09	965
		12 5 4b	96,31	3,10	0,21	99,62	967
		12 5 4c	96,53	3,39	0,27	100,19	963
		12 5 5a	99,25	3,22	0,25	102,72	966
		12 5 5b	96,41	3,06	0,18	99,65	967
		12 5 5c	96,33	3,15	0,24	99,72	966
		12 5 5d	94,32	3,12	0,16	97,60	966
		12 5 6a	96,95	3,14	0,23	100,32	966
		12 5 6b	96,81	3,17	0,20	100,18	966
		12 5 6c	96,26	3,18	0,23	99,67	966
				Среднее	96,35	3,20	0,20
6	УП-ГО 12-3	15435e	64,27	30,58	4,87	99,72	645
		15435f	63,12	31,42	5,45	99,99	631
		15435g	64,00	30,51	5,34	99,85	641
		15435h	62,43	31,73	4,99	99,15	630
		15435i	63,30	30,77	5,34	99,41	637
				Среднее	63,42	31,00	5,20
7	УП-ГО 12-4	15436a	96,60	1,77	0,82	99,19	974
		15436b	97,91	1,49	0,70	100,10	978
		15436c	97,39	1,33	0,83	99,55	978
		15436d	97,50	2,05	0,16	99,71	978
		15436e	97,85	1,39	0,82	100,06	978
				Среднее	97,45	1,61	0,67

Прим. Анализы выполнены в Институте минералогии УрО РАН на приборе JEOL-733 (аналитик Е.И. Чурин); рабочая коллекция А.Н. Султановой

Результаты рентгеноспектрального анализа
зерен осмия и вмещающего золота из артефактов городища Уфа-II

№ п/п	№ индивида/пробы	№ анализа	Os	Ir	Ru	Au	Ag	Cu	Сумма	Кристаллохимическая формула
1	1/УП-ГО12-3	15435a	49.68	39.32	10.01	-	-	-	99.01	
		15435b	48.91	37.65	12.77	-	-	-	99.33	
		15435d	45.31	41.94	12.51	-	-	-	99.76	
		12-3-1	40.78	43.64	15.59	-	-	-	100.01	
		12-3-7	36.58	46.61	16.12	-	-	-	99.31	
		<i>Среднее</i>	44.25	41.83	13.40				99.48	<i>Os_{0.40}Ir_{0.37}Ru_{0.23}</i>
2	2/УП-ГО12-4	12-3-3	47.84	37.44	14.72	-	-	-	100.00	
		12-3-4	47.46	37.48	15.06	-	-	-	100.00	
		12-3-5	47.74	37.34	14.92	-	-	-	100.00	
		12-3-6	47.96	37.08	14.98	-	-	-	100.00	
		<i>Среднее</i>	47.85	37.34	14.92	-	-	-	100.00	<i>Os_{0.42}Ir_{0.33}Ru_{0.25}</i>
3	3/УП-ГО12-3	15435e	-	-	-	64.27	30.58	4.87	99.72	
		1543f	-	-	-	63.12	31.42	5.45	99.99	
		15435g	-	-	-	64.00	30.51	5.34	99.85	
		15435h	-	-	-	62.43	31.73	4.99	99.15	
		15435i	-	-	-	63.30	30.77	5.34	99.41	
		12-3-2	-	-	-	61.50	32.06	6.45	100.01	
		<i>Среднее</i>	-	-	-	63.10	31.18	5.41	99.69	<i>Au_{0.46}Ag_{0.42}Cu_{0.12}</i>
4	У2-Го-12-4	15436a	-	-	-	96.60	1.77	0.82	99.19	
		15436b	-	-	-	97.91	1.49	0.70	100.1	
		15436c	-	-	-	97.39	1.33	0.83	99.55	
		15436d	-	-	-	97.5	2.05	0.16	99.71	
		15436e	-	-	-	97.85	1.39	0.82	100.06	
		<i>Среднее</i>	-	-	-	97.45	1.61	0.66	99.72	<i>Au_{0.95}Ag_{0.03}Cu_{0.02}</i>

Прим. Анализы выполнены на приборе РЭММА 202М (аналитик В.А. Котляров) за исключением анализов 12-3-3 – 12-3-6, которые выполнены на электронном микроскопе JSM-6460LV (аналитик О.В. Самойлова)

Золото. При производстве древних золотых изделий, обнаруженных в археологических памятниках Башкортостана, применялся широкий спектр золото-содержащих сплавов: от весьма низко- до весьма высокопробных. Наиболее простой состав средней пробности имеют изделия из Биктимировского могильника. В курганах могильника Переволочан I выделяются изделия из четырех разновидностей золота: высоко-, средне-, низкопробного и электрума.

Подобная ситуация характерна и для изделий, обнаруженных в одиночном кургане Яковлевка II: среднепробные, низкопробные и электрум. В последней группе заметно выделяется состав золотой фольги, шедшей на покрытие гривен и браслетов. В сплаве под микроскопом обнаружены выделения угловатых кристаллов серебра размером 5-8 мкм.

В целом, для захоронений наиболее типичны содержания золота в сплаве 65-70 и 80-90 %. Такие же параметры характерны для изделий из Филипповских и Прохоровских курганов [Зайков и др., 2009б; Естественные методы..., 2011].

Низкопробные золотые изделия, в которых содержание чистого золота не превышает 50% (электрум), характеризуются плохими литейными свойствами.

Они наименее ценны, в значительной мере подвержены коррозии и быстро темнеют на воздухе. Сплавы с содержанием золота до 60% отличаются повышенной твердостью, относительно пластичны и устойчивы на воздухе. Сплавы с содержанием Au 70-80 % хорошо подходят для тонких филигранных работ и получения рельефных изделий. Они хорошо полируются, вместе с тем достаточно тверды и обладают неплохими прочностными свойствами, а в химическом отношении близки к чистому золоту. Высокопробные сплавы практически не подвержены коррозии, но очень мягки и быстро истираются.

По содержанию меди в изделиях можно предположить, что более половины предметов изготовились из природного золота, причем оно было добыто в россыпных месторождениях, связанных с ультраосновными породами. Это подтверждается присутствием в отдельных образцах незначительного количества таких характерных элементов, как никель, а также включений осмия. Для изготовления трети изделий в древности применялись искусственные сплавы, содержание меди в которых превышало 3%. Добавка данной лигатуры способствовала увеличению прочностных характеристик сплава, повышению его истираемости. Примерно половина золотых изделий, обнаруженных в Яковлевском кургане, была

изготовлена из искусственных сплавов. Для Переволочанских захоронений данная тенденция менее характерна, причем в изделиях из могильника Переволочан II искусственные сплавы золота вообще не встречаются.

Осмий. Первой известной нам публикацией о включениях осмия в золотых изделиях является статья N.D. Meeks и M.S. Tite [1980], в которой кратко охарактеризованы осмиевые минералы в артефактах Восточного Средиземноморья. Позднее Д. Уильямс и Дж. Огден [1995] упомянули о включениях этого минерала в древних изделиях из Греции. Они привели сведения о присутствии в золоте крупниц осмия, иридия и рутения, что затрудняло изготовление тонкого золотого листа и проволоки малого диаметра. По сообщению А. Науртманн с соавторами [2010], осмий был обнаружен методом ICP-MS в золотых изделиях из Грузии, однако сами включения выявлены не были.

Находки осмия в археологических памятниках Башкортостана и Оренбургской области авторами выявлены в двух группах археологических объектов: западной, расположенной в Приуралье, и восточной – в Зауралье. К первой группе относятся могильник Филипповский и средневековое городище Уфа II; ко второй – курган Яковлевский, могильники

Переволочан I и II. В инкрустации клинка меча из кургана № 4 могильника Филипповка I проанализировано 18 включений округлой, удлиненной и треугольной формы [Зайков и др., 2009б; Естественные методы..., 2011]. По соотношению Os, Ru, Ir в кристаллохимических формулах выделяются зерна трех типов: осмий иридисто-рутенистый, рутений иридисто-осмистый, иридий осмистый с рутением. Положение фигуративных точек составов показано на рис. 4.

Судя по округлой морфологии и широким вариациям состава большинства включений осмия, они были добыты в россыпях. Те случаи, когда включения представлены пластинками, объясняются высокой хрупкостью минерала. Он имеет спайность и интенсивно измельчался в водных потоках, попадая в изделия вместе с россыпным золотом.

Путь к определению источника осмия в золотых изделиях заключается в скрупулезном исследовании состава минерала и сопоставлении с природными разностями. Изученные зерна осмия отличаются по составу. На рис. 4 основное поле составов охватывает участок в центре диаграммы, практически совпадая с полем составов осмия из россыпей Урала. Эти составы мало информативны для определения источников металла. Вместе с тем, выделяются

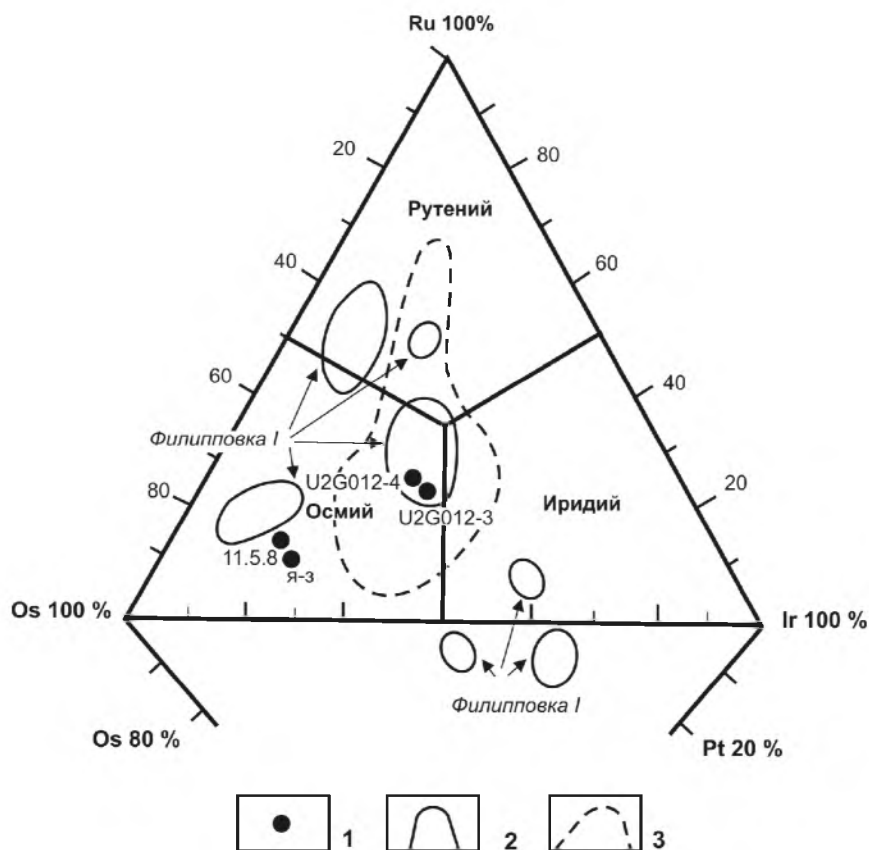

Рис. 4. Тройная диаграмма состава зерен осмия в золотых изделиях из археологических памятников Башкортостана и Оренбургской области.

1-3 – фигуративные точки составов осмия из золотых изделий:

1 – могильника Переволочан I; 2 – кургана Яковлевка II;

3 – ювелирной мастерской городища Уфа II;

4 – поле составов изделий из могильника Филипповка I;

5 – поле составов осмия из россыпей Урала

отдельные перспективные комбинации. В секторе иридия осмий из кургана могильника Филипповка I совпадает с составами из могильника Переволочан и Яковлевского II одиночного кургана. Аналогов этим составам минералов группы осмия в россыпях пока не установлено.

Вероятным источником металла являлись золотые россыпи, приуроченные к зоне Главного Уральского разлома. Эта тектоническая структура и оперяющие их тектонические швы вмещают тела золотоносных гипербазитов с осмиевой минерализацией. Особенно богатыми в отношении осмия россыпями являются аллювиальные и делювиальные отложения рек Миасс, Уй, Урал. В них установлены россыпи, содержащие в промышленных концентрациях платиноиды. Поэтому можно полагать, что из этих районов и поступало золото для изделий большинства курганов.

Выводы

В целом, полученные результаты, несмотря на довольно ограниченное количество проведенных анализов, оказались весьма информативными. Исследования позволили установить, что в раннем железном веке, наряду с природным золотом для производства золотых изделий, начали применяться и искусственные сплавы, в которых в качестве основной лигатуры использовалась медь. Выявленные колебания составов изделий отражают как естественную неоднородность природного золота, так и изменения, вызванные многочисленными переплавками материала. Близость составов отдельных украшений говорит о едином источнике материала и одновременности их изготовления древними мастерами. Наличие в золотых изделиях индикаторных примесей никеля и зерен осмия свидетельствует о непосредственной связи сырьевых источников с золотоносными гипербазитами Главного Уральского разлома.

Для дальнейших исследований состава золота и сопутствующего осмия из археологических памятников Башкортостана следует шире применять рентгенофлуоресцентные и микрозондовые методы анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АИБ: Археологические памятники Башкортостана. Уфа, 1996.

Булах А.Г. Расчет формул минералов. М., 1967.

Городище: Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2006 г. Том I. Уфа, 2007.

Зайков В.В., Султанова А.Н., Сунгатов Ф.А., Зайкова-Е.В. Состав золота с включениями осмия из ювелирной мастерской городища Уфа-II // *Минералы и минералооб-*

разование в природных и техногенных процессах. Уфа, 2009а.

Зайков В.В., Котляров В.А., Зайкова Е.В. Включения осмия в золотом изделии из Филипповского кургана (Южное Приуралье) // *Уральский минералогический сборник.* № 16. Миасс – Екатеринбург, 2009б.

Естественные методы при изучении могильника Филипповка I. М., 2011.

История башкирского народа в 7-ми томах. Т. 1. М., 2009.

Кобяшев Ю.С., Никандров С.Н. Минералы Урала. Екатеринбург, 2007.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. Средневековой город Башкорт (Уфа) // *Вестник АН РБ.* 2007. Т. 12. № 3.

Петровская Н.В. Самородное золото. М., 1973.

Пшеничниук А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // *АЭБ.* Т. V. Уфа, 1973.

Пшеничниук А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.

Пшеничниук А.Х. Переволочанский могильник // *Курганы кочевников Южного Урала.* Уфа, 1995.

Сиротин С.В. Исследования на курганном могильнике Переволочан в Зауральской Башкирии в 2007 г. (предварительное сообщение) // *Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий».* Оренбург, 2008.

Сиротин С.В. Комплексы эпохи ранних кочевников одиночного кургана Яковлевка II из зауральской Башкирии // *XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Материалы XVIII Уральского археологического совещания (11-16 октября 2010 г.).* Уфа, 2010.

Уильямс Д., Огден Дж. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V-IV века до н.э. СПб., 1995.

Юминов А.М., Зайков В.В., Сиротин С.В., Хворов П.В., Котляров В.А. Состав золотых изделий из материалов погребений курганных могильников Переволочан-I, Переволочан-II и одиночного кургана Яковлевка-II // *Уральский минералогический сборник.* № 17. Миасс – Екатеринбург, 2010.

Harris D., Cabri L. Nomenclature of platinum-group-element alloys: review and revision // *Can. Min.* 1991. V 29.

Hauptman A. Gold in Georgien. Analytische Untersuchungen an Goldartefakten und an Naturgold aus dem Kaukasus und dem Transkaukasus // *Von Maikop to Trialeti. Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.-2. Jt. V. Chr.* Bonn. Eurasien-Abteilungen des Deutschen Archäologischen Institute, 2010.

Meeks N.D., Tite M.S. The analysis of platinum-group element inclusions in gold antiquities // *Journal of archaeological Science.* 1980. № 7(3).

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

А.П. Зыков

THE ETHNIC AND CULTURAL SITUATION IN THE MIDDLE KAMA REGION IN THE GREAT MIGRATION PERIOD

A. Zykov

Ключевые слова: великое переселение народов, Среднее Прикамье, пьяноборская, мазунинская и бахмутинская культуры

В настоящей статье автор на обширном археологическом материале и с привлечением данных исторических источников, делает попытку реконструкции этнополитических процессов в ареале распространения памятников мазунинской (бахмутинской) культуры. На раннем этапе (III-V вв.) мазунинское общество испытывало давление западных групп населения, что можно увязать с готской экспансией. Это привело частично к утере исконных территорий, частично к интеграции части пришельцев в мазунинскую среду (тураевский тип памятников). На позднем этапе (V-VII вв.) носители мазунинской культуры подверглись экспансии с юга, выходцами из Западной Сибири. По мнению автора, на этом этапе из мазунинской среды произошло выделение «бахмутинского анклава» (Бирский и Бахмутинский могильники) – части мазунинского населения, подвергшегося сильной ассимиляции со стороны южных и восточных пришельцев (турбаслинская и кушнаренковская культуры).

Keywords: great migration of peoples, Middle Kama, Pyanobor, Mazunino and Bakhmutino cultures

In this article the author on a vast archaeological material and involving historical data sources, makes an attempt at reconstructing ethno-political processes in the area of distribution of monuments of the Mazunino (Bakhmutino) culture. In the early stage (III-Vth centuries) the Mazunino society had experienced pressure of the Western groups that can be linked to the expansion of the Goths. This has led in part to a loss of ancestral lands, and partly to an integration of newcomers into the Mazunino surrounding (the Turayevo type sites). At a later stage (V-VIIth centuries) the Mazunino culture bearers were subjected to an expansion from the south, of newcomers from the Western Siberia. According to the author, at this stage from the Mazunino environment there occurred a separation of the «Bakhmutino enclave» (the Birsk and the Bakhmutino burial grounds). It was part of the Mazunino population exposed to a strong assimilation on the part of the southern and eastern newcomers (the Turbasly and Kushnarenkovo archaeological cultures).

Моё обращение к данной тематике и случайно, и закономерно. Более 20 лет назад, в феврале 1990 г. мне пришлось произвести выборку образцов для металлографических микроструктурных анализов из железных изделий с трёх памятников современной Республики Башкортостан в г. Уфа: Бирского, Бахмутинского и Старомуштинского могильников. В технологии обработки этой, в общем-то, случайной выборки был чёткий «балтийский след», неизвестно откуда возникший в кузнечной обработке лесного Приуралья конца IV-VI вв. и неизвестно почему исчезнувший бесследно в более поздний период. За 20 лет я прочитал немало археологической литературы по Приуралья, пытаясь разобраться с этим «следом». Не скажу, что всё в прочитанном меня устраивало. Чтобы быть верно понятым своими коллегами – археологами в моих металлографических узкоспециальных штудиях, я обязан предпослать им более объёмную и более для меня трудоёмкую статью о собственном понимании археологической эпохи Великого переселения народов лесной зоны Средне-

го Прикамья. Я отлично понимаю, что в этой статье я неизбежно вынужден был задеть интересы многих своих коллег, возможно даже обидеть кого-то. Заранее приношу всем им свои извинения.

Мой взгляд на мазунинскую культуру III-V вв. Среднего Прикамья, на непосредственно её продолжающую бахмутинскую культуру V-VII вв. Северной Башкирии, на тесно с ними связанные курганные могильники тураевского типа конца IV – первой половины V вв. достаточно подробно изложен в отдельной работе [Щит и меч отчизны..., 2008. С. 64-76, 78]. На сегодняшний день хотелось бы отметить, что по моим представлениям мазунинские и бахмутинские памятники следует рассматривать в рамках одной археологической культуры второй половины III-VII вв. со сходными типами погребального обряда, поселений, городищ, неповторимым набором вещевого комплекса (бронзовых, железных, костяных, стеклянных украшений причёски и костюма, оружия и орудий труда), очень малоизменчивым на протяжении почти 500 лет набором круглодонных

керамических сосудов. Самыми поздними комплексами культуры являются погребения 382 и 433 VII в. Бирского могильника [Мажитов, 1990. С. 261-266; Он же, 1993. С. 119-140]. Предложенная уважаемым Ниязом Абдулхаковичем Мажитовым датировка этих комплексов по обнаруженным в них монетам «хорезмийского чекана VIII в.» представляется неверной [подробнее см.: Зыков, 2010. В печати].

Затянувшаяся уже более чем на 50 лет дискуссия в археологической литературе кажется мне совершенно бесперспективной. В общем-то, без разницы, как в конечном итоге будет обозначено название этой культуры: бахмутинская с выделением раннебахмутинского (мазунинского) этапа второй половины III-V вв. по Н.А. Мажитову и его коллегам или мазунинская с выделением бахмутинского этапа VI-VII вв. по В.Ф. Генингу, Т.И. Останиной и их коллегам. То, что это рано или поздно произойдёт, что это будет делом нынешнего или будущих поколений башкирских и удмуртских археологов, лично я не сомневаюсь. Но писать эту работу я должен был сейчас, поэтому вынужден высказать свою точку зрения, не дожидаясь более корректных и обоснованных высказываний специалистов по мазунинско-бахмутинской проблематике.

Особенно интересно, что «...в мазунинском обществе не было резкого имущественного неравенства, сосредоточения богатства в руках малой семьи. Особенно это наблюдается на ранних этапах культуры. Все взрослые жители были полноправными членами рода» [Останина, 1997. С. 139]. Для такой подчеркнутой эгалитарности общества должны были быть свои причины. В предшествующий сложению мазунинской культуры период I – первой половины III вв. также достаточно эгалитарное общество пьяноборской культуры пережило этап резко обострившейся военной напряженности. Причём, угрозы со стороны внешнего врага явно не было, в степях Южной Башкирии население среднеарматской II в. до н.э. – I в. н.э. и позднесарматской II-IV вв. культур было очень немногочисленным. Участились как раз военные столкновения между пьяноборскими родами и племенами. Так, об этом свидетельствуют материалы Тойгузинского II городища, взятого штурмом в I в. н.э., где среди 44 останков погибших его обитателей были найдены 12 костяков, убитых стрелами с типично пьяноборскими втульчатыми костяными наконечниками. То есть, очевидно, что пьяноборское городище-убежище было взято жестоким штурмом носителями этой же культуры.

О высокой военной опасности свидетельствуют многочисленные невооружённые клады II – первой половины III вв., зарытые в Среднем Прикамье [История башкирского народа. Т. 1. 2009. С. 267; История Удмуртии..., 2007. С. 178, 180]. То есть, в обществе пьяноборской культуры в этот период шли какие-то глубинные социальные процессы, которые угрожали взорвать его. Выходом из этой кризисной ситуации стал исход из Среднего Прикамья далеко на запад, в лесную зону Волго-Окского междуречья самой активной «взрывоопасной» части пьяноборского населения – тех, кто стремился стать военны-

ми вождями и их дружинниками, кто не пытался искать своего применения в хозяйстве, а находил его в военном деле, грабительских походах и набегах. После этого исхода, который, конечно, был не единовременным, а растянулся на долгий срок, в Среднем Приуралье наступила стабилизация. Это выразилось, прежде всего, в перестройке материальной культуры: пьяноборская и кара-абызская культуры постепенно трансформировались в мазунинскую (бахмутинскую) культуру.

После всех социальных потрясений, которые выпали на общество в пьяноборское время, теперь принцип эгалитарности становится господствующим. Особенно жёстко стал табуироваться погребальный обряд. Среди раннемазунинских погребений III-IV вв. нет богатых, свидетельствующих об особо высоком социальном статусе погребённых, даже в сравнении с могильниками предшествующих пьяноборской и кара-абызской культур. Это действительно было общество равных. Количество оружия в мазунинских могильниках резко падает. Наверняка, количество и наборы категорий оружия в могилах так же лимитировались. Совершенно запрещено было помещать в состав погребального инвентаря боевые шлемы и доспехи. На эту особенность мазунинского погребального обряда мне уже приходилось обращать внимание [Щит и меч отчизны..., 2008. С. 70].

Углублённое изучение пьяноборских и мазунинских могильников, проведённое уфимскими археологами В.А. Ивановым и В.В. Овсянниковым, позволило им прийти к выводу об «отсутствии в финно-пермской среде надродовых военных образований», то есть военных вождей и дружины, «...в момент военной необходимости молодые мужчины рода становились воинами», составляя ополчение, которое возглавлял «старейшина рода либо его молодой родственник» [Иванов, 1984; Овсянников, 1994. С. 52-88]. Любопытно, что при очень высокой степени строгости погребального обряда мазунинской культуры, запрещавшего присутствие в могильном инвентаре любых орудий труда, почему-то исключение делалось только для деревообрабатывающих инструментов – железных тёсел, скобелей, резцов, долот, свёрл. Инструменты этих видов с IV-V вв. начинают составлять яркую часть инвентаря могил мазунинской (бахмутинской) культуры [Мажитов, 1968. Табл. 15, 11, 12, 18; 28, 3; 29, 15, 17, 19; Останина, 1997. Рис. 20, 4]. Проушные и втульчатые топоры и косы должны быть исключены из перечня орудий труда, так как в могилы этой культуры они, по моему мнению, попадали в качестве оружия.

Очень сходные процессы происходили в первые века нашей эры северо-западные, в бассейне Вятки, где выделяются памятники азелинской культуры III-V вв. по В.Ф. Генингу или худяковской культуры I-V вв. с азелинской стадией III-V вв. по Р.Д. Голдиной и Л.А. Лещинской [Лещинская, 1994. С. 99, 100]. Здесь также в этот период фиксируется рост военной напряженности, о которой свидетельствуют следы пожаров на взятых штурмом городищах и найденные невооружённые клады. Особенно приме-

чательным из них был клад II-III вв. с Буйского городища, состоявший из 5 бронзовых гривен, 9 железных наконечников копий и 186 втульчатых тёсел [Ашихмина, 1987. С. 103-120].

В отличие от населения пьяноборской и мазунинской (бахмутинской) культур Среднего Прикамья и Северной Башкирии, этот кризис здесь удалось пережить без массового исхода активной «взрывоопасной» части населения и без создания подчеркнуто эгалитарного общества. Уже со второй половины III-IV вв. в могильниках бассейна р. Вятка у местного населения азелинской стадии худяковской культуры появляются погребения, которые вполне можно относить к захоронениям представителей военной знати (вождей и дружинников). В этих же могильниках, порой и совместно с престижными наборами вооружения, найдены инструменты кузнецов: в погребении 88 Худяковского могильника – кузнечный молоток совместно с железным шлемом, втульчатый топором, удилами, скобелем, керамическим тиглем и льячкой [Голдина, 1987. С. 45. Рис. 6, 2; 10], в погребении 1 Азелинского могильника – молоток, клещи, напильник, наковаленка совместно с кольчугой, «боевой косой», резцом по дереву и другими предметами [Генинг, 1963], в погребении 45 могильника Тюм-Тюм – железный молоток, малые кузнечные клещи, наковаленка и напильник [Ошибкина, 1979. С. 75, 76]. Ничего подобного в гораздо более исследованных могильниках мазунинской (бахмутинской) культуры Среднего Прикамья и Северной Башкирии не выявлено. Лишь в двух наиболее поздних погребениях Тарасовского могильника I-V вв. (782 и 1679) обнаружены соответственно один и два куска железного полуфабриката – прокованных криц. Никаких железных кузнечных инструментов в этих двух могилах, вне всякого сомнения – мужчин-кузнецов, обнаружено не было. Зато погребение 782 содержало богатый набор воина-дружинника: меч с халцедоновым дисковидным навершием деревянной рукояти и халцедоновой бусиной-привеской, боевой нож, железный решётчатый шлем с наносником и нащёчниками, пояс с бронзовыми пряжкой и накладками, конские железные удила с кожаной упряжью, покрытой бронзовыми накладками [Голдина, 2003. Табл. 339-342; Она же, 2004. С. 138, 254]. Очевидно, подходы к погребальному ритуалу захоронений кузнецов у носителей азелинской культуры бассейна р. Вятка и мазунинской (бахмутинской) культуры Среднего Прикамья были очень разными.

А теперь необходимо вернуться к яркой судьбе покинувшего территорию пьяноборской культуры военно-дружинного элемента, исход которого в Западное Поволжье стал одной из основных причин складывания в Среднем Приуралье эгалитарной мазунинской (бахмутинской) культуры с жёстко табуированным погребальным обрядом. Прорвавшись на правобережье Волги, немногочисленные, но агрессивные, энергичные пьяноборские дружины покорили местное население городецкой культуры. Мигранты-завоеватели и их потомки оставили в лесной зоне Волго-Окского междуречья могильники I-IV вв. с неизвестным на этой территории ранее обрядом тру-

поположения в простых грунтовых ямных могилах: Кошибеевский грунтовый могильник у слияния рр. Цна и Мокша в Рязанской области, Сергачский I курганный могильник в Нижегородской области, Писеральский курганно-грунтовой могильник на территории Республики Марий Эл и многие другие. Все их объединяет присутствие в коллекциях большого количества прикамских бронзовых и железных предметов украшения одежды. Количество выявленных и исследованных могильников этого типа постоянно растёт, расширяется ареал их распространения [Белорыбкин, 2007. С. 167-179]. Из всех подобных погребальных памятников первой половины I тысячелетия Западного Поволжья особое значение имеет Андреевский курган I-II вв. на востоке Мордовии – самый ранний военно-дружинный некрополь в этом регионе.

Открытие в 90-х гг. XIX в. богатого Кошибеевского могильника, а затем и других археологических памятников этого края с большим количеством вещей, имеющих несомненные аналогии в пьяноборской культуре Прикамья, требовали от археологов осмысления этих фактов. Ещё П.П. Ефименко и М.Г. Худяков в своих работах 20-30-х гг. XX в. однозначно относили Кошибеевский могильник к мигрантам пьяноборской культуры. Но А.П. Смирнов отчленил памятники кошибеевского типа от пьяноборских, указав, что они сопровождаются иным плоскодонным типом керамики, отличным от круглодонных пьяноборских сосудов. Он считал памятники Цнинско-Мокшанского района вариантом городецкой культуры [Смирнов, 1952. С. 135, 138]. Позднее он пришёл к выводу «о непрерывной инфильтрации племён Прикамья на запад, начиная ещё с эпохи раннего железного века» [Смирнов, 1961. С. 103].

Основной исследователь и знаток древностей Прикамья конца раннего железного века и эпохи Великого переселения народов, В.Ф. Генинг, счёл маловероятным утверждать «об одновременном приходе крупного массива или даже длительной инфильтрации чегандинского (по В.Ф. Генингу – А.З.) населения из Прикамья в Западное Поволжье... Наличие вещей так называемого «пьяноборского типа» в волго-окских памятниках III-IV вв. не связано вообще ни с включением, ни с инфильтрацией пьяноборского населения и, более того, не имеет к ним никакого отношения... (Это – А.З.) подтверждается полным отсутствием в кошибеевских могильниках височных подвесок в виде разомкнутого кольца с конической подвеской, эполетообразных застёжек..., определяющих этнические особенности чегандинских племён... Наконец, керамика кошибеевского типа – плоскодонные сосуды, не имеют ничего общего с чегандинскими круглодонными чашевидными сосудами... В памятниках (Андреевском и Писеральских курганах – А.З.), датированных I-II вв. н.э., обнаружены в массе вещи, служившие прототипами для «пьяноборских» из Кошибеевского могильника. Упомянутые памятники освещают заключительный этап развития культуры, синхронной чегандинской, в области Правобережья Волги. Так называемый «пьяноборский тип» в кошибеевских памятниках сви-

детельствует не о пришлое, а, наоборот, местном компоненте в культурах раннего средневековья Западного Поволжья» [Генинг, 1970. С. 194, 195].

П.Д. Степанов, автор раскопок и публикации Андреевского кургана, считал, что «накануне начала нашей эры в среду бывших городецких, то есть предков древнемордовских племён, воспринявших черты культур Прикамья..., вторгаются конники-завоеватели. Они огнём и мечом добиваются господства среди покоренных, становятся вождями, создают военные дружины, вооружают всех мужчин племени. Через завоевателей в Андреевский курган проникает третий компонент – савромато-сарматский (обряд захоронения в глубоких могилах с плечиками, воинские трофеи, масса оружия, захоронения в кургане и рабы)..., захоронения в насыпи Андреевского кургана... отличаются от погребений в грунтовых могилах. Они очень близки по характеру захоронений древнемордовским могильникам – Кошибе-евскому и Сергачскому. Очевидно, таким образом... оформилась древнемордовская племенная культура» [Степанов, 1980. С. 47].

В.В. Гришаковым и С.Э. Зубовым издана отдельная монография, посвященная полной перепубликации материалов Андреевского I кургана «I – начала (может быть, первой четверти) II в. н.э.», с исправлением всех ошибок и недоразумений издания П.Д. Степанова, с квалифицированным источниковедческим анализом погребального обряда и датировок этого памятника, поминально-жертвенного комплекса второй половины I – начала II в. н.э. Андреевского 2 кургана, связанного с ними Андреевского селища середины – третьей четверти I в. н.э. и расположенного всего лишь в 40 км восточнее этого археологического комплекса единокультурного с ним Староардатовского I кургана середины I в. н.э. [Гришаков, Зубов, 2009. С. 11-65].

Мне очень импонирует обоснованное отрицательное отношение В.В. Гришакова и С.Э. Зубова к городецкому и сарматскому компонентам Андреевского I кургана, радуется их убежденность в необходимости поиска восточных истоков происхождения носителей писеральско-андреевского типа памятников I-II вв. н.э. [Там же. С. 70-84]. Но, в целом, предложенная модель их появления в Западном Поволжье в результате военного «выплеска» зауральского гороховско-саргатского населения при явно чрезмерно заниженной роли пьяноборского компонента [Там же. С. 84-94] вызывает большие сомнения. В курганах гороховской и саргатской археологических культур лесостепного и южнолесного Зауралья обязательным элементом были кольцевые ровики, неизвестные во всех исследованных писеральско-андреевских курганах. В них также не было найдено каких-либо вещей, специфичных именно для гороховской или саргатской культур. Без наличия подобных строгих доказательств модель военного «выплеска» зауральского населения на рубеже эр в Западное Поволжье остаётся не более чем остроумной гипотезой. По меткому замечанию рецензента этой монографии В.А. Иванова «с таким подходом можно не соглашаться, но и опровергнуть его на данном уровне ос-

мыслиния имеющегося материала довольно трудно» [Там же. С. 3, 4].

И ещё один очень любопытный момент, который никак не оговаривают соавторы данной книги, но который очень важен для всех последующих рассуждений. В монографии В.В. Гришакова и С.Э. Зубова приводится публикация раскопанного П.Д. Степановым Староардатовского I кургана. Он датируется «приблизительно серединой I в. н.э.». Захороненный в нём отнесён авторами к I рангу андреевских умерших, уложенных в обширные могилы I типа и сопровождаемых стандартным набором вооружения, включающим обязательно меч или палаш, один-два наконечника копья, колчаные наборы со стрелами [Там же. С. 62-65, 67, 68. Рис. 2; 3; 32; 33].

Это практически всё, что сказано соавторами о Староардатовском I кургане с его глубокой центральной могилой с очень необычной юго-восточной ориентировкой костяка. Но ведь и в Андреевском I кургане при абсолютном преобладании костяков, захороненных головой к северу с отклонениями к северо-востоку или северо-западу, при двух погребениях, ориентированных головой к востоку, всё же отнюдь не малую долю составляют 11 костяков (погр. 6, 10, 25/4, 33, 39, 45, 46, 49, 51-53), ориентированных головой к югу с отклонениями к юго-западу и юго-востоку [Там же. Рис. 8]. Ясно, что значительная доля их принадлежала женщинам и мужчинам – рабам, т.е. представителям автохтонного завоеванного населения. Но были среди них и одиночные погребения мужчин-воинов (погр. 33, 45, 52). Не здесь ли в бассейне Нижней Суры и следует искать прародину носителей культуры курганов тураевского типа с их глубокими могилами, костяки которых были ориентированы головами к югу и юго-западу?

Первоначально при публикации материалов Писеральских курганов А.Х. Халиков считал, что «пьяноборское население в Западном Поволжье, очевидно, вышло одновременно, и причём крупным массивом, и этот выход нельзя датировать раньше, чем конец II в. н.э.» [Халиков, 1962. С. 137]. Однако в дальнейшем, уже после раскопок и публикации П.Д. Степановым материалов Андреевского кургана, после публикации монографии В.Ф. Генинга с ясным изложением его позиции, Альфред Хасанович очень круто изменил свои взгляды, передать которые кроме как прямым цитированием невозможно: «Первый натиск гуннов в Европе, очевидно, испытали южноуральские племена..., а так же позднесарматские племена Нижнего Поволжья. Часть этих смешанных племён, вобравших в свою культуру как позднесарматские, так и позднепьяноборские особенности, а так же новые южнотаёжные черты, в том числе и характерное для кочевников оружие – саблевидные палаши, сложный лук и т.п., не позднее конца II века н.э. продвинулась далеко на северо-запад, в западные районы Среднего Поволжья...» [Халиков, 1986. С. 75].

По-моему, оспаривать всю несуразность подобного взгляда А.Х. Халикова на неординарные памятники, появление которых действительно необратимо изменило в первые века нашей эры весь ход этно-

культурного развития населения лесной зоны Западного Поволжья, просто незачем. Тем более, что это было сделано в достаточно решительной форме Г.И. Матвеевой в заключительной статье того же сборника [Матвеева, 1986. С. 160]. Она считала, что «...невозможно согласиться с А.Х. Халиковым, который считает Андреевский, Писеральский и Сергачевский могильники памятниками степных гунно-тюркских племён, продвинувшихся в Поволжье...». Г.И. Матвеева, напротив, считала, что «...с Востока из Прикамья на территорию городищской культуры проникают племена пьяноборской культуры. В результате интеграции пьяноборских и городищских племён при участии пшеворско-зарубинецких компонентов складывается культура поволжских финно-угров II-V вв., которую часто называют позднегородищской. Процесс смешения пришлого и местного населения нашел отражение в Андреевском кургане в Мордовии...» [Там же].

При таком разном мнении, подчас исключавших друг друга, сложившихся у ведущих специалистов – археологов по поводу рассмотрения одного узкого круга памятников, весьма сложно было сформулировать собственную точку зрения на них же. В соответствующем разделе коллективной монографии, написанном ещё за два года до её опубликования, я предложил отнести захороненных в грунтовых могилах второй половины I в. до н.э. под насыпью Андреевского кургана к военным вождям и дружине завоевателей – балтов, пришедших приблизительно из районов Верхнего Понеманья (венетов Тацита), а погребенных в могилах в насыпи кургана в I-II вв. – к местному позднегородищскому населению [Щит и меч отчизны..., 2008. С. 68, 69]. Но на сегодняшний день, благодаря более внимательному анализу текста и иллюстраций монографии П.Д. Степанова, я пришёл к твёрдому убеждению, что это был некрополь I-II вв. одной военно-дружинной группы выходцев с территории пьяноборской культуры Среднего Прикамья.

Вопрос о том, кем же были военные вожди и дружинники, захороненные в Андреевском кургане самого конца I в. до н.э. – II в. н.э., для меня абсолютно ясен – конечно же, выходцами с территории пьяноборской культуры Среднего Прикамья, в чём я вполне солидарен с Г.И. Матвеевой. Большая часть собранного в его погребениях инвентаря имеет многочисленные аналогии в памятниках Прикамья. Ещё более явственные параллели с лесным Приуральем прослеживаются в оружии Андреевского кургана. Наконечники копий имеют многочисленные аналогии в культурах Приуралья, в том числе и в пьяноборской. Комплекс железных наконечников стрел имеет несомненные истоки в приуральских культурах, но окончательно он мог сложиться уже в самых низовьях Камы, вне пределов ареала пьяноборской культуры, при движении будущего андреевского коллектива на запад. Небольшое количество железных наконечников стрел, кинжалы с кольцевым навершием, длинные двулезвийные мечи – все они относятся к оружию типичных сарматских типов, широко распространенных во многих археологических куль-

турах, как сопредельных, так и достаточно удаленных от зон кочеваний сармат, в частности, в пьяноборской культуре [Васюткин, Калинин, 1986. С. 113, 115. Рис. 15, 5, 16; 16, 1-6, 9]. Хотя как-то связывать находки этого популярного в тот период оружия обязательно с походами и миграциями сарматских кочевников, по-моему, несерьёзно.

Очень любопытна находка в самом раннем погребении 25 Андреевского кургана у левой руки костяка 25/2 явно несарматского меча с широким линзовидного сечения двулезвийным клинком и вытянутым острием. У него был тонкий квадратного сечения длинный черен рукояти. Судя по описанию и рисунку в монографии П.Д. Степанова, общая длина меча составляла 78 см, длина клинка 61,5 см, ширина клинка до 4,4-4,8 см [Степанов, 1980. С. 16. Табл. 9, 14]. Скорее всего, это был колюще-рубящий *gladius hispaniensis* – легионерский римский меч I в. до н.э. с чуть более коротким клинком, чем клинки гладиусов из Смихеле в Словении длиной 62-66 см первой четверти II в. до н.э., но чуть более длинным, чем римские мечи начала I в. н.э. с клинками 50-56 см длиной [Коннолли, 2000. С. 130, 131, 232, 233]. Но единственное, что их объединяет – это очень характерное вытянутое колющее острие при большой ширине рубящего клинка. Лишь со второй половины I в. н.э. в римском вооружении появились легионерские мечи с иным, более коротким, острием.

Но единственный вид оружия Андреевского кургана, неопровержимо свидетельствующий о приходе его создателей из Среднего Прикамья – это палаши. В данном случае это клинки двух типов: с короткими прямыми железными перекрестиями без наверший из подкурганых погребений (погр. 25 и 50), а также – с широкими пластинчатыми манжетами-перекрестиями и железными калачевидными навершиями из могил в насыпи кургана (погр. 2, 21, 22, 32, 43 и 49). Оба типа андреевских палашей имеют точные аналогии в могильниках пьяноборской культуры. Однолезвийные клинки из подкурганых погребений военных вождей самого конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. имеют близкую аналогию мечу из погребения 7 могильника Чеганда II [Генинг, 1970. С. 62. Табл. XI, 1]. Скорее всего, бронзовые литые детали навершия и ножен чегандинского палаша имеют несомненное сходство с оформлением предохранительных футляров из «белого металла», надетых на острия наконечников копий из погребений 25/1 и 54 Андреевского кургана. Ещё один обломок однолезвийного клинка найден в погребении 36 того же могильника Чеганда II [Там же. С. 63]. Длинный палаш без навершия и перекрестия известен из погр. 1291 Тарасовского могильника [Голдина, 2003. Табл. 499, 3; Она же, 2004. С. 207]. Полную аналогию андреевский палаш с литым наконечником ножен из погребения 25/1 находит в погребении 18 Климкинского кургана в Западном Поволжье [Гришаков, Зубов, 2009. С. 43].

Пьяноборские аналогии андреевским палашам второго типа также существуют, но, к сожалению, они до сих пор почти не публиковались и мало кому известны. Эти палашы были найдены в погребениях

71, 78 и 79 могильника Нырғында II во время раскопок В.Ф. Генинга 1968 г. Нырғындинские палаши имели прямые однолезвийные клинки с колющим остриём длиной от 51,7 до 74,7 см при ширине от 2,2 до 2,7 см. Лишь самый короткий клинок из погр. 71 имел небольшую серповидную искривленность к лезвию и, судя по фотографии в отчете, имел съёмное полое бронзовое навершие с антенновидным завершением, очень близкое (почти аналогичное) съёмному бронзовому навершию палаша из погр. 7 могильника Чеганда II. Два остальных, также судя по фотографиям, первоначально имели калачевидные навершия, из них к моменту зарисовки оно сохранилось только у палаша из погр. 78. Данное навершие было изготовлено из отдельной железной детали, концом которой ковкой были приданы ромбовидные утолщения – «шишечки», в центральной части детали было прощено сквозное отверстие. После этого навершие калачевидно сгибалось и жестко насаживалось отверстием на черен палаша.

Судя по наиболее сохранившимся палашам из погребений 2, 22, 32 и 43 Андреевского кургана, их навершия были изготовлены точно так же [Степанов, 1980. Табл. 8, 6; 19, 23; 24, 14; 41, 8, 9, 11]. При переходе от тонких скошенных к лезвию черенов к клинкам все ныргындинские палаши имели манжеты, сваренные из широких железных пластин, почти не выступающих за ширину клинков. Манжеты сделаны для удобства крепления деталей деревянных рукоятей и упора погружения клинков в ножны, а не для удобства фехтования. Такие же манжеты были у второго типа андреевских палашей. Длинные палаши с прямыми короткими перекрестиями и калачевидными железными навершиями известны из пьяноборских погребений 733 и 1317 Тарасовского [Голдина, 2003. Табл. 315, 27; 509, 10; Она же, 2004. С. 130, 210], 133 и 143 Афонинского могильников Среднего Прикамья. У афонинских палашей перекрестие имеет вид широкого плоского пластинчатого манжета, подобного ныргындинским и андреевским второго типа образцам. В Западном Поволжье, кроме Андреевского кургана, палаши с калачевидными железными навершиями обнаружены в погребении 13 Кошибеевского и в разрушенном погребении Сергачского могильников. Железное калачевидное навершие «в виде «рожек» представлено в материалах I-III вв. н.э. городища Пикче-Сорче в Чувашии [Гришаков, Зубов, 2009. С. 50. Рис. 40, 4, 5].

Палаши могильников Чеганда II, Нырғында II, Афонинского и Тарасовского являются самым древним в Европе однолезвийным клинковым оружием, появившемся в вооружении носителей пьяноборской культуры задолго до прихода в степи юга Западной Сибири и Казахстана предков гуннов и, кажется, независимо от них. Причины выработки населением Среднего Прикамья этого элитарного вида оружия мне неизвестны, но, без сомнения, в Западное Поволжье оно попало вместе с пьяноборскими мигрантами.

Лично у меня нет никаких сомнений, что столь массовое появление в памятниках лесной зоны Волго-Окского междуречья первых веков нашей эры типа Андреевского кургана, Писеральского, Кошибеев-

кого и других могильников вещей «пьяноборского типа» при отсутствии здесь каких-либо для них местных истоков и прототипов было невозможно без прихода сюда мигрантов из Среднего Прикамья. Остаётся найти объяснение, почему во всех этих памятниках нет «... височных подвесок в виде разомкнутого кольца с конической подвеской, эполетообразных застёжек...», определяющих этнические особенности...» пьяноборского населения, нет характерных для него «круглодонных чашевидных сосудов» [Генинг, 1970. С. 194]. Объяснение может быть только самым простым: прорвавшиеся через Волгу на территорию городецкой культуры вооруженные отряды пьяноборских мигрантов были в основном мужскими, женщин с ними не было или почти не было. Это было вторжение дружин, потерпевших поражение в гражданской войне на территории пьяноборской культуры Среднего Прикамья и ставших изгоями, а никак не массовое переселение «народа – войска». Примеров последнего достаточно много в Приуралье. Например, массовые миграции угров из Зауралья, оставивших памятники бродовской стадии конца IV-V вв. неволинской культуры, кушнарниковской культуры VI – первой половины VIII вв., имевших не только своеобразные наборы оружия, бронзовых и костяных изделий, но и своеобразной керамики, встречающейся по обе стороны Уральских гор.

В данном же случае немногочисленные, но агрессивные, энергичные, прекрасно вооруженные и организованные дружины пьяноборских воинов-мужчин, среди которых без сомнений были кузнецы и бронзолитейщики, смогли поставить под контроль местных жителей – носителей городецкой культуры, смогли навязать им свои более передовые культурные стереотипы. Недаром собственно городецкая культура заканчивается I в. н.э., а далее «... складывается культура поволжских финно-угров II-V вв., которую часто называют позднегородецкой» [Матвеева, 1986. С. 160]. А если учитывать такой памятник, как Андреевский курган, то начало этого процесса датируется никак не позднее конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. Главным было то обстоятельство, что завоеватели – пьяноборцы от местного населения лесной зоны Волго-Окского междуречья получали не только своих рабов и подданных, но и ... жен и наложниц. А, значит, и неизбежно быстро начинали ассимилироваться. Уже в ранних подкурганских погребениях Андреевского кургана, не говоря уже о более поздних могилах в его насыпи, встречаются только плоскодонные сосуды поднегородецкого типа, а все женские захоронения с пьяноборскими вещами не содержат бесспорных (по В.Ф. Генингу) пьяноборских этнических стереотипов – «височных подвесок в виде разомкнутого кольца с конической подвеской, эполетообразных застёжек» [Генинг, 1970. С. 194]. Так начала складываться очень своеобразная материальная культура поволжских финно-угров, пьяноборская в своей основе.

Что же нового, неизвестного в Среднем Прикамье привнесли завоеватели – пьяноборцы в Западное Поволжье? Как мы уже пытались разобраться

выше, костюм и комплекс вооружения были полностью пьяноборскими. В Кипчаковском могильнике пьяноборской культуры обнаружен единственный на сегодняшний момент наборный пластинчатый железный шлем и несколько панцирных пластин из двух погребений. Погребения патриархальных рабов, крайняя редкость погребений детей до 4-5 лет, захоронения костяков с отрубленными головами и отдельные захоронения человеческих черепов хорошо известны по могильникам пьяноборской культуры [История башкирского народа, 2009. Т. I. С. 263, 264, 266]. Новой, неизвестной ранее, была более высокая социально-политическая организация общества, основанная инородными завоевателями в Западном Поволжье. Стержнем её являлась абсолютная власть наследственных военных вождей, которые были захоронены в больших и глубоких подкурганных погребениях 25 и 50 Андреевского кургана. Власть вождей опиралась на военные дружины, которые были чётко стратифицированы. Они делились на более привилегированную, опытную, вооружённую для всех видов боя конницу, составлявшую примерно треть дружины и пехоту, имевшую оружие либо только для ведения ближнего контактного боя, либо только для дистанционного боя. Очевидно, главным при делении на конницу и пехоту был возрастной принцип. В пехоте по преимуществу несли службу либо молодые, ещё не набравшие опыта дружинники, в основном лучники, либо пожилые и увечные. Все вожди и практически все дружинники, захороненные в Андреевском кургане, были мигрантами из Среднего Прикамья или их потомками. Их власть опиралась на массу покорённого населения Западного Поволжья – потомков носителей городецкой культуры. Для местного населения все пьяноборские вожди и дружинники стали сословиями инородной аристократии – случай, далеко не новый в истории человечества.

Захватив лесную зону Волго-Окского междуречья, отряды пьяноборцев – завоевателей поставили под свой контроль все основные торговые пути вывоза пушнины с бассейна Камы со всеми её притоками и бассейна Ветлуги. Через подконтрольную им территорию осуществлялась вся торговля по Волге – Дону или Сура – Дону через сарматские территории до городов Танаиса и Пантикапея и далее до рынков Римской империи. Существовал и другой путь от Волги по Оке, Десне, Днепру, Припяти до побережья Балтийского моря. Существование этого пути во II-V вв. документируется целой цепочкой находок на нём и в прилегающих к нему районах вплоть до ареалов азелинской и мазунинской (бахмутинской) культур большого числа вещей германского (прибалтийского) происхождения [Бажан, Васкул, 1988. С. 76-89; Щукин, 2005. Рис. 80; 81]. Этот путь проходил по безопасной территории в обход полосы миграции готов и других восточногерманских племён, в I-III вв. прошедших от берегов Балтики до Украины и Северного Причерноморья, отголосками которой стали Маркоманская (167-180 гг.), «скифские» или «готские» (230-275 гг.) и многие другие более мелкие войны германских и прочих варваров с Римской империей.

Контроль лесной зоны Волго-Окского междуречья позволял местным вождям сильно обогащаться за счёт сверхвыгодной для всех участников международной торговли. Свидетельств этому немного, но они есть. В 1875 г. на р. Инсара, притоке Алатыря, левого притока Суры у д. Шильникова Саранского уезда Пензенской губернии, фактически недалеко от места расположения Андреевского кургана, был найден клад римских серебряных монет последней трети I – начала III вв. Он включал до 150 монет, чеканенных от имени римских императоров, их соправителей и жён. Самая старшая монета в составе Шильниковского клада – денарий Веспасиана (69-79 гг. правления), младшая – денарий императрицы Юлии Маеи, правившей вскоре после Септимия Севера (193-211 гг. правления). В.В. Кропоткин считает возможным отнести зарытие этого клада ко времени не ранее конца III – начала IV вв. [Кропоткин, 1984. С. 138, 139].

На мой взгляд, Шильниковский клад разительно отличается от многочисленных кладов и находок отдельных римских серебряных монет I – начала III вв. черняховской культуры середины III – начала V вв. Здесь огромное количество серебряных монет, практически уже вышедших на территории империи из обращения, где вообще перешли на медно-золотую систему – это часть выплат готам-федератам из запасов римской казны. Полновесные серебряные монеты I-II вв., выпущенные до кризиса III в. и связанным с ним обесцениванием денег, вызвали доверие варваров, охотно их принимавших в качестве платы и использовавших в качестве денег уже на территории черняховской культуры – единого политического организма протогосударственного типа, известного как «держава Германариха» IV в. Более того, по мере истощения запасов старых серебряных монет в казне, император Констанций был вынужден чеканить новые денарии «императоров II в.» – специально для расчётов с варварами [Славяне и их соседи..., 1993. С. 157, 160. Карта 27; Щукин, 2005. С. 201, 202].

Монеты Шильниковского клада – это результат длительного более чем 140-летнего накопления отчислений от торговых операций. Поэтому неудивительно, что в его составе присутствуют денарии почти всех императоров Рима, их соправителей и жён с 70-х гг. I в. до начала III в. Но в начале «скифских» или «готских» войн, казалось бы без всякой связи с ними, «приблизительно между 244 и 247 г., а скорее всего – вскоре после 251 г. нещадному разгрому подвергся Танаис» [Щукин, 2005. С. 138]. Кем в точности были разорители Танаиса – неизвестно, письменные источники об этом молчат. Но, судя по находкам в разрушениях нескольких умбонов щитов явно центральноевропейского происхождения [Там же. С. 138. Рис. 48], и логике последующих событий – это была какая-то часть многоплеменного союза, возглавляемого готами.

Весь последующий период – это череда «скифских» или «готских» войн Империи. Естественно, что ни о какой торговле населения лесов Поволжья и Приуралья с Римской империей через порты Чёрно-

го моря говорить немыслимо. О крайне низкой степени связей говорят находки единичных медных римских монет III в. императоров Александра Севера (223-235 гг.), первого «солдатского» императора Максимилиана I (235-238 гг.), использовавшихся в качестве подвесок в погребениях Ижевского могильника мазунинской культуры и Рождественского V могильника азелинской культуры, а также случайной находки 1873 г. на городище Болгара медной монеты императора Аврелиана (270-275 гг.). Судя по тому, что экземпляр Ижевского могильника был чеканен в г. Томы в Мёзии, все эти монеты были частью добычи готских походов «скифских» войн [Кропоткин, 1984. С. 139, 140]. Торговля, несмотря ни на что, конечно же, продолжалась, но шла она преимущественно по Волго-Окско-Днепровско-Неманскому пути к восточному побережью Балтийского моря, обходя бесплодные земли, затронутые переселением готов и других восточногерманских племён. Именно по этому пути уходила большая часть пушнины, добытая в лесах Левобережного Поволжья и Приуралья, именно по нему доставлялись прибалтийские изделия: шлемы, кольчужные доспехи, мечи, боевые проушные топоры, новые типы деталей поясной гарнитуры. Начиная с III в. набор подобных вещей начинает оседать в могильниках азелинской и мазунинской (бахмутинской) культур Прикамья, становясь неотъемлемой частью их облика.

С последней четверти III века, после пресечения всех попыток переселения готов и возглавляемого ими аморфного многоплеменного военно-политического союза на свои земли, Римская империя стала выходить из глубокого экономического и политического кризиса. С готами был заключён феодус, который те свято соблюдали на протяжении почти всего IV в. [Щукин, 2005. С. 199, 219-222]. Мирная обстановка позволила потестарному сообществу различных племён под руководством готов создать яркую черняховскую археологическую культуру провинциально-римского типа.

После жестоких поражений в серии «скифских» войн и заключённых мирных соглашений, путь для набегов на богатые и притягательные земли Римской империи и её союзников – Боспорского царства, Херсонеса и Ольвии был для готов заказан. И на протяжении целого столетия до 378 г. они ни разу не пытались нарушить прочный взаимовыгодный мир. Для огромной, нерастратченной военной активности готов, кроме, естественно, службы её молодежи федератами и вспомогательными частями в составе римской армии, оставались войны с северными соседями. Сведения об этих войнах содержатся в легендарном патетическом отрывке о великих деяниях короля готов Германариха в трактате Иордана «О происхождении и деяниях гетов» или более кратко «Гетика», написанном в 550-551 гг.

В нём Иордан изложил достаточно пространственные сведения о покорении готами герулов, венетов, эстов и длинного перечня «воинственных северных племён... гольтескифов, тиудов, инауксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс,

атаул, нивего, бубегонов, колдов...», которых Германарих «... покорил... и заставил повиноваться своим законам» [Jord. Get. 116-120].

Во всём пространным списке «северных племён» Иордана, действительно в основном невразумительном и не поддающимся никакой расшифровке, интересно упоминание о «меренс» и «морденс» – племён мери и мордвы лесной зоны Волго-Окского междуречья. Есть ли хоть какие-то археологические факты, которые могли бы подтвердить сведения о войнах IV в. готов с этими северными народами, о которых упомянул готский историк в Италии в середине VI в.?

Во второй четверти I тыс. н.э. в лесостепной зоне Среднего Поволжья начинает складываться именьковская археологическая культура: сначала предшествующие ей памятники славкинского типа III-IV вв. [Агапов и др., 1981. С. 119] и лбищенского типа III-IV вв., а затем и собственно сложившаяся на их основе именьковская культура V-VII вв. Г.И. Матвеева считала, что она не имела здесь генетических корней и была оставлена пришлым с запада зарубинецко-пшеворским населением, скорее всего славянским (или балтским?) по происхождению [Матвеева, 1981. С. 52-71; Она же, 1986. С. 159-164, 166-168]. А.В. Богачёв допускал возможность, что в этой миграции с запада принимали участие отдельные группы германского населения, принесшие в Среднее Поволжье специфические домостроительные традиции, связанные со строительством «больших домов» [Богачёв, 1991. С. 159-171].

Лично мне трудно предположить, что эта культура «полей погребений» сложилась в полной независимости от потестарного сообщества, возглавляемого готами, ставка которых находилась в Нижнем Поднепровье, что готские конунги из рода Амалов понятия не имели о существовании независимого от них Балто-Волжского «пушного пути». Скорее наоборот – отлично знали, как поставить этот путь под собственный контроль. Сначала нужно было покорить племя «морденс» – мордвы, вожди которого извлекали основные прибыли из пушной торговли, связавшей лесное Приуралье с Прибалтикой.

Дата зарытия Шильниковского клада в конце III – начале IV вв. [Кропоткин, 1984. С. 139] видимо достаточно точно отражает, когда наступил самый драматический пик «готского» давления на лесное население Западного Поволжья. Но почему-то севернее Среднего Посурья носители именьковской культуры (или лбищенского типа памятников?) продвигаться не стали, покорение племени «морденс» – мордвы не было завершено. Нужда в этом отпала. Те, кто руководил наступлением на «морденс» – мордву, выяснили, что основная пушнина добывается не здесь, а в Прикамье, куда и отступили военные вожди «морденс» с их дружинами, сдаваться готским конунгам отнюдь не собиравшиеся. Военные действия пришлось переносить на волжское левобережье – в Нижнее Прикамье и Волго-Бельское междуречье. То, что заняло здесь всего несколько строк, в действительности растянулось на большую часть IV века. Никакие письменные источники события этой почти «столетней войны» не освещают. В на-

шем распоряжении лишь археологические памятники именьковской культуры (или лбищенского типа?), в течение IV в. постепенно сменяющие более ранние памятники азелинской культуры на левобережье Нижней Камы.

И вот, в конце IV в., на западной границе ареала мазунинской (бахмутинской) культуры появляются самые ранние курганы III (погребение 2), VI и VIII Тураевского могильника. Более поздние тураевские курганы III (погребение 1), IV и VII относятся к началу и, вероятно, к первой четверти V в., курганы I и V – ко второй четверти V в. [Генинг, 1976. С. 108]. Сейчас известно уже три курганных могильника тураевского типа: Тураевский и Старомуштинский на западной границе ареала мазунинской (бахмутинской) культуры и Кудашевский – на восточной границе, на р. Тулве. Все они обладают одной особенностью: их курганы расположены в окружении большого числа одновременных им грунтовых погребений мазунинской (бахмутинской) культуры.

Почти все исследователи, обращавшиеся к теме этих уникальных курганов, соглашались, что они были оставлены пришлым инородным для Среднего Прикамья населением. Первым свою точку зрения выразил В.Ф. Генинг в полной публикации материалов Тураевских курганов: «... По южно-уральским степям и Нижнего Поволжья прокатилась орда гуннов и тураевская группа, по-видимому, была одной из тех, которых гунны вовлекли в движение на Запад. Но тураевская группа перед нашествием гуннов на причерноморские степи (370 г.), по-видимому, оторвалась от них и ушла на север в Нижнее Прикамье» [Там же]. Вслед за ним большая группа авторов (А.Х. Халиков, Е.П. Казаков, Н.А. Мажитов, Г.Н. Гарустович, Ф.А. Сунгатов, Р.М. Юсупов, А.В. Богачёв и др.) склонны были рассматривать эти памятники в качестве принадлежащих кочевникам сарматского или гуннского круга.

Г.И. Матвеева, напротив, считала, что Тураевский могильник нельзя относить к кочевническим памятникам и настаивала на его принадлежности к княжеским погребальным комплексам пшеворской культуры [Матвеева, 1986. С. 164-166]. Её взглядам близки точки зрения П.Н. Старостина о том, что тураевская группа «... могла прийти с юга или юго-запада вместе с именьковскими племенами» [Старостин, 1997. С. 31], Р.Д. Голдиной о том, что памятники тураевского типа появились в конце IV в. в Среднем Прикамье в результате юго-западной черняховско-вельбаркской миграции [Голдина, 1999. С. 274; Голдина, Волков, 2000. С. 102, 103] или, по И.Ю. Пастушенко, в результате прихода сюда «дружинной группировки готов или этнически близких им племён» [Пастушенко, 1998. С. 187, 188].

С.Г. Боталов отверг и «гуннскую» и «гото-славянскую» версии происхождения памятников тураевского типа, заявив о их «единокультурном характере» с мазунинской культурой и что «... наличие подобных княжеско-дружинных образований на юго-западных рубежах большого этно-культурного финно-угорского массива в период бесчисленных военных кампаний Великого переселения народов – вполне

закономерное явление» [Боталов, 1999. С. 156]. Правда, в вышедшей чуть позднее монографии он вместе со своим соавтором ограничился лишь тем, что «... детальный разбор особенностей погребального обряда тураевцев не позволяет соотнести данный комплекс с гунно-сарматским», пообещав рассказать об этом ниже, но более к этому они уже в дальнейшем тексте не возвращались [Боталов, Гущалов, 2000. С. 183].

В коллективной книге Института истории и археологии УрО РАН я впервые написал, что те, кто захоронен в курганах могильников тураевского типа – Тураевском, Старомуштинском и Кудашевском Среднего Прикамья – были далёкими потомками тех, кто был захоронен в Андреевском кургане конца I в. до н.э. – II в. н.э. в восточной Мордовии. За 350-400 лет проживания в лесной зоне Западного Поволжья бывшие выходцы из ареала пьяноборской культуры, военные вожди и их дружинники полностью ассимилировались в среде некогда покорённых ими поволжских финно-угров, где они стали правящим аристократическим элитным сословием. И когда под натиском выходцев с территории «готской державы Германариха», аморфного многоплеменного потестарного сообщества, возглавляемого готами, остатки отрядов военных вождей племени «морденс» – мордвы дошли до западных границ ареала мазунинской (бахмутинской) культуры, для её населения они были инородными изгоями [Щит и меч отчизны... , 2008. С. 67-74].

Но, тем не менее, их приняли. Ведь за ними шли гораздо более сильные и опасные захватчики – носители формирующейся именьковской культуры или лбищенского типа памятников, а по сути – северо-восточной ветви огромного готского сообщества, занимавшего большую часть Восточной Европы. Финно-пермскому населению мазунинской (бахмутинской) культуры Среднего Прикамья искать союзников было просто негде. На юге их ареала, на Средней Белой, накапливались разрозненные позднесарматские племена, позднее, в V веке, консолидировавшиеся в турбаслинскую культуру. На восточных границах, в Сылвенско-Иренском междуречье и Пермском Прикамье, стали оседать группы угорских мигрантов из Зауральской лесостепи, оставившие здесь памятники бродовской стадии конца IV-V вв. неволинской и бурковской стадии конца IV-V вв. ломатовской культур. И сарматы и угры были изгоями-беженцами, пытавшимися укрыться в Приуралье от ещё более страшного общего врага – гуннов, начавших в этот период, во второй половине IV в., своё завоевание Европы.

Мы не знаем и, наверно, никогда не узнаем, на каких условиях общины мазунинской (бахмутинской) культуры, подборники всеобщего строго равенства, приняли на свою территорию мордовских военных вождей – «князей» с их потрепанными дружинами, но с устоявшимися военно-потестарными многовековыми традициями. Что это было – какой-либо вариант «призвания на княжение», заключение какого-то военно-оборонительного союза против общих врагов или что-то другое? Как бы то ни было, пришель-

цев на территории мазунинской (бахмутинской) культуры приняли вполне мирно, курганы всех трёх ныне известных могильников тураевского типа быстро обросли окружающими их полями грунтовых погребений местного населения.

Относительно спокойному расселению «тураевцев» в Среднем Прикамье способствовала сложившаяся в это время «внешнеполитическая обстановка». В 70-х гг. IV в. гунны, завершив долгий период войн по покорению сарматских племён степей Заволжья, Волго-Донского междуречья и Северного Кавказа, обрушились на готскую державу Германариха в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья. Она неожиданно быстро рухнула: часть готов (вестготов), спасаясь от гуннов, осенью 376 г. перешла Дунай и расселилась в Римской империи, восточногерманские племена разгромленного готского союза остготов, гепидов, герулов и других покорились гуннам. В самом конце IV – самом начале V вв. черняховская культура прекратила своё существование [Щукин, 2005. С. 235-254]. Таким образом, отдельный славяно-балто-германский анклав в Среднем Поволжье оказался совершенно изолированным от своей «готской прародины». Здесь на основе предшествующих ей памятников славянского и лбищенского типов III-IV вв. формируется именьковская культура V-VII вв. Гунны этот анклав никак не задевали – прежде всего, из-за его слишком большой удалённости от главных направлений их военно-политической активности, направленной в Закавказье в конце IV в. и на Западную и Восточную Римские империи в первой половине – середине V в. Так что начало существования именьковской культуры протекало спокойно. Но как это ни странно, война на её северо-восточной границе продолжалась.

Но теперь завоеватели именьковской культуры вынуждены были столкнуться с ожесточенным сопротивлением ополчений многочисленных родов мазунинской (бахмутинской) культуры, которыми командовали военные вожди и дружинники – носители культуры памятников тураевского типа, отлично вооруженные и обладающие огромным военным опытом, приобретенным, в том числе, в борьбе именно с этим противником. Что собой представляли эти тураевские воины, прекрасно видно по материалам одноименного могильника на востоке Татарстана. Всего на Тураевском могильнике В.Ф. Генингом в 1959, 1960 и 1969 гг. было исследовано девять курганов и начато исследование огромного поля грунтовых могил, завершённое в 1986-1990 гг. Н.В. Водолога. Оказалось, что курганы были тотально разграблены в древности, лишь случайно от разграбления уцелело 6 подкурганых погребений [Генинг, 1976. С. 55, 56. Рис. 2].

Появление в Среднем Прикамье иерархизированных военных отрядов – носителей культуры курганых могильников тураевского типа, не могло не оказать влияния на их союзников, носителей мазунинской (бахмутинской) культуры. Так, на грунтовой (мазунинской) части Тураевского могильника была исследована совершенно необычная «могила 171, где был похоронен мужчина 40-50 лет, был обнаружен

железный меч с навершием в виде халцедонового диска, наконечник копья, нож, 4 железных и 2 костяных наконечника стрел, уздечка, украшенная бронзовыми накладками. Инвентарь носит явно смешанный характер...» и, по мнению удмуртских археологов, свидетельствует о том, что «... в среде местного населения заметно выделение собственной военной верхушки...» [История Удмуртии..., 2007. С. 224, 225]. На мой взгляд, этот мазунинский воин соответствовал рангу знатного тураевского дружинника, предводителя отряда местного ополчения, но никак не рангу тураевского военного вождя-«князя».

В конце IV-V вв. в Среднем Прикамье складывалось очень оригинальное потестарное военно-политическое образование, возникшее из союза общин и патронимий носителей мазунинской (бахмутинской) культуры и пришедших сюда иноземных, но достаточно родственных военных вождей-«князей» и их дружинников, носителей культуры курганов тураевского типа. Судя по совместным курганно-грунтовым могильникам на западных (Тураевский и Старомуштинский могильники) и восточных (Кудашевский могильник) границах ареала мазунинской (бахмутинской) культуры, по многочисленным городищам, поселениям и, особенно, грунтовым могильникам V в., внутри её огромной территории складывание этого образования происходило достаточно мирно. Оценивая мазунинские (бахмутинские) могильники V в., сохраняющие эгалитарные традиции, сложившиеся в предшествующее время, воздействие на лесное население со стороны тураевской группы неощутимо. Очевидно, все силы и время малочисленных тураевских военных вождей и их дружин расходовались в боях с противником на внешних фронтах.

Именно здесь становится совершенно очевидным, что мазунинско(бахмутинско)-тураевское потестарное образование действительно в V в. существовало. В течение длительной «столетней» войны конца IV-V вв. на западе продвижение носителей именьковской культуры было практически остановлено. Правда, место расположения Тураевского могильника западнее р. Тоймы было оставлено под натиском именьковцев. Захоронения на нём после середины V в. не производились, а сам могильник был раскопан с целью явного осквернения могил [Щит и меч отчизны..., 2008. С. 74].

Отступившие восточнее тураевцы стали хоронить своих военных вождей на Тарасовском грунтовым могильнике I-V вв. мазунинской (бахмутинской) культуры. Именно здесь в грунтовых ямах глубиной 2,3-2,4 м выявлены бескурганые погребения 1685 и 1784, где в деревянных гробовищах были захоронены погребённые, ориентированные головами на север и северо-запад, со всем положенным им «княжеским» инвентарём. У обоих «князей» в могилах были узкие мечи «позднесарматского» типа с шириной клинков 2,2-3,5 см, резко отличавшиеся от обычных в тураевских погребениях предшествующего времени мечей «германского» типа с широкими клинками. Шлемы и доспехи этих двух погребений отличались. В погребении 1685 присутствовал шлем с тульей, сваренной из узких вертикальных железных

пластин, приваренной с внешней стороны к железному ободу, нижняя его часть украшена двумя рядами заклёпок с крупными бронзовыми полусферическими головками, снабжен железными нащечниками. Здесь же присутствовали крупные фрагменты железного пластинчатого доспеха. В погребении 1784 был железный цельнокованный шлем полуяйцевидной формы, покрытый целиком серебряной фольгой и двумя перекрещивающимися через вершину полосками золотой фольги, удерживаемыми бронзовыми заклёпками, с железной кольчужной бармицей, крепившейся к кожаному подшлемнику. Здесь же был найден полный кольчужный доспех, разруб на котором был починен с помощью бронзовой проволоки [Голдина, Волков, 2000. С. 98-100. Рис. 7-17]. О том, что доспех из погр. 1685 Тарасовского могильника представлял собой остатки нагрудника с горизонтальным набором пластин, имеющим многочисленные аналогии в азиатских памятниках гуннской эпохи III-V вв., мне писать уже приходилось [Зыков, Фёдорова, 2001. С. 132-134. Рис. 23; 24]. Эти два погребения Тарасовского могильника, очевидно, являются самыми поздними захоронениями тураевского типа и датируются серединой – второй половиной V в. По сути дела, это было не просто перемещение некрополя военных вождей – носителей культуры тураевского типа, на территорию действующего большого могильника мазунинской (бахмутинской) культуры, но показателем уже глубоко зашедшей ассимиляции потомков пришельцев «тураевцев» в местной аборигенной среде. Они отказались от курганного обряда погребения и сменили ориентацию захораниваемых покойных.

Здесь же, на территории Тарасовского могильника, выявлены погребения дружинников, большинство из которых почти наверняка сопровождали захоронения военных вождей-«князей» середины – второй половины V века. Это 12 мужских могил, каждая из которых отвечала следующим обязательным условиям: наличие вещей конца IV-V вв., наличие не менее двух видов оружия, наличие признаков деревянного гробовища и могильная яма не менее 0,75 м глубиной от уровня фиксации. Последнее обстоятельство, вероятно, связано с моим желанием включить в число поздних тураевских дружинников погребение воина-кузнеца (погребение 782). Остальные погребения этой группы более глубокие: от 0,92 м (могила 790) до 2,06-3 м (могилы 1705, 1772, 1779 и 1850). Основную же массу составляют погребения глубиной от 1,06 до 1,68 м: 235, 474, 1703, 1777А, 1785 и 1787. Соблюдение этих условий позволяет отчленить условно «тураевские» погребения Тарасовского могильника как от могил с оружием пьяноборской культуры I – первой половины III вв., так и от неглубоких захоронений, оставленных, скорее всего, носителями мазунинской (бахмутинской) культуры второй половины III-V вв. Те и другие насчитывают, по меньшей мере, ещё 17 погребений, для которых существует соблазн тоже относить их к дружинным. И это не учитывая значительного числа погребений огромного могильника, содержащих только по одному виду самого простого оружия – наконечников копий, стрел,

проушных топоров, боевых кос, боевых ножей. Их к дружинным захоронениям относить всё же не стоит.

Самым распространённым набором оружия в дружинных могилах «тураевского» типа Тарасовского могильника является сочетание в одном комплекте двулезвийного длинного меча и наконечника копья (погр. 2235, 474, 790, 1703 и 1779). В погребении 1772 этот набор дополнен боевым ножом и проушным топором. В двух комплектах (погр. 235 и 1703) обнаружены узкие мечи «позднесарматского» типа, а остальных – широкие клинки «германского» типа. Любопытно, что ни в одной из этих могил удила найдено не было. Набор вооружения в погребении 782 был проще: меч «позднесарматского» типа, боевой нож, железный решётчатый шлем и конские удила. Пояс и конская сбруя этого кузнеца-дружинника покрыты большим количеством бронзовых накладок.

Остальные тарасовские дружинные захоронения «тураевского» типа мечей не содержат. В них наиболее был распространён комплект из втульчатого наконечника копья и боевой косы (погр. 1777А и 1787), иногда дополняемый проушным топором (погр. 1850). В двух остальных случаях обнаружено сочетание наконечника копья и проушного топора (погр. 1785), боевой косы, втульчатого топора и двух костяных черешковых наконечников стрел (погр. 1705). Железные удила во всех этих могилах так же не были найдены [Голдина, 2003. Табл. 99, 205, 339-342, 347, 632, 633, 655, 656, 660-662, 669, 670, 672, 693, 694].

Очевидно, что основное отличие носителей памятников тураевского типа, оставивших одноимённые курганы конца IV – первой половины V вв. на востоке Татарстана, от их потомков середины – второй половины V в., оставивших группу погребений «тураевского» типа на Тарасовском могильнике, кроется в изменении погребального обряда последних. За более чем полувековой период жизни на территории мазунинской (бахмутинской) культуры «тураевцы» стали необратимо ассимилироваться в многочисленной среде её носителей. Захоранивая своих покойных на одних с мазунинцами кладбищах, они постепенно утратили обычай сооружения курганных насыпей над могилами, сами могилы стали ориентировать по принятому у финно-пермского населения Среднего Прикамья обыкновению, укладывая своих умерших головой к северо-западу или северу. К моменту сооружения своих погребений на Тарасовском могильнике, потомки «тураевцев» середины – второй половины V века ещё старались копать привычные им глубокие и просторные могильные ямы, умерших укладывать в деревянные гробовища, снабжая их привычным обильным погребальным инвентарём, прежде всего оружием и воинскими поясами. Но, по-прежнему, пренебрегали мазунинскими украшениями причёски и керамической посудой. То есть шло постепенное слияние пришельцев – «тураевцев» и местного автохтонного населения в один этнический массив, объединённый общей социально-политической системой предгосударственного образования.

С точки зрения военной организации, «тураевские» дружинники Тарасовского могильника остались

тем же, чем они были и во времена Тураевского могильника – мощной эффективной пехотой, максимально приспособленной к ближним контактным видам боя. Только ранее, в конце IV – первой половине V вв., пехотная по набору вооружения сущность тураевских дружинников затушевывалась обязательным включением в состав их погребального инвентаря престижных конских удили и узды, придававших им вид «ездящей пехоты», этаких драгун эпохи Великого переселения народов, которыми они на самом деле не были. С момента появления на территории мазунинской (бахмутинской) культуры в конце IV в., тураевские дружинники выполняли роль младшего командного состава, своеобразных «офицеров», руководивших пехотными отрядами ополчений мазунинских патронимий, родов и племён Среднего Прикамья. В погребениях «тураевцев» середины – второй половины V в. Тарасовского могильника эта их роль младших пехотных командиров стала очевидной – в могилах перестали помещать конские удила. Они остались только в погребениях военных вождей-«князей» и особо приближенных к ним дружинников (погр. 782, 1685 и 1784 Тураевского могильника).

На восточной границе мазунинской (бахмутинской) культуры миграция зауральских угров также была остановлена. Южная их часть осела в реликтовой лесостепи Сылвенско-Иренского междуречья, где оставила памятники неволинской культуры бродовской (конца IV-V вв.), верх-саинской (VI в.), бартымской (конца VI-VII вв.), неволинской (конца VII-VIII вв.) и сухоложской (конца VIII – первой половины IX в.) стадий. Северная часть зауральских угров, остановленная на границах Среднего Прикамья, вынуждена была осесть в Верхнем Прикамье, начав активно смешиваться с проживавшим здесь населением гляденовской культуры. Этим была заложена основа формирования средневековой ломоватовской культуры. Ещё полтора десятилетия назад Р.Д. Голдина предлагала выделить особую раннюю хронологическую стадию этой культуры – бурковскую конца IV-V вв. [Голдина, 1995. С. 29. Рис. 7]. Именно из Верхнего Прикамья уже смешанное угро-пермское население начинает заселять бассейн р. Чепцы, оставив здесь памятники гыркешурской стадии VI в. полумской культуры. То есть, опять же восточные мигранты аккуратно обходили территорию мазунинской (бахмутинской) культуры, что было бы невозможно без существования в Среднем Прикамье до начала VI в. сильного потестарного образования, о котором уже много говорилось.

Но далее произошла катастрофа. С начала VI в. мазунинская (бахмутинская) культура на большей части своего ранее занимаемого ареала просто исчезает. Только на его самом юго-востоке, на территории центра современного Башкортостана, в междуречье Белой, Бири и Уфы сохранился небольшой анклав, где ещё долго проживали остатки некогда многочисленного населения этой культуры. Судя по находкам из Бахмутинского и Бирского могильников, исследованных на территории этого анклава, население мазунинской (бахмутинской) культуры захора-

нивало своих покойных на них в VI-VII вв. Во многих исследованных археологическими раскопками могильниках этой культуры на всей остальной территории Среднего Прикамья нет ни одного погребального комплекса, который мог бы уверенно датироваться позднее V века.

На всей этой территории обнаружен и частично раскопан единственный могильник конца VI – первой половины VII вв. – у д. Петропавловской в Удмуртии. В 27 исследованных его погребениях выявлен довольно богатый инвентарь, но при этом не было ни одного глиняного сосуда. Большая часть его могил представлена труположениями, ориентированными головой на восток, а треть – трупосожжениями. По мнению автора раскопок, В.А. Семёнова, всё это свидетельствует об этнической неоднородности населения, оставившего могильник [История Удмуртии..., 2007. С. 226]. По моему мнению, этот памятник никакого отношения к мазунинской (бахмутинской) культуре и к её населению не имеет.

Что же произошло в Среднем Прикамье на рубеже V-VI вв. или в самом начале VI в.? Скорее всего – беспощадный военный разгром потестарного объединения носителей мазунинской (бахмутинской) культуры, возглавляемого носителями памятников тураевского типа, со стороны носителей именьковской и кушнаренковской культур. Большая часть населения этого протогосударственного образования была уничтожена вместе с его очень своеобразной культурой, а территория была оккупирована. На правых притоках Средней Камы появилось несколько городищ именьковской культуры VI-VII вв. К настоящему времени раскопками исследованы городища Верхний Утчан, Кузебаевское I, Староигринское, Благодатское I, Варалинское и другие. В материалах всех этих памятников выделяется четыре типа керамики: имеющей истоки в мазунинских памятниках (собственно верхнеутчанский тип), именьковской, полумской, кушнаренковско-караякуповской культур. Все вышеназванные городища и Петропавловский могильник были объединены в выделенную Р.Д. Голдиной и Т.К. Ютиной вернеутчанскую культуру VI-IX вв. Южной Удмуртии [Там же. С. 225, 226].

Однако, судя по изданным Т.И. Останиной материалам раскопок Староигринского и Кузебаевского I городищ, слои с именьковской керамикой на них явно более поздние, VI-VII вв., и перекрывают более ранние сооружения и слои с мазунинской керамикой и вещами IV-V вв. [Останина, 1985. С. 78-91; Она же, 2002. С. 48-56]. Если это действительно так, то утверждать о сохранении какого-либо постмазунинского населения после V века в Южной Удмуртии, а, значит, и согласиться с выделением «верхнеутчанской археологической культуры» со столь сложным многокомпонентным составом пока ещё преждевременно. Для этого необходимы новые исследования и гораздо более веские обоснования.

В районах южнее р. Камы, в бассейнах её левых притоков рр. Тулвы, Буя, нижнего течения Белой, её правого притока р. Быстрый Танып всё мазунинское (бахмутинское) население было уничтожено широ-

кой волной миграции новых зауральских пришельцев – завоевателей, носителей кушнаренковской культуры. То, что именно этот удар был смертельным для протогосударственного образования финно-пермского населения Среднего Прикамья – несомненно. Вряд ли существовала какая-либо координация в действиях восточных и западных завоевателей. Скорее всего, носители именьковской культуры просто воспользовались выгодными для себя результатами погрома, учинённого южнее Камы нашествием неукротимой конницы зауральских угров – кушнаренковцев. И поспешили добить на северном правом берегу Камы своих буквально «вековечных» врагов – носителей мазунинской (бахмутинской) культуры и их союзников, носителей культуры памятников тураевского типа.

Кушнаренковская археологическая культура начала формироваться в южной лесостепи и северной степи Западной Сибири в период, синхронный времени существования памятников карымского этапа второй половины IV – начала VI вв. нижнеобской культуры таёжной зоны. Самые ранние датированные сосуды кушнаренковского облика найдены в погребениях курганного могильника Усть-Тара-VII конца IV-V вв. карымского этапа нижнеобской культуры в Омском Прииртышье [Зыков, 2010. В печати]. То есть, она формировалась в лесостепном и степном Зауралье как один из осколков саргатской культуры раннего железного века, несколько южнее ареала бакальской культуры бассейна р. Исеть, в пространстве от р. Иртыш на востоке до предгорий Уральских гор. Причины, побудившие часть кушнаренковских племён в конце V века покинуть Зауралье и двинуться в завоевательный поход в лесостепь Приуралья, были, очевидно, те же самые, которые заставили кочевников гуннов-савириров в это же время перекочевать из степей Тоболо-Иртышского междуречья в степи Западного Прикаспия – натиск с востока авар [Артамонов, 2001. С. 97-108, 145-160].

Завоевав почти всю лесостепную и южнолесную зону Приуралья, кушнаренковские племена на западе были остановлены сопротивлением массива носителей именьковской культуры в междуречье левых камских притоков – рр. Ик и Белая. На левобережье р. Белой и в бассейне её левых притоков сложился, вероятно, самый крупный массив из почти семи десятков выявленных археологических памятников – городищ, селищ, курганных и грунтовых могильников, местонахождений – с находками керамики кушнаренковского типа [Казанцева, Ютина, 1986. С. 110-129. Рис. 1]. Вторжение на территорию современного Башкортостана западносибирских племён – носителей кушнаренковской культуры принято датировать «рубежом VI-VIII вв.» [Иванов, 1994. С. 77-80] по появлению многочисленных погребений Манякского грунтового могильника, Ново-Биккинского, Булгарского курганов, курганов 8-14, 29, 43, 46, 54-57 Лагеревского могильника, датированных Н.А. Мажитовым VII-VIII вв. [Мажитов, 1981. С. 5-29. Рис. 1-11]. Но, по моему мнению, это конец VI – VII вв. И всё же, датировать начало вторжения вос-

точных завоевателей следует не по их погребальным памятникам, оставленным в уже завоеванной и прочно удерживаемой ими земле «обретённой новой родины», а по времени прекращения существования и гибели предшествующей мазунинской (бахмутинской) культуры в самом начале VI века.

Эта датировка удивительно совпадает с первым ещё смутным известием византийского историка Прокопия Кессарийского от 504 г. о появлении новых неизвестных до сих пор кочевников – варваров в северных областях Сасанидской империи в Закавказье. С ними персидский шах Кавад вынужден был вести продолжительную войну, прервав удачный поход против Византии. Этими кочевниками были, вероятно, гунны-савиры, пришедшие из степей Западной Сибири [Артамонов, 2001. С. 97].

Участь населения мазунинской (бахмутинской) культуры была печальна. Устоять перед нашествием восточных завоевателей они не смогли, а укрыться им было негде. Носители кушнаренковской культуры наступали не в поисках новых подданных, им было необходимо только пространство лесостепной зоны для собственного проживания, свободное от всех, живших здесь ранее. А как могли воины кушнаренковской культуры обращаться с завоёванным мирным населением, прекрасно видно по материалам полностью раскопанных Бартымских поселения и могильника неволинской культуры. Во второй половине VII в. поселение было сожжено, а все его жители убиты. Всего найдено при раскопках 19 могил с 60 костяками мужчин, женщин, стариков и детей [Голдина, Водолаго, 1990. С. 37-47. Табл. XI-XIV]. И это результат обычного грабительского набега на близкородственных угров, потомков той же зауральской саргатской культуры, от которой произошла и кушнаренковская. Легко представить, что происходило в условиях тотального завоевания территории, населённой неродственным, иноязычным для завоевателей народом.

Удивительно другое – в условиях завоевания уцелел небольшой южный анклав населения мазунинской (бахмутинской) культуры, проживавшего между реками Белой и её правыми притоками Бирью и Уфой. Скорее всего, это произошло случайно. Восточные завоеватели, не собиравшиеся захватывать территорию турбаслинской культуры, возможно, даже заключившие мир с вождями её носителей, аккуратно старались обойти её ареал. При этом они случайно обошли городища и поселения мазунинской (бахмутинской) культуры, расположенные вблизи северных границ ареала турбаслинской культуры. Так или иначе, но они и всё их население избежали ужасов погрома начала VI века, гибель мазунинской (бахмутинской) культуры и почти всех её носителей на большей части её территории. Только население этого небольшого южного анклава продолжало сохранять в VI-VII вв. основные традиции уже погибшей культуры: погребальный обряд, основные наборы погребального инвентаря и специфические типы круглодонных керамических сосудов.

Правда, севернее реки Бирь на территории лесов Уфимского плато в бассейне среднего течения

Уфы и Быстрого Таныпа известно по археологическим разведкам довольно большое количество поселений и городищ с керамикой бахмутинского (чандарского) типа, хорошо известного по находкам на Бирском и Бахмутинском могильниках. Но сумело ли здесь сохраниться население мазунинской (бахмутинской) культуры, избежавшее тотального погрома со стороны полукочевого населения кушнаренковской культуры, которым эта заселённая экологическая ниша была не очень-то интересна, или эта опустевшая местность была вновь заселена в VI-VII вв. с юга уже собственно представителями бахмутинского (постмазунинского) населения – на сегодняшний день неизвестно. Тем не менее, весь этот период остаточная позднемазунинская (бахмутинская) группа населения подвергалась ассимиляции со стороны своих соседей – носителей турбаслянской и, особенно, кушнаренковской культур. К концу VII в. самостоятельное существование этого финно-пермского анклава закончилось. Скорее всего, он был полностью поглощён кушнаренковской культурой, существовавшей до первой половины VIII века.

Именно при такой интерпретации Бирского и Бахмутинского могильников, на которых выделяются погребения VI-VII вв., относящиеся к остаточной группе финно-пермского населения, можно согласиться на выделение особой бахмутинской археологической культуры. Но только для небольшого ареала между речьями Бири и Уфы и при обязательном исключении всех погребений ранее VI века, относящихся к единой мазунинской (бахмутинской) культуре всего Среднего Прикамья. Существующий в современной историографии взгляд на бахмутинскую культуру [Мажитов, 1968; Степи Евразии..., 1981. С. 25-27. Рис. 11; 13] нуждается в существенной корректировке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П. Памятники славянского типа в Куйбышевской области // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушелевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.

Артамонов А.Н. История хазар. СПб., 2001.

Ашихмина Л.И. Клад с Буйского городища // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск, 1987.

Бажан И.А., Васкул И.О. О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тыс. н.э. // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. Сыктывкар, 1988.

Белорыбкин Г.Н. Исследование Устьюзинского 2 могильника // Пензенский археологический сборник. Вып. I. Пенза, 2007.

Богачёв А.В. Большой дом Старо-Майнского городища // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991.

Боталов С.Г. Гунны (попытка культурогенеза) // XIV УАС. ТД. Челябинск, 1999.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахских степей. Челябинск, 2000.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.

Генинг В.Ф. Азелинская культура III-V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. Свердловск-Ижевск, 1963.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. Свердловск-Ижевск, 1970.

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.

Голдина Р.Д. Погребальный обряд Худяковского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Йошкар-Ола, 1987.

Голдина Р.Д. О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1994.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т. III. Ижевск, 2003.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т. I. Ижевск, 2004.

Голдина Р.Д., Водолага Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.

Голдина Р.Д., Волков С.Р. Шлемы Тарасовского могильника // УАВ. Вып. 2. 2000.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань, 2009.

Зыков А.П. Барсова Гора: археология средневековья и нового времени Сургутского Приобья (в печати).

Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Холмогорский клад: коллекция древностей III-IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железного века. М., 1984.

Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). СПб., 1994.

История башкирского народа. Т. I. М., 2009.

История Удмуртии: с древнейших времён до XV в. Ижевск, 2007.

Казанцева О.А., Ютина Т.К. Керамика кушнаренковского типа Благодатского I городища // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986.

Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.

Кропоткин В.В. О некоторых находках римских монет в Среднем Поволжье и Прикамье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Лецинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М., 1981.

Мажитов Н.А. Комплексы с монетами VIII в. из Бирского могильника // СА. 1990. № 1.

- Мажитов Н.А.* Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII-XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.
- Матвеева Г.И.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии нашей эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
- Овсянников В.В.* Погребения «военачальников» (к проблеме реконструкции военной организации у финно-пермяков Прикамья) // Вооружение и военное дело древних племён Южного Урала. Уфа, 1994.
- Останина Т.И.* Городище-убежище раннего средневековья у д. Старая Игра // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985.
- Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997.
- Ошибкина С.В.* Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИА. № 158. 1979.
- Пастушенко И.Ю.* К вопросу об этнокультурной принадлежности «тураевцев» // Урал в прошлом и настоящем. Материалы науч. конф. Ч. I. Екатеринбург, 1998.
- Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. Археология СССР. М., 1993.
- Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28.1952.
- Смирнов А.П.* Железный век Чувашского Поволжья // МИА. № 95. 1961.
- Старостин П.* Об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в первой половине I тыс. н.э. // Finno-Ugrica. 1997. № 1.
- Степанов П.Д.* Андреевский курган: к истории мордовских племён на рубеже нашей эры. Саранск, 1980.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Халиков А.Х.* Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тысячелетии нашей эры / / Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
- Щит и меч отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург, 2008.
- Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.
- Jordanus. Getica. – Иордан.* О происхождении и деяниях гетов // Пер. Е.Ч. Скржинской. СПб., 1997.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД БАКАЛИНСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Г.Н. Гарустович

FUNERAL RITES OF THE BAKALY BURIAL GROUND FROM THE MIDDLE AGES EPOCH

G. Garustovich

Ключевые слова: курганные захоронения, эпоха средневековья, чияликская археологическая культура, следы огненного ритуала

Автор в данной статье рассматривает погребальный обряд Бакалинского курганного могильника чияликской археологической культуры, памятника предков башкир X-XI вв. Человеческие захоронения языческого некрополя сопровождаются частями лошадиных туш (череп и челюсти – в насыпях курганов, трубчатые кости – в могилах), и предметами конского снаряжения (удила, стремяна, наборные уздечки). В женских погребениях встречаются круглодонные сосуды, украшенные шнуровым орнаментом, а также стеклянные бусы. В качестве пуговиц использовались ребристые бронзовые бубенчики.

Keywords: pagan burial mounds, the era of the Middle Ages, Chiyalik archaeological culture, traces of the fire ritual

The author of this article considers the funeral ceremony of the Bakalinskij burial mound belonging to the Chiyalik archaeological culture, a relic monument of the ancestors of Bashkirs of the X-XI centuries. Human burials of a pagan necropolis are often accompanied by horse carcasses (a skull and jaw – in mounds of the barrows, tubular bones – in the graves), and by items of horse equipment (bits, stirrups, bridles splicers). In female graves there occur round-bottomed vessels decorated with cord ornaments and glass beads. The ribbed bronze little bells were employed as buttons.

В качестве главной задачи в данной статье мы посчитали необходимым проанализировать погребальную обрядность Бакалинского курганного могильника, расположенного в Бураевском районе Башкортостана, погребения которого датируются X-XI вв. Актуальность подобной характеристики связана с тем, что здесь мы имеем дело с материалами непосредственных предков башкирского народа, причем, прямо накануне исчезновения древнего языческого исконного похоронного обряда, в связи с принятием народом новой мировой религии – ислама. В принципе, Бакалинские курганы не являются единственным памятником рубежа I-II тыс. н.э. и самого начала II тысячелетия, однако широкоизвестные (реперные) некрополи данного типа – Каранаевский, Мрясимовский могильники (оба – Башкортостан) и Смолинское погребение (Челябинская обл.) дошли до нас в сильно разрушенном состоянии. Этот факт объективно приближает Бакалинский могильник к названным опорным памятникам лесостепной зоны эпохи средневековья, повышая его научную значимость.

Описания раскопанных курганов были опубликованы ранее [Гарустович, 2009. С. 197-212], детали исследованных захоронений заинтересованный читатель может почерпнуть в этой работе. В 1967 и 1990 годах на Бакалинском некрополе (в 1 км к северу от д. Бакалы: рис. 1, 1) А.Х. Пшеничнюком и Г.Н. Га-

рустовичем были вскрыты все восемь имеющихся курганных насыпей, из которых шесть содержали одиночные погребения, а в двух курганах (№ 1 и № 5) выявлены две (обе женщины) и четыре (мужчина, девочка и два мальчика) могилы соответственно.

В расположении насыпей на местности особой упорядоченности не заметно, они образуют компактную группу в виде буквы «X». Центр могильника занимает курган № 1 (рис. 1, 1), но он ничем не отличается от других насыпей. По всей видимости, конфигурация в расположении насыпей была случайной.

Погребальный обряд могильника отличается единообразием. Все насыпи земляные, задернованы, диаметры их варьируют от 4 до 8 м, высота колеблется от 0,05 до 0,5 м (в среднем – 0,3 м) от уровня современной поверхности. В насыпях встречались остатки тризн и следы языческих очистительных обрядов: зола и угли (35,3%) и трубчатые кости лошади (35,3%). Если к находкам бедренных костей добавить пять случаев, когда были расчищены остатки нижних челюстей коня, то процент использования лошадиных костей возрастает до 50%. В трех насыпях были обнаружены сосуды или фрагменты керамики (25%). Обычно находки располагались рядом с могильными ямами, но в двух случаях кости коня расчищены в насыпи над головой (к. 5 п. 2) или над ногами покойных (к. 3).

Характеристика курганных насыпей Бакалинского могильника

Курган	Диаметр насыпи, м	Высота насыпи, м	Кол-во погр.	Кости коня	Челюсти коня	Угли	Сосуд в насыпи
№ 1	6,5	0,4	2	+	-	+	+
№ 2	7	0,5	1	+	+	+	-
№ 3	6	0,3	1	+	+	-	+
№ 4	8	0,3	1	-	+	+	-
№ 5	8	0,25	4	+	+	+	-
№ 6	8	0,35	1	-	+	-	-
№ 7	4	0,05	1	-	-	-	-
№ 8	5	0,05	1	-	-	-	+

Таблица 2

Бакалинский могильник. Характеристика могильных ям и категории инвентаря

Курган/ погр.	Длина в м.	Ширина в м.	Глубина в м.	Пол/ возраст	Сосуд	Кости лошади	Конское снаряж.	Украшения	Угли
к. 1 п. 1	2,0	0,7	0,6	Жен.	-	-	-	Бусы	-
к. 1 п. 2	1,85	1,0	0,6	Жен.	Засыпь	-	-	-	-
к. 2	1,6	0,7	1,1	Жен.	-	-	-	Бубенчик	+
к. 3	1,54	0,48	0,6	Жен.	У гол.	-	++	Бусы, бубенчик, браслет	-
к. 4	?	?	0,5	?	-	+	-	-	+
к. 5 п. 1	0,95	0,35	0,2	Реб.(д)	-	+	-	Бусы, накладка, бубенчики	+
к. 5 п. 2	1,75	0,75	0,6	Реб.(ю)	-	-	+++	Бусы	+
к. 5 п. 3	1,75	0,75	0,55	Муж.	-	+	++	-	-
к. 5 п. 4	1,0	0,45	0,25	Реб.(ю)	-	+	++	Бубенчик	+
к. 6	?	?	?	?	-	-	-	-	-
к. 7	1,65	0,6	0,07	Реб.(д)	У гол.	-	+++	Бусы, бубенчики	+
к. 8	?	?	?	?	-	-	-	-	-

Реб.(д) – ребенок-девочка; Реб.(ю) – мальчик; «У гол.» – сосуд возле головы человека

Курганы служили местом общего упокоения взрослых и детей, всего выявлено 4 женских захоронения, 1 мужское и 4 детских (два мальчика и две девочки). Могильные ямы во всех курганах были прямоугольными, простыми, с прямыми отвесными стенками. При парных захоронениях могилы размещались по линии север-юг. Размеры могильных ям зависели от роста погребенных. Здесь важно обратить внимание на очень незначительную глубину захоронений – от 0,05 до 0,6 м от уровня материка. В могильных ямах, как и в насыпях, фиксируются следы очистительного огненного ритуала, угли обнаружены в шести могилах (50%). Следов использования деревянных конструкций нет, за исключением кургана № 3, где в могиле найден обугленные плахи, лежавшие одна на другой (рис. 5, 5).

Положение человеческих костяков в могильных ямах могильника – вытянутое на спине, с вытянутыми руками и ногами. В ориентировках покойных

явно преобладает западное с отклонениями направление. Превалирует ориентировка головы к западу – юго-западу (юго-западу) – 5 случаев (67%), на запад ориентированы три костяка (25%) и лишь в 1 погребении – на северо-запад (8,3%). Необходимо отметить отсутствие стабильности в развороте лица умерших: имеются погребения, черепа в которых лежали на темени – лицом вверх (рис. 2, 10; 6, 5), встречаются случаи поворота лица в левую сторону.

На этом фоне выделяются захоронения кургана № 5, в котором из четырех захоронений в трех фиксировался разворот лица в правую сторону (п. 1, 2, 3 – девочка, мальчик и мужчина: рис. 3, 2, 15, 16). Перед нами обряд, продиктованный нормами шарирата: с юго-западной ориентировкой головы и разворотом лица на кыблу (в сторону Мекки, т.е. к югу) [об этом см.: Гарустович, 2009а. С. 37-39]. В погребении 2 фиксировался легкий разворот тела на правый бок (рис. 3, 15). Наличие вещей в могильных

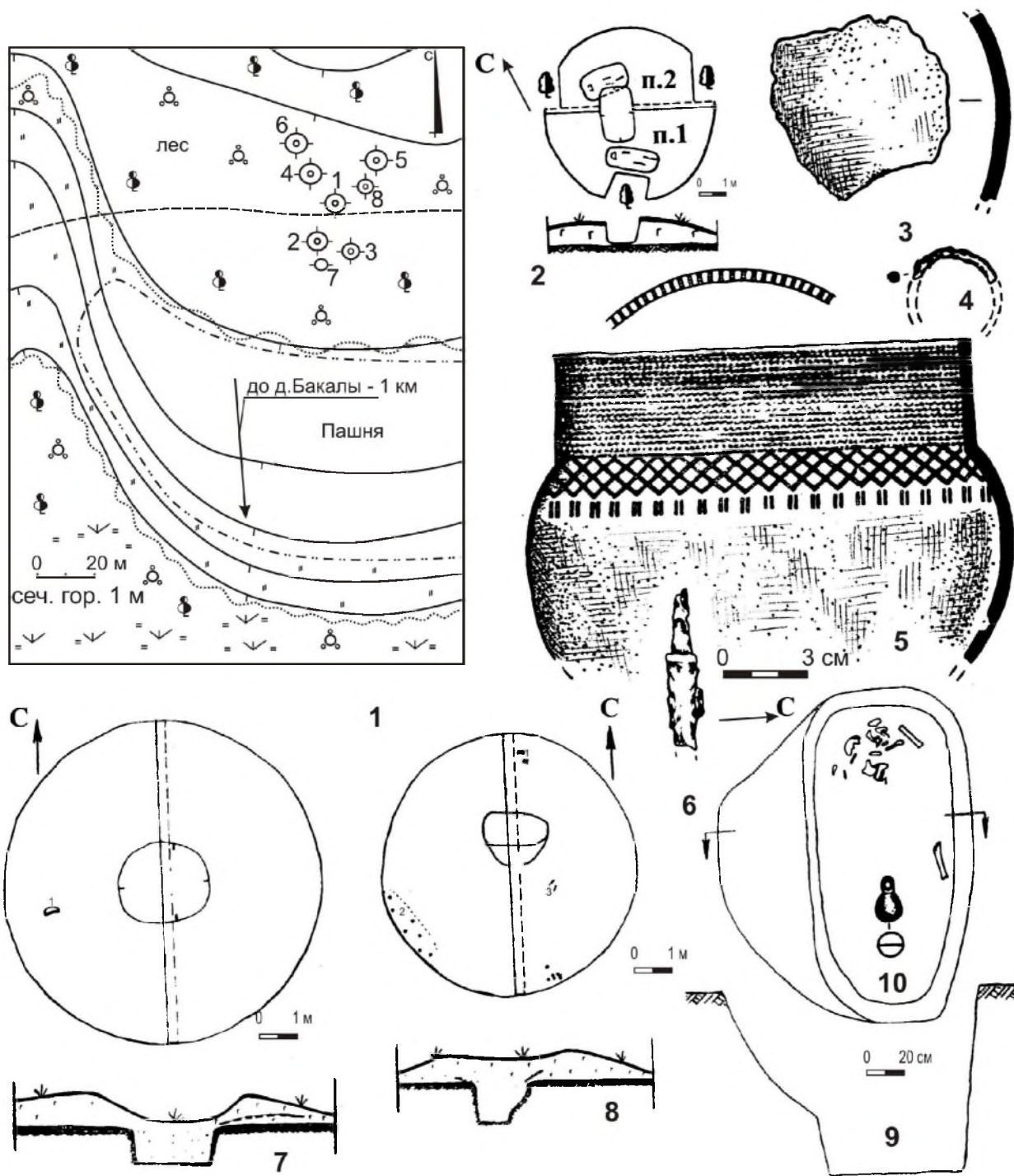

Рис. 1. Бакалинский курганный могильник:

- 1 – план могильника; 2 – план кургана № 1 (г – гумус); 3 – фрагмент керамики из погребения 2 кургана № 1;
 4 – обломок железной пряжки из погребения 1; 5 – реконструкция сосуда из насыпи кургана № 1;
 6 – обломок железного ножа из погребения 1 кургана № 1; 7 – план кургана № 4 (I – челюсть лошади, г – гумус);
 8 – план кургана № 2 (I – челюсти лошади, 2 – линза гумуса с углем, 3 – трубчатые кости лошади, г – гумус);
 9 – план могильной ямы кургана № 2 (I – бронзовая пуговица-бубенчик); 10 – бронзовая пуговица-бубенчик из погребения кургана № 2 (3, 5 – керамика; 4, 6 – железо; 10 – бронза)

ямах не противоречит нашему выводу, он лишь свидетельствует о том, что мусульманские каноны еще не полностью прижились, но их уже можно рассматривать как пережитки язычества.

Совместные захоронения людей под одной курганной насыпью обычно считаются семейными захо-

ронениями. В этой связи из общей картины «выбивается» погребение 4 (курган 5), в котором мальчик был захоронен по языческому обряду – лицо у него повернуто в левую сторону (к северу), его сопроводили заупокойными дарами, и, самое главное, на месте сердца у него обнаружен культовый набор с идолом

Параметры и характеристики сосудов Бакалинского могильника

Кург./погр.	Диаметр, см	Диаметр тулова, см	Высота, см	Цвет	Примеси к тесту	№ рис.
к. 1 насыпь	14	16,8	14,5	черный	раковина	рис. 1, 5
к. 1 п. 2	?	?	?	коричневый	тальк	рис. 1, 3
к. 3 насыпь	11	15,8	14,5	черный	раковина	рис. 2, 9
к. 3 погр.	7	11	10,5	черный	раковина	рис. 2, 11
к. 7	5	?	6,2	черный	раковина	рис. 6, 9
к. 8	?	?	?	коричневый	раковина	рис. 6, 7

(рис. 3, 14). Совместное захоронение родичей (язычников и мусульман) на территории одного некрополя в средневековье было в порядке вещей (напр., Кушувский могильник в низовьях р. Белая или Усть-Кишерть в Пермской области) [Пастушенко, 2006. С. 54]. Понятно, что утверждение новых верований на Южном Урале проходило сложно и заняло длительный промежуток времени. Рассматриваемые нами материалы, с одной стороны, иллюстрируют противоречивость и постепенность внедрения мировой религии в этническую среду предков башкир, с другой – свидетельствуют о довольно ранней дате проникновения ислама в южно-уральский регион. Как видим, уже в X-XI вв. в лесостепном Предуралье встречаются раннемусульманские захоронения.

Умерших хоронили в одежде, с украшениями, вещами хозяйственного и культового назначения, а также с предметами снаряжения всадника. Обращает на себя внимание полное отсутствие в могильнике предметов вооружения, но строить на этом факте какие-либо заключения преждевременно, поскольку в Бакалах выявлено только одно мужское захоронение (рис. 3, 16).

Сосуды или их фрагменты отмечены в трех погребениях (33,3%) женщин и девочек, они размещались у головы покойных. В одном погребении (к. 1 п. 2) обломки сосуда обнаружены в засыпи ограбленной могильной ямы. Все сосуды лепные, круглодонные, тонкостенные, неровного кострового обжига.

В качестве обезжиривающей примеси в глиняное тесто примешивали мелкоотделенную раковину, добавки талька отмечены лишь в одном сосуде (к. 1 п. 2). Форма сосудов единообразная – шаровидное тулово переходило в цилиндрический венчик. Верхний срез венчика мог быть прямым (рис. 1, 5), закругленным (рис. 2, 9), но чаще он был скошен внутрь сосуда (рис. 2, 11; 5, 9). Типичной чертой посуды гребенчато-шнурового типа домонгольского времени является нанесение на срез венчика насечек или вдавлений мелкозубчатого штампа (рис. 1, 5; 2, 9, 11; 6, 9). Помимо среза венчика, орнамент наносился еще в двух зонах – по венчику и на плечиках. По венчику проходили горизонтальные пояски из отгисков веревочки, а плечики украшались отрезками, зигзагами и перевернутыми елочками из вдавлений мелкозубчатого штампа.

Сосуды различались размерами и профилировкой. Высокий венчик отмечен в кургане № 1 (рис. 1, 5). Подобные сосуды типичны для Карана-

евского могильника в Башкирском Предуралье. Приземистые горшки с укороченными венчиками, с блоковидным профилем, широко встречаются на памятниках домонгольского времени. Маленький сосуд из кургана № 7 (рис. 6, 9) очень близок горшку из Подгорского I могильника (п. 1) в Самарской области [Лифанов, Седова, 2003. Рис. 5, 7]. Подгорский I могильник – типичный памятник мрясимовского (или постпетрогромского) типа, в нем также фиксируется влияние мусульманских канонов в обрядности (п. 2). Но сосуд в захоронении 1 располагался здесь не традиционно – в ногах покойного.

Женские украшения представлены простым проволочным браслетом (1 погр. – 8,3%), накладками разных видов (3 погр. – 25%) и бусами (5 погр. – 42%). Полихромные бусы имели самые различные расцветки и формы (рис. 7). Они сделаны из стекла и пасты, и лишь одна граненая бусина (к. 3: рис. 7, 3) изготовлена из сердолика. Бусины не только входили в состав ожерелий (к. 7; к. 5 п. 1), их также нашивали на одежду, пояса (к. 3) и даже сапоги (к. 3).

В могилах выявлена серия бронзовых бубенчиков (5 погр. – 42%), но только часть из них можно отнести к разряду украшений, а другие использовались как пуговицы. Все бубенчики могут быть разделены на три типа.

1. В виде гладкого шарика с ушком (к. 2 и 3: рис. 7, 26). В одном случае, снизу бубенчика были нанесены декоративные насечки (рис. 1, 10).

2. Небольшие граненые, с петелькой (из двух полых створок; к. 3; к. 7; к. 5 п. 4). Предметы данного типа преобладали в Бакалинском некрополе (рис. 2, 4, 7, 13; 3, 3, 4; 6, 4, 10; 7, 30).

Два первых типа мы считаем пуговицами, но при случае они использовались и как подвески.

3. Крупные грушевидные граненые бубенчики (к. 5 п. 1; к. 7) нашивались на одежду как колокольчики (рис. 7, 27, 28, 29).

Находки бусин и бубенчиков возле черепа (к. 1 п. 1; к. 3; к. 5 п. 2) позволяют говорить о том, что покойные хоронились с т.н. «лицевыми покрытиями», на которые были нашиты одна, две или три бусины (к. 1 п. 1; к. 3; к. 5 п. 2), иногда вместе с бубенчиками (к. 5 п. 1). Данные «украшения» выполняли функцию металлических наглазников, они крепились на месте глаз и рта и фактически являлись языческими оберегами. Наша мысль подтверждается обнаружением литой бронзовой (поясной) накладки под черепом мужчины (к. 5 п. 3: рис. 3, 18), которая мог-

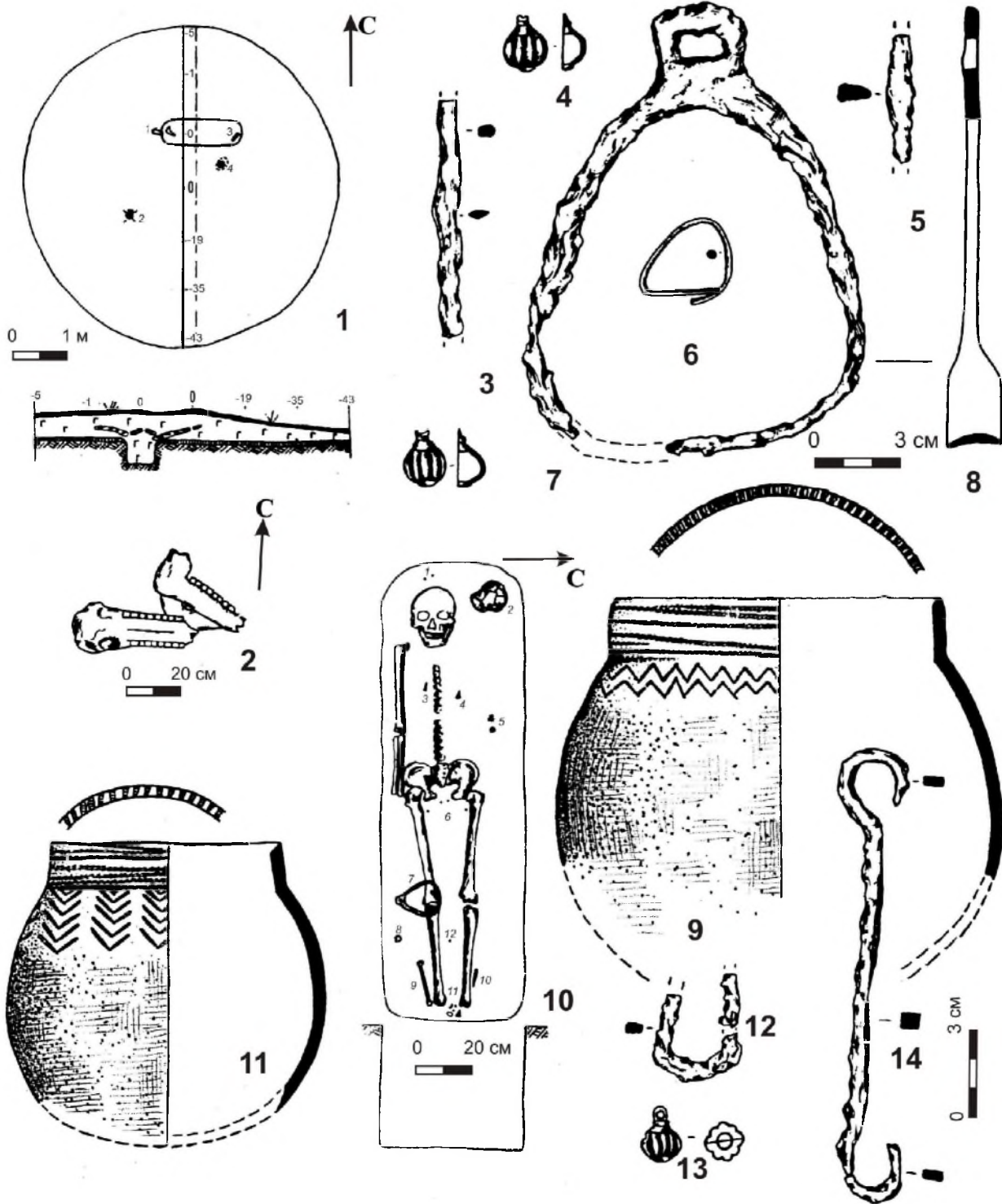

Рис. 2. Бакалинский курганный могильник. Курган № 3:

1 – план кургана № 3 (1 – череп лошади, 2 – развал сосуда, 3 – трубчатая кость лошади, 4 – скопление угля, г – гумус);
 2 – положение черепа лошади в насыпи кургана № 3; 3, 5 – обломки ножей из погребения; 4, 7, 13 – подвески-бубенчики; 6 – браслет из проволоки; 8 – стреля; 9 – сосуд из насыпи кургана; 10 – план погребения кургана № 3 (1 – две бусины, 2 – сосуд, 3 – бусина, 4 – бронзовая подвеска, 5 – два бронзовых бубенчика, 6 – восемь бусин, 7 – стреля, 8 – железная пряжка, 9 – удила, 10 – нож, 11 – две бусины, бронзовая подвеска, серебряный браслет, 12 – бусина); 11 – сосуд из погребения кургана № 3; 12 – подпружная пряжка; 13 – бронзовая подвеска; 14 – удила (3, 5, 8, 12, 14 – железо; 4, 7, 13 – бронза; 6 – серебро; 9, 11 – керамика)

ла использоваться в качестве накладки на лицевом покрытии.

Однолезвийные ножи с черешком были самым обычным предметом из категории хозяйственных

вещей (4 погр. – 33,3%: рис. 1, 6; 2, 3, 5; 3, 20; 6, 6). Ножи использовались взрослыми, но их клали в могилу даже детям (к. 7). Женщинам ножи размещали с левой стороны, у пояса (к. 1 п. 1; к. 3). Почему сле-

ва? Это же неудобное место для их ношения. Все дело в специфике угорской похоронной обрядности. Венгерские исследователи И. Диенеш и Д. Ласло подчеркивали факт зеркального размещения вещей в могильниках Паннонии [Эрдели, 1972. С. 131]. Видимо, в Бакалах мы наблюдаем аналогичную картину. В мужском захоронении (к. 5 п. 3) нож лежал поверх правой голени (был засунут за голенище сапога?). У всех найденных ножей был сломан кончик лезвия. По всей видимости, здесь мы имеем дело с обычаем ритуальной порчи вещи при захоронении, как это до сих пор принято у угорских и самодийских народов Сибири. В Башкортостане, как и у венгров периода «обретения родины», орудия труда в могилы помещали редко. В Венгрии этот факт связывают с представлениями угров о загробном мире, где душе умершего не нужно будет трудиться, ей достаточно было нарядных одеяний и украшений [Балинт, 1988. С. 120].

Весь набор заупокойного инвентаря и отдельные элементы специфики похоронного ритуала неопровержимо свидетельствуют о том, что Бакалинский некрополь оставлен подвижными скотоводами – лесостепными полукочевниками-коневодами. В этой связи, особо хочется обратить внимание на традицию размещения бедренной кости лошади рядом с человеком (4 погр. – 33,3%). Кости левого бедра коня всегда лежали у южной стенки, справа от человека. Благодаря остеологическим определениям П.А. Косинцева, у нас появилась возможность рассмотреть вопрос о назначении конских костей в похоронной обрядности полукочевников лесостепной зоны Южного Урала.

Кости лошади помещались в насыпях курганов (бедренные кости и нижние челюсти) и внутри могил (бедренные кости). Исключительная роль жертвоприношений коней в погребальной обрядности населения степной и лесостепной зоны Евразии хорошо известна. Мясо жертвенного животного съедалось участниками тризны, а шкура лошади вывешивалась рядом с могилой на дереве или на шестах (кыпчаки, кыргызы, монголы). В могильную яму шкуру лошади (череп, четыре ноги, иногда – хвост) помещали печенег, огузы, кыпчаки, мадьяры и другие представители народов с подвижными формами скотоводства. В нашем случае, лишь находки лошадиных челюстей и трубчатые кости из насыпей можно отнести к остаткам коллективной поминальной трапезы. Голова съедалась родственниками в ходе тризны (она всегда считалась деликатесной частью туши) или вывешивалась на дереве в качестве оберега (череп коня башкиры вывешивают на деревьях до сих пор).

Иное назначение имели части лошадиного остова в могильной яме. Обращаем внимание на то, что рядом с человеком постоянно размещали только **левое бедро коня**. Отметим, что и в погребениях Больше-Тиганского могильника (Татарстан) встречались кости именно левой ноги лошади [Петренко, 1981. С. 88-90]. Эта деталь может считаться обрядовой чертой приуральского населения эпохи средневековья. Как известно, у кочевников каждое пле-

мя обязательно имело собственную тамгу, онгон, уран (боевой клич) и определенную часть жертвенного животного (Рашид-ад-дин, и др.). Абу-л-Гази писал о традициях туркмен: «По левую сторону в первой палатке посадили Байындыра (племя байандур – Г.Г.), старшего сына Кок-хана; [ему] дали левое бедро; Бечене (племя печенегов – Г.Г.) резал его; Казыкурт держал лошадей» [Кононов, 1958. С. 51-52]. По всей видимости, в Бакалинских погребениях мы наблюдаем проявление аналогичной сакральной традиции, правда, уже в отживающей (перезжиточной) форме.

Еще одним показателем значительной роли коня в жизни полукочевников Южного Урала и в их похоронных ритуалах, является использование т.н. «кочевнических аксессуаров». Набор предметов конского снаряжения включал три вещи – удила, стремя и подпружную пряжку (курганы 3 и 7). В кургане № 5 (п. 2) подпружная пряжка отсутствовала, но в качестве третьего предмета (к стремени и удилам) здесь было расстелено наборное конское оголовье. В двух случаях (к. 5 п. 3 и п. 4), в погребениях мужчины и мальчика обнаружены лишь стремя и удила. Части конской упряжи обнаружены в захоронениях взрослых (к. 3 – женщина, к. 5 п. 3 – мужчина) и детей (к. 5 п. 2 и п. 4 – у мальчиков, к. 7 – у девочки). Стремена (всегда одно) и подпружные пряжки лежали в ногах: из пяти случаев в двух – возле левой ноги (это были захоронения мужчины и мальчика); и еще в трех могилах (женщина, мальчик и девочка) – рядом с правой ногой. Удила, как правило, сопутствовали стремени и подпружным пряжкам (т.е. лежали в ногах), и лишь в одном захоронении мальчика (к. 5 п. 4), они обнаружены возле головы. Позднее рассматриваемого нами времени, с XIII в., кости лошади, также, как и основные кочевнические аксессуары (оголовья, уздечки, удила, стремяна), в могилах встречаются все реже, пока, наконец, совсем не исчезают.

В Бакалинском могильнике выявлены стремяна (5 погр. – 42%) двух типов – восьмерковидные (рис. 4, 4) и яйцевидного контура, с выделенной петлей для путлища (рис. 2, 8). Преобладают стремяна второго типа. Удила обнаружены в пяти погребениях (42%), в четырех случаях в ногах, и лишь однажды (к. 5 п. 4) – в головах покойного, отдельно от стремени. Все удила имеют кольца и относятся к трем типам: без перегиба (рис. 2, 14); двусоставные с перегибом и небольшими кольцами (рис. 3, 5); двусоставные с перегибом и с большими кольцами (рис. 6, 2). Преобладали стержневые удила без перегиба. Подпружные пряжки (3 погр. – 25%) с подвижными язычками имели арочный или прямоугольный контур (рис. 2, 12; 6, 3).

К категории конского снаряжения относится также наборная уздечка из погребения 2 кургана № 5. Поскольку накладки оголовья при расчистке были детально нанесены на план (рис. 5, 1) и сохранились большие куски кожаной основы, реконструировать уздечку не составило особого труда (рис. 5, 2, 4). Следует отметить, что находки конских оголовий в погребениях Южного Урала на рубеже I и II тыс.

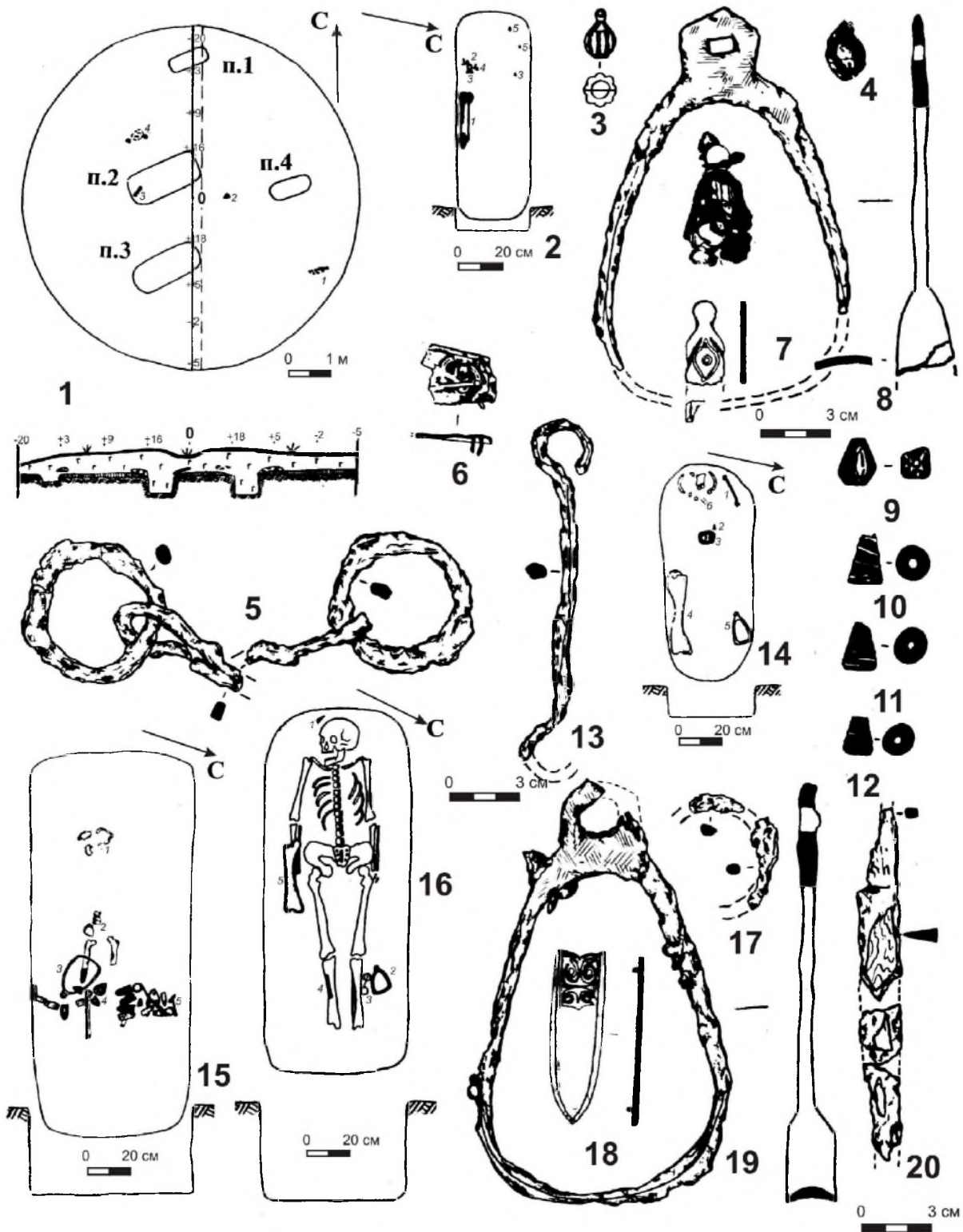

Рис. 3. Бакалинский курганный могильник. Курган № 5: 1 – план кургана (1 – челюсть лошади, 2 – железная пластинка, 3 – трубчатая кость лошади, 4 – зольник, г – гумус); 2 – план погребения 1 (1 – трубчатая кость лошади, 2 – зубы ребенка, 3 – четыре бусины, 4 – серебряная накладка, 5 – две половинки бронзового бубенчика); 3 – бубенчик из погребения 4; 4 – бронзовый бубенчик с остатками ткани и кожи из погребения 4; 5 – удила из погребения 3; 6 – подвеска из погребения 1; 7 – деревянный идол и бронзовая накладка из погребения 4; 8 – стремя из погребения 4; 9-12 – бусины из погребения 1; 13 – удила из погребения 4; 14 – план погребения 4 (1 – удила, 2 – бронзовый бубенчик, 3 – железная пластинка с остатками кожи, ткани, в которые были завернуты деревянный идол и бронзовый бубенчик, 4 – плечевая кость лошади, 5 – стремя); 15 – план погребения 2 (1 – темно-синяя бусина, 2 – железный предмет, 3 – стремя, 4 – конское оголовье с накладками из белой бронзы, 5 – удила); 16 – план погребения 3 (1 – бронзовая накладка, 2 – стремя, 3 – удила, 4 – нож, 5 – кость лошади); 17 – обломки железа от удил (?), из погребения 4; 18 – бронзовая накладка из погребения 3; 19 – стремя из погребения 3; 20 – обломки ножа из погребения 3 (3, 4, 18 – бронза, 6 – серебро; 7 – дерево, ткань, бронза, кожа; 5, 8, 13, 17, 19, 20 – железо; 9-12 – стеклянная паста)

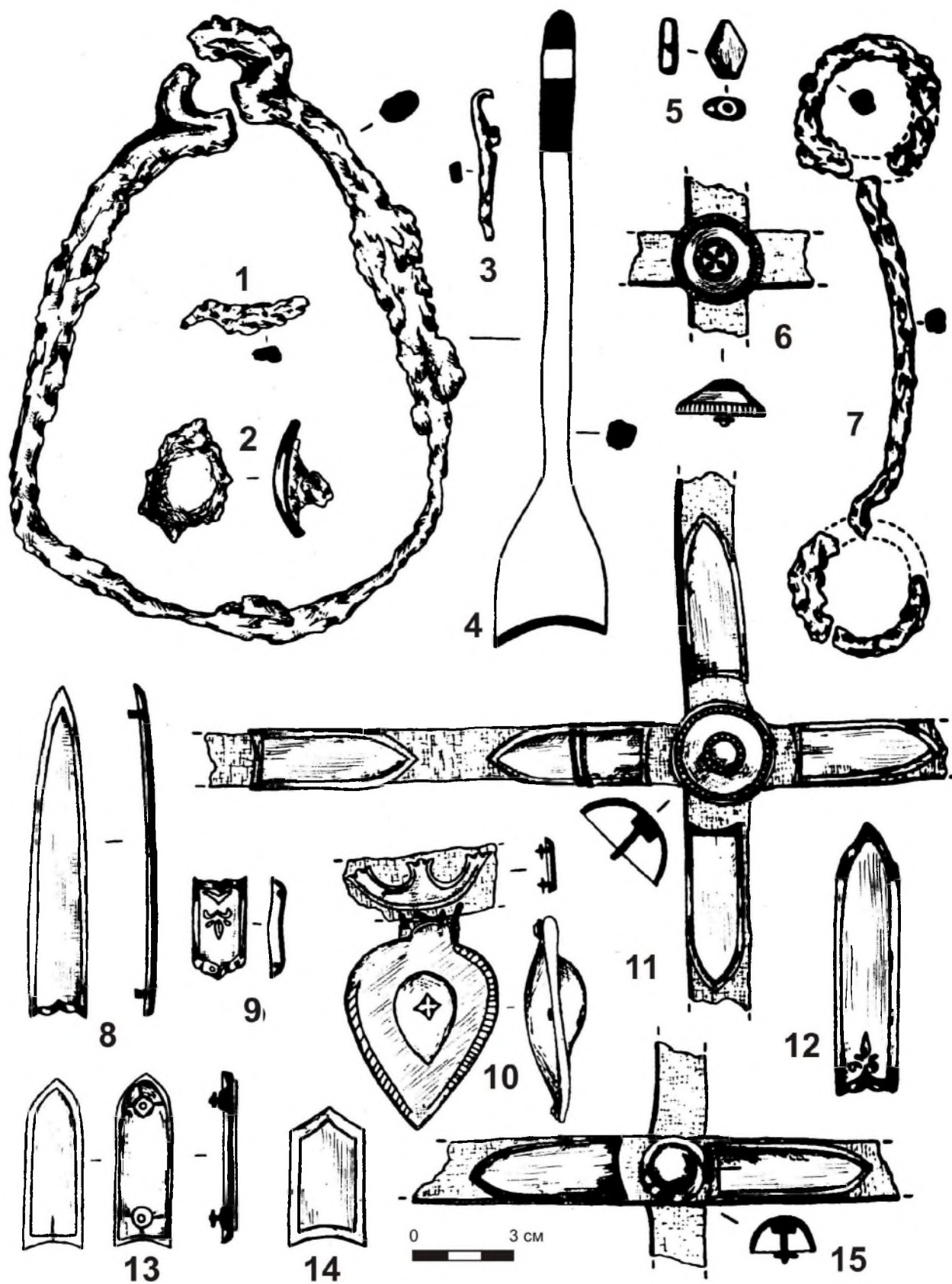

Рис. 4. Бакалинский курганный могильник. Курган № 5. Погребение 2:
 1-2 – обломки железа; 3 – язычок пряжки; 4 – стремя; 5 – бусина;
 6, 11, 15 – обрывки конского оголовья с накладками и бляхами из белой бронзы; 7 – удила;
 8, 13, 14 – накладки оголовья из белой бронзы; 9-12 – бронзовые накладки; 10 – решма
 =(1-4, 7 – железо; 5 – стеклянная паста; 6, 8, 10-11, 13-15 – белая бронза и кожа; 9, 12 – оловянистая бронза)

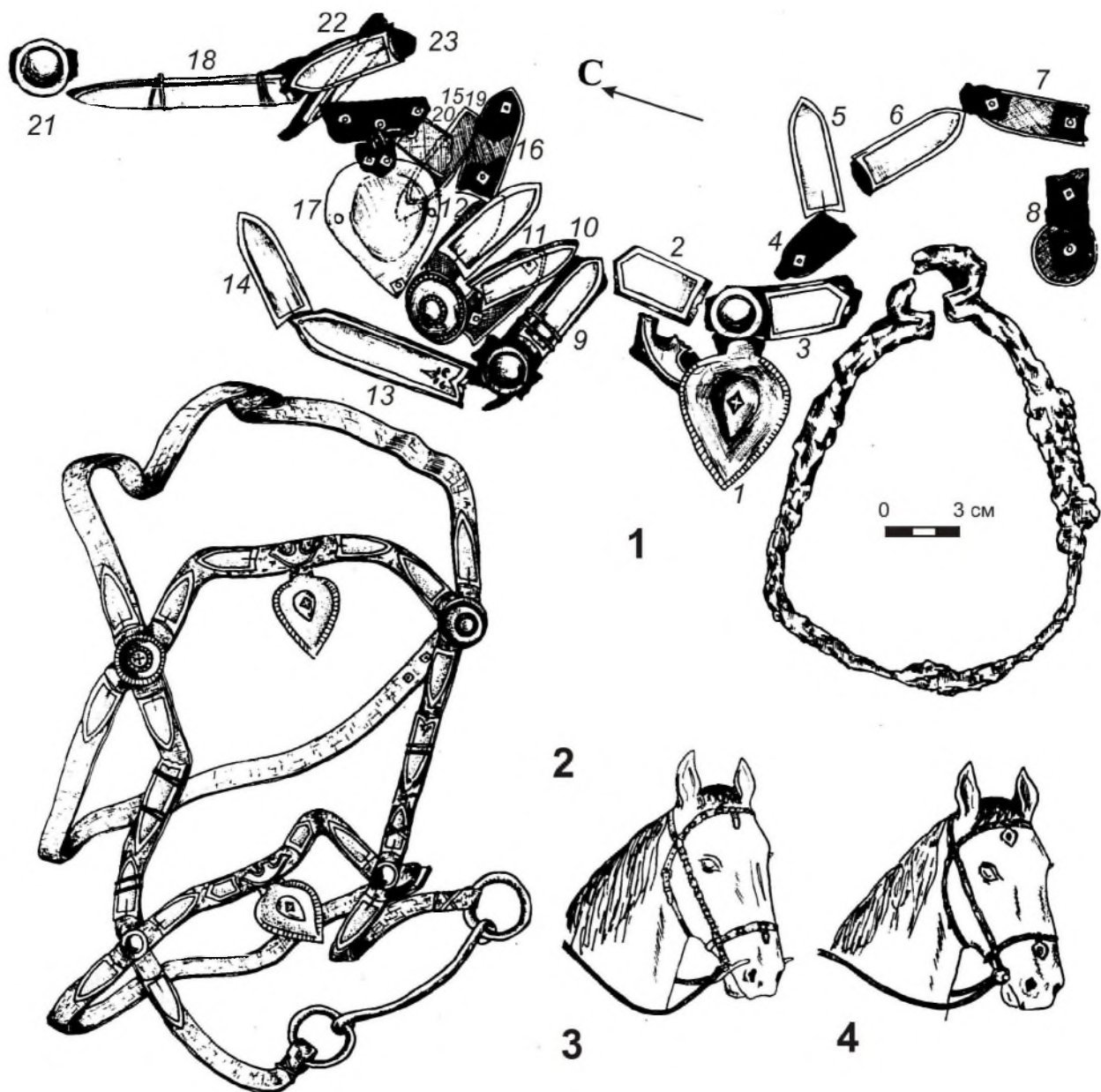

Рис. 5. Курган № 5. Конское оголовье из погребения 2:

- 1 – план размещения остатков оголовья в могильной яме; 2 – реконструкция конского оголовья;
 3 – реконструкция конского оголовья из погребения 2 кургана 2 Бекешевского II могильника;
 4 – реконструкция оголовья из Бакалинского могильника

н.э. – явление нередкое. Наборные уздечки отличаются лишь формами и количеством накладок, интересно другое – абсолютное большинство оголовий датируются VIII – началом IX века (Хусаиново, Бекешево, Большие Тиганы) и обнаружены в караякуповских захоронениях. В конце IX – XI веках оголовья продолжают использоваться в похоронном обряде (Чишмы, Каранаево, Муракаево, Бакалы) [Мажитов, 1981. С. 34-35, 42, 49, 56-60, 64-66, 107-112, 141-142; Казаков, 1978. С. 20-21; Пшеничнюк, 1984. С. 68], но уже реже. После XI в. находки наборных уздечек из захоронений нам не известны. Аналогии южноуральским оголовьям в целом, и накладкам в частности, можно обнаружить среди древностей степной полосы Евразии (огузские погребения) X-XI вв. [Кирпичников, 1973. Глава II]. После XI века

в степи оголовья также не встречаются [Гаврилина, 1993. С. 77-85].

Поясные наборы в Бакалах не найдены, лишь в кургане № 3 среди тазовых костей расчищено 7 стеклянных бусин (рис. 7, 6, 7, 12, 15) и одна сердоликовая (рис. 7, 3), которые, по нашему мнению, украшали пояс женщины. В кургане № 1 (погребение 1) от пояса сохранилась кольцевая железная пряжка (рис. 1, 4) и полушаровидная бронзовая бляшка (рис. 7, 2).

Самыми важными вещами для определения хронологической позиции могильника следует считать предметы конского снаряжения. Датировка стремян Бакалинского могильника укладывается в промежуток с VII по XI век. Так, восьмерковидные стремяна А.Н. Кирпичников (тип IV) относил VII-IX вв., но в

пережиточном виде они бытовали и в X-XI веках [Кирпичников, 1973. С. 48]. На Южном Урале они датируются VIII-XI вв. [Культура Биляра, 1985. С. 202; Мажитов, 1993. С. 119-140]. Стремена овального (яйцевидного) контура с выделенной петлей и полукруглой подножкой Г.А. Федоров-Давыдов (тип В1) относил к VIII-X вв. [Федоров-Давыдов, 1966. С. 14], А.Н. Кирпичников (тип 1) – к IX-XI векам [Кирпичников, 1973. С. 47]. Подобные стремяна типичны для погребений огузов и печенегов в степной полосе Восточной Европы [Кригер, 1993. С. 137-144; Плетнева, 1981. С. 214-215]. На Южном Урале время бытования этого типа стремян определяется в пределах IX-XI вв. [Мажитов, 1993; Иванов, 1993. С. 141-150].

Двусоставные кольчатые удила с перегибом, с небольшими и крупными кольцами узкой даты не дают, зато удила без перегиба со стержневым грызлом могут служить хронологическим определителем. Г.А. Федоров-Давыдов датирует их (тип В1) XII веком [1966. С. 115], но С.А. Плетнева уточняет их хронологию, указывая дату IX-XI вв. [Плетнева, 1990. С. 48-49]. Точка зрения С.А. Плетневой поддержана А.Н. Кирпичниковым [1973. С. 17-18]. Подобные удила в южноуральских комплексах Н.А. Мажитов датирует XI-XII вв. [Мажитов, 1977. Табл. I, 262; группа 16], В.А. Иванов – X-XI веками [Иванов, 1993. С. 141-150]. С нашей точки зрения, удила без перегиба датируются концом IX – XI вв, что подтверждается находками их в погребениях печенегов (Кара-Су, Азов, Алебастровая гора) [Гарустович, Иванов, 2001. Рис. 18]. Таким образом, Бакалинские курганы были возведены в X-XI вв. Хронология других вещей некрополя также подтверждает эту дату.

Этнокультурная принадлежность. Как уже говорилось выше, материалы Бакалинских курганов находят самые близкие аналогии в Каранаевском и Мрясимовском могильниках [Мажитов, 1977. С. 105-119, 147-157], с учетом того, что Каранаевские курганы возводились примерно в одно время с Бакалинскими, а Мрясимовский некрополь – позднее, в пределах столетия. По нашему мнению, хронологические и мелкие этнографические особенности Каранаево, Бакалов и Мрясимова не являются препятствием для объединения их в рамках единой общности носителей керамики гребенчато-шнурового типа. Вслед за Н.А. Мажитовым, мы называем эту группу *памятниками мрясимовского типа*. Представители данной этнокультурной группы занимали в начале II тысячелетия (в X-XII вв.) не только территорию лесостепного Предуралья, курганы данного типа известны также и в Зауралье (Смолино). Обряд захоронения всех «мрясимовских» памятников идентичен – это земляные насыпи, простые могильные ямы, западные ориентировки костяков, наличие традиции помещения в могилу одного стремени, сосуды в головах, плечевая кость лошади в яме, конские аксессуары – в ногах покойных, и т.д.

Особо хочется обратить внимание на однотипность специфической гребенчато-шнуровой керамики. В регионе также имеется серия грунтовых мо-

гильников (Подгорский I [Лифанов, Седова, 2003], Усть-Кишерть [Пастушенко, 2007. С. 162-184], Селянино Озеро, Пылаевский [Кутаков, Старков, 1997. С. 130-147]), очень близких рассматриваемому нами памятнику. Можно уверенно говорить о несомненной генетической связи «мрясимовцев» и носителей петрогромской археологической культуры, выделенной Е.П. Казаковым [1987. С. 25-26; Он же. 2007. С. 51-59]. Лишь наличие у мрясимовцев курганных насыпей над могилами мешает говорить об их полной идентичности населению постпетрогроста, для которых типичны грунтовые могилы. Угорская этническая принадлежность носителей гребенчато-шнуровой керамики подробно обоснована Е.П. Казаковым и признается большинством исследователей (за исключением Н.А. Мажитова). Не случайно, самые близкие аналогии элементам погребальной обрядности Бакалов мы обнаружили на памятниках угорских народов – приуральских и зауральских полукочевников средневековья (в том числе, в Танкеевском и Больше-Тиганском некрополях на территории современного Татарстана), в могильниках венгров периода «обретения родины» (конец IX-X вв.), среди зауральских древностей и в этнографическом материале современных обских угров. В начале II тысячелетия н.э. керамика, украшенная веревочкой и штампом, в лесостепной и таежной зоне Западной Сибири занимает огромную территорию, где в наше время проживают или проживали ханты и манси. Памятники юдинской культуры, молчановского, петрогромского и макушинского типов исследователи считают угорскими, конкретно – древностями предков хантов и манси [Могильников, 1987. С. 164-179]. Появление в I-II тыс. н.э. шнуровой керамики в Прикамье также связано с расселением угорских групп [Белафин и др., 2009], которые доживают здесь до XVI-XVII вв. (югра, сылвенские остяки и т.д.). Обряд захоронения лесостепного приуральского населения в эпоху средневековья, несомненно, близок ритуалам зауральских племен (Пылаево, Ликино, Мыс и др.).

Среди важнейших угорских этнодиагностирующих черт обрядности Бакалинского могильника мы выделим следующие:

- а) в погребения всегда помещали одно стремя;
- б) стремяна всегда лежали в ногах;
- в) стремяна всегда сопутствовали удилам;
- г) части туши коня (нижние челюсти и трубчатые кости) помещались в насыпях курганов (тризна);
- д) незначительная глубина могильный ям;
- е) рядом с человеком лежала кость *левой ноги* лошади;
- ж) у ножей ломались кончики (обряд «умерщвления» личных вещей покойного);
- з) зеркальное размещение орудий труда в могиле;
- и) культ серебра;
- к) круглодонная керамика гребенчато-шнурового типа;
- л) юго-западная ориентировка головы умершего;

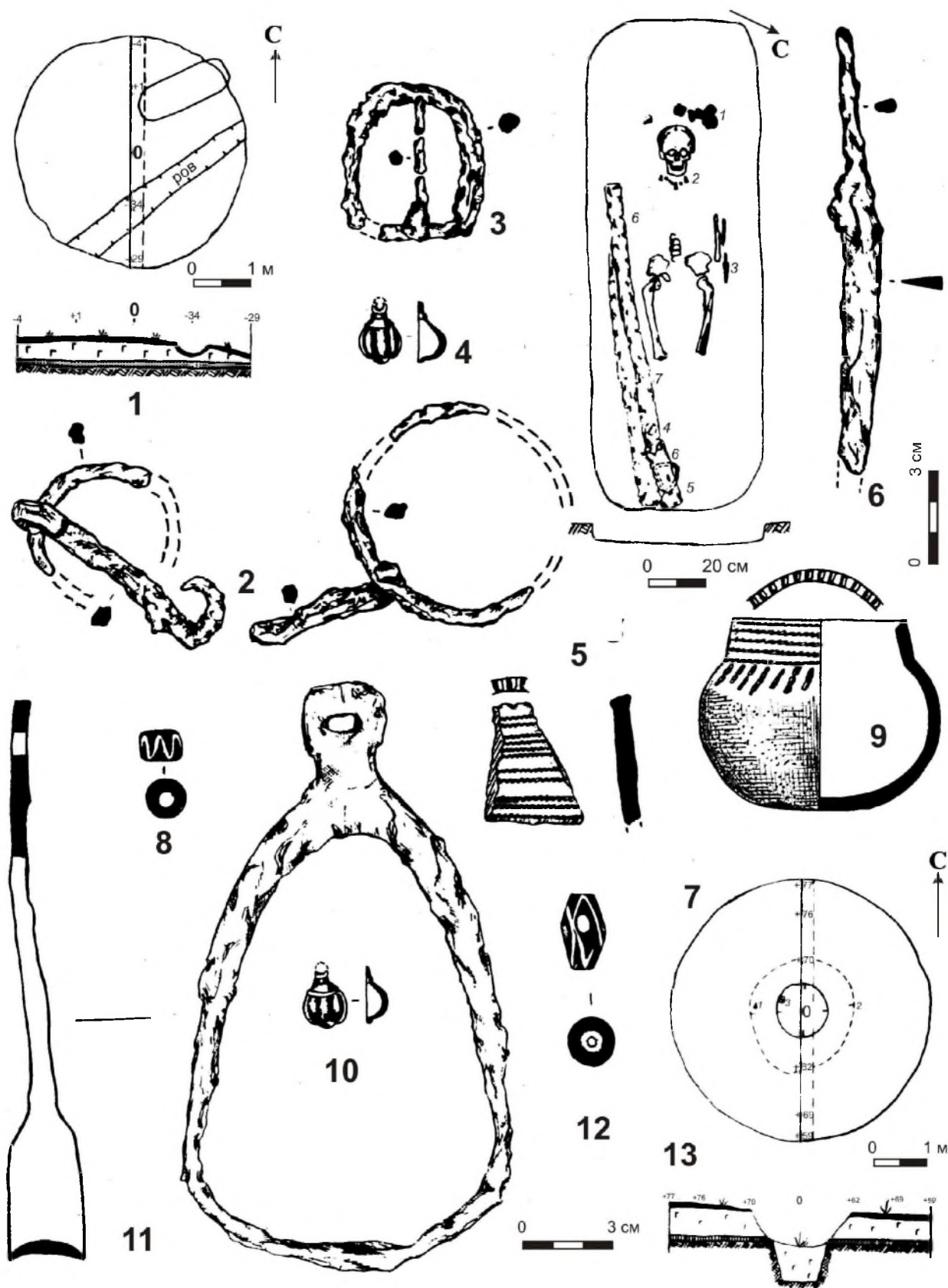

Рис. 6. Бакалинский курганный могильник. Курганы №№ 7 и 8:

1 – план кургана № 7 (г - гумус); 2 – удила; 3 – подпружная пряжка; 4, 10 – подвески бубенчики;
 5 – план погребения кургана № 7 (1 – развал сосуда, 2 – бусины и подвески, 3 – нож, 5 – стремя,
 6 – удила, 7 – обугленные плахи); 6 – нож; 8, 12 – бусины; 9 – сосуд; 11 – стремя;
 курган № 8: 13 – план кургана; 7 – фрагмент керамики из кургана № 8
 (2-3, 6, 11 – железо; 4, 10 – бронза; 8, 12 – стеклянная паста; 7, 9 – керамика)

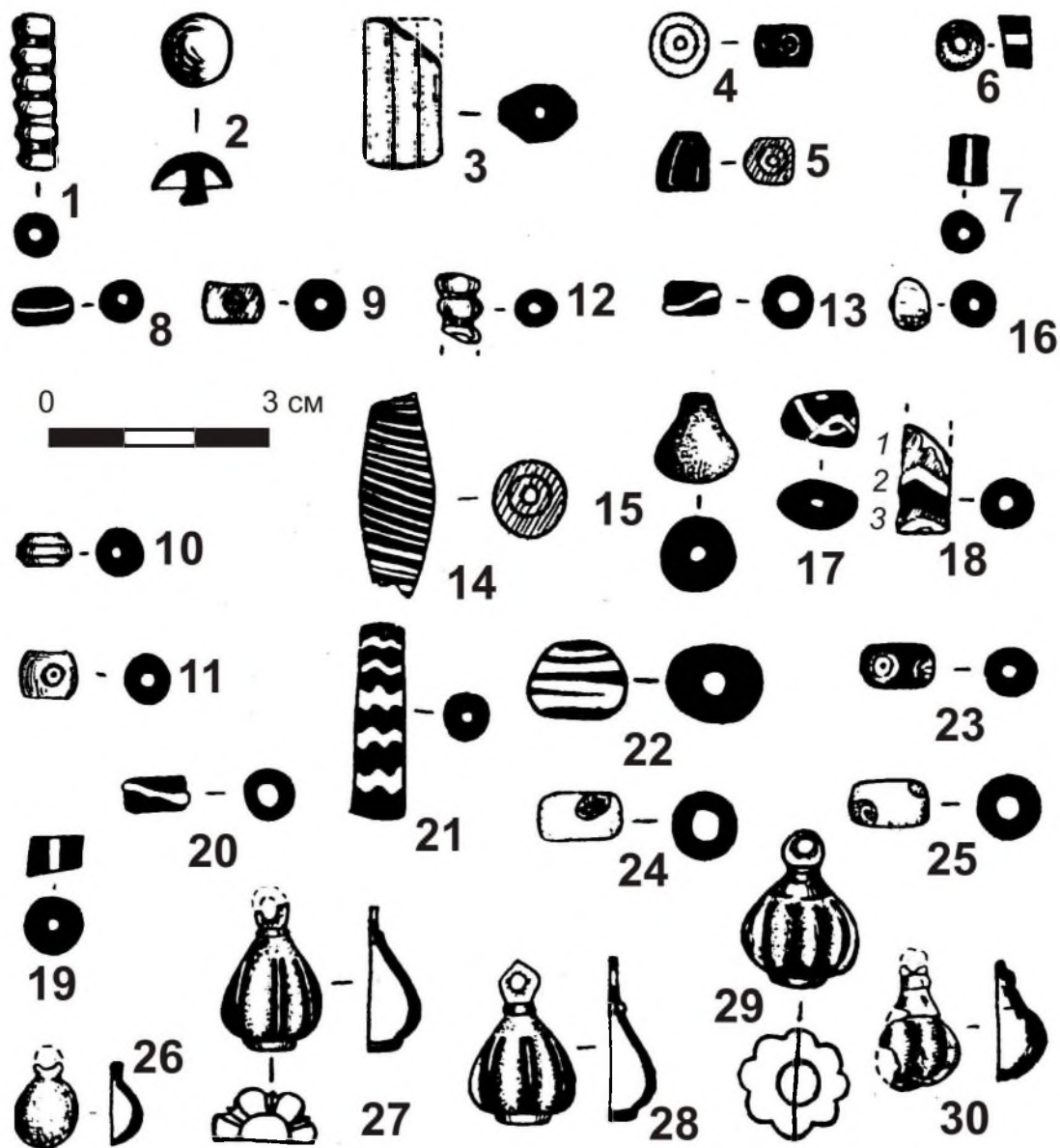

Рис. 7. Бусы и подвески из погребений Бакалинского могильника:
 1-2 – курган № 1 погребение 1; 3-5, 6-12, 15-16, 19, 26, 30 – курган № 3;
 13-14, 17-18, 20-25, 29 – курган № 7; 27-28 – курган № 5 погребение 1
 (1, 4-12, 15-16, 19 – стеклянная паста; 2, 26-30 – бронза; 3 – сердолик)

м) лицевые покрытия;
 н) огненные очистительные ритуалы (окуривание и т.д.).

Обо всех названных элементах обрядности, кроме культа серебра, говорилось выше. В кургане № 5 п. 1 среди стеклянных бусин ожерелья была найдена серебряная подвеска, изготовленная из поясной накладки. Она не входила в состав ожерелья и подвешивалась на веревочке отдельно, как амулет. Один конец накладки сломан и расплюсчен, веревочка продевалась через специально проделанное отверстие (рис. 3, б). Предмет входит в серию найденных в нашем регионе (среднеазиатских?) накладок со сложными фигурными орнаментами, в том числе с изображением «Древа жизни». В Бакалах, со временем, происходит превращение старого утилитарного предмета (поясной накладки) в вещь культовой зна-

чимости – амулет. В могильнике также найден браслет (рис. 2, б) из серебра.

Наборные украшения из белого металла от конского оголовья из Бакалов украшены бедно – лишь бордюричками по краям. Более сложные изображения имеются на разделительных бляхах и решмах (рис. 5, 1, 2). С нашей точки зрения, ценность накладке и оголовью добавляло то, что они сделаны из серебра (или его имитатора – биллона) – сакрального металла угорских народов. О наличии культа серебра у угров известно давно [Лукина, 1990. С. 10, 21]. Если не хватало настоящего культового металла, то его подменяли белыми суррогатами – «белой бронзой» (биллоном) и т.д.

Приведенную аргументацию об угорской принадлежности памятника дополним примером нескольких уникальных находок, размещавшихся в Бакалин-

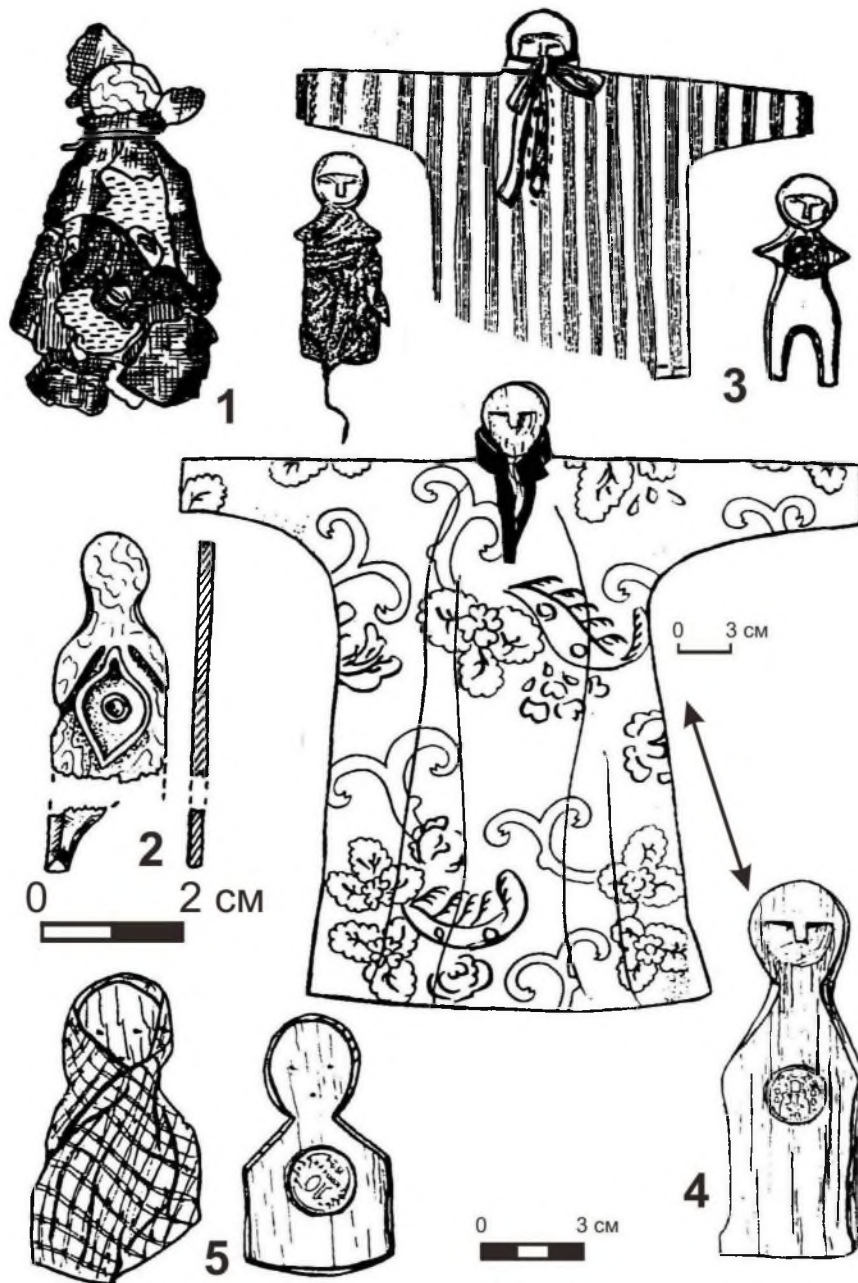

Рис. 8. Идол из погребения 4 кургана № 5 Бакалинского могильника:
 1 – деревянный идол в тканевых «покровах»; 2 – вид идола;
 3-5 – мансийские иттерма (по И.Н. Гемеву)

ском могильнике на месте сердца похороненного мальчика (к. 5 п. 4). Здесь в состав культового набора входили:

- 1) ребристый бронзовый бубенчик (рис. 3, 4);
- 2) под ним расчищена сильно коррозированная квадратная железная пластинка;
- 3) обрывки кожи от мешочка (?), фиксировавшиеся по обеим сторонам пластины;
- 4) поверх железа и кожи, рядом с бубенчиком, обнаружен *деревянный идол* (рис. 3, 7), выполнявший, по нашему мнению, магическую функцию оберега.

Идол вырезан из деревянной (березовой) пластинки толщиной 0,3 см и шириной 1,5 см. Нижняя часть дощечки истлела, сохранилась лишь одна нога

фигурки (рис. 8, 2). Голова идола имеет диаметр 1 см, на туловище изображены руки. На груди фигурки крепились оригинальная накладка, сделанная из бронзы в форме березового (?) листочка (рис. 8, 1). Размеры накладки 1,8×1 см. Длина сохранившейся части деревянной фигурки 3,55 см. Идол был завернут в несколько слоев различной ткани (светлая шелковая и бурая льняная?), матерчатые обертки прикрывали туловище антропоморфного изображения, свисая в виде балахона. Это своеобразное одеяние закреплено на шее фигурки тонким кожаным ремешком так, чтобы голова оставалась открытой.

Культовые бляхи на месте сердца размещали венгры (могильники Башхалом II, п. 10; Ноградко-

вежд, п. 3) периода обретения родины [Фодор, 1972. С. 174], а также обские угры [Чернецов, 1959. С. 144]. Деревянный идол с бронзовым листочком «на груди», завернутый в одежды из тканей, находит аналогии среди votивных предметов манси (рис. 8, 3-5). И.Н. Гемуев в своей работе [1990. С. 206-212 и др.] приводит большое число изображений мансийских *иттерма* и объясняет их «назначение» как изображение умерших, точнее – временное вместилище душ покойников, до их возвращения к жизни в облике одного из новорожденных родственников. Иттерма обязательно снабжалась серебряной монетой «вместо сердца» и обряжалась в платье (рис. 8, 4-5). Идол Бакалинского могильника, помимо удивительной идентичности в стилистике изображения с мансийским иттерма, имел «сердце» в виде листочка и «одеяния» в несколько слоев тканевых покровов. Для иттерма изготовлялась специальная коробочка из бересты (*сас-то-тан*); наш идол хранился в коробочке или мешочке из кожи и был помещен на груди покойного. Различия между современными мансийскими иттерма и идолом начала II тыс. н.э. фиксируются лишь в выборе места хранения. Иттерма не зарывались в землю, они хранились до момента «возрождения» души, а затем выбрасывались. Но это противоречие принципиальным не является, поскольку на протяжении столетий традиции в деталях значительно корректируются. Н.В. Лукина отмечала, что антропоморфные фигурки из дерева, реже – из металла и кости, относились к категории семейных (домашних) духов, их нужно было периодически задабривать жертвоприношениями [Лукина, 1990. С. 21].

Изображения умерших – это общеугорская традиция, у хантов используются идентичные вместилища душ, с той же идеей реинкарнации. Полные описания этого обряда можно встретить в любой работе, посвященной культуре предков или погребальным традициям угров [Чернецов, 1959. С. 138 и др.; Соколова, 1990. С. 58-72].

Теперь нам хотелось бы высказать свое мнение по поводу причин одновременного бытования у угорских племен Южного Урала в рассматриваемую эпоху (в X – начале XIII вв.) сразу двух видов захоронения: под курганами и в грунтовых могилах. В целом, проблема выявления причин постепенной замены курганного обряда захоронения грунтовыми погребениями у носителей чияликской культуры в Предуралье в XII – начале XIII веков еще не получила своего логического объяснения. По нашему мнению, это связано с несколькими политическими и социальными факторами. Картографирование захоронений Башкортостана XII – начала XIII вв. явно свидетельствует об их смещении к северу, за реку Белую. По всей видимости, этот факт явился следствием постоянной военной экспансии степняков-кыпчаков. В те столетия кыпчаки еще не стремились к расселению в лесостепной зоне, но подвергали ее грабежам регулярно. Избегая разграбления могил предков, местные полукочевники Предуралья вынуждены были их прятать от врагов. Так появляются скрытые грунтовые некрополи.

Кроме того, нельзя исключать культурное и идеологическое влияние на предков башкир их непосредственных соседей – болгар. Кладбища болгар уже в самом начале II тыс. н.э. были грунтовыми. Проникновение мусульманской религии в башкирскую этническую среду также способствовало отмиранию у них курганного способа захоронения. Наше обращение к научным отчетам Н.А. Мажитова позволяет сделать вывод о том, что на планах погребений и полевых фотографиях многих погребений Каранаевского и Мрясимовского могильников виден разворот лица покойных к югу, при юго-западной ориентировке головы умерших – это направление на кыблу (т.е. в сторону Мекки). В Каранаевских и Бакалинских курганах таких примеров мало (и их можно отнести к разряду случайных). Но в более позднем памятнике – Мрясимовском могильнике, такие примеры становятся преобладающими (а значит – закономерными). Мы считаем эти погребения раннемусульманскими (хотя в них еще встречается заупокойный инвентарь). Но утверждение исламской похоронной обрядности неизбежно вело к отказу от языческих пережитков, в том числе и курганных насыпей.

Посмотрим на некрополи приуральского населения, появившиеся в XII – начале XIII вв. в Сылвенском регионе современного Пермского края – могильники Селянино Озеро и Усть-Кишерть. В более раннюю эпоху подобные памятники здесь не известны, нет их и в золотоордынское время. В обоих названных некрополях уже фиксируются мусульманские захоронения [Пастушенко, 2006. С. 54]. Постепенно, по мере утверждения ислама, курганный обряд у чияликцев исчезает окончательно, сохраняясь в XIII-XIV вв. лишь как пережиток на отдельных кладбищах. Например, на Сынгрязновском раннемусульманском могильнике (Илишевский район Башкортостана) на р. Сюнь, помимо грунтовых захоронений имеется несколько подкурганных. Небольшие земляные насыпи здесь располагаются компактно, видимо являясь элитарным участком на племенном кладбище. Схожая картина отмечается на территории Куштирякского могильника (Бакалинский район Башкортостана) на р. Ик, где погребения были перекрыты земляными насыпями.

В завершении отметим, что свидетельства об угорских истоках уральского чияликского населения вовсе не противоречат нашим утверждениям о том, что мы рассматриваем здесь материалы предков башкирского народа. Выдающийся башкирский этнолог Р.Г. Кузеев на основе использования обширных научных данных убедительно доказал угорские истоки части современных башкирских племен (юрми, ельдяк, юрматы и др.) [Кузеев, 1974. С. 118-128, 316-331, и др.]. Археологические материалы служат подтверждением этого факта. В начале II тыс. н.э. процесс тюркизации угорских этнических групп еще не завершился, по этой причине мы называем представитель чияликской археологической культуры предками башкир. Подчеркивая при этом, что их потомки полностью вошли в состав башкирского народа в качестве важнейшего этнического компонента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балинт Ч. Археология эпохи обретения венграми родины // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988.

Белафин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Приуралья в древности и средние века. Уфа, 2009.

Гаврилина Л. Бляхи-решмы в украшении узды у кочевников Восточной Европы X-XI веков // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

Гарустович Г.Н. Бакалинский курганный могильник начала II тысячелетия н.э. в Башкортостане // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сб. науч. ст., посвящ. 75-летию доктора исторических наук Евгения Петровича Казакова. Казань, 2009.

Гарустович Г.Н. Начало II тысячелетия: эпоха перелома на пути от язычества к исламу // Феномен Евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа. Материалы Всеросс. науч. практ. конф. Уфа, 2009а.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа, 2001.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси. Дом и космос. Новосибирск, 1990.

Иванов В.А. Хронологические комплексы X-XI вв. на Южном Урале и в Приуралье // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978.

Казаков Е.П. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX-XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007.

Киртичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. Л., 1973.

Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази хана хивинского. М.-Л., 1958.

Кригер В.А. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.

Культура Биляра. М., 1985.

Кутаков Ю.М., Старков А.В. Пылаевский грунтовый могильник (предварительная публикация) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург, 1997.

Лифанов Н.А., Седова М.С. Средневековые угорские погребения на Самарской Луке // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.

Лукина Н.В. Предисловие // Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сказки и мифы народов Востока. М., 1990.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М., 1977.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала. М., 1981.

Мажитов Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII-XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.

Пастушенко И. Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // Finno-Ugrica. № 9. Казань, 2006.

Петренко А.Г. Остатки коня в погребениях Больше-Тиганского могильника // Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Плетнева С.А. Печенеги и гузы на нижнем Дону. М., 1990.

Пшеничнюк А.Х. Курганы средневековых кочевников на Южном Урале // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.

Соколова З.П. О культуре предков у хантов и манси // Мировоззрение у финноугорских народов. Новосибирск, 1990.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Фодор И. К вопросу о погребальном обряде древних венгров // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров / ТИЭ АН СССР. Новая серия. Т. 21. М., 1959.

Эрдели И. Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н.э. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

**МАТЕРИАЛЫ XVIII УРАЛЬСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ
(Уфа, Башгоспедуниверситет, 11-16 октября 2010 г.)¹**

**MATERIALS OF THE XVIII URALS ARCHAEOLOGICAL CONFERENCE
(Ufa, Bashkir State pedagogical university, October 11-16, 2010)**

**ВКЛЮЧЕНИЯ ОСМИЯ В ЗОЛОТЫХ ИЗДЕЛИЯХ ИЗ КУРГАНОВ
ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ КАК ИНДИКАТОРЫ ИСТОЧНИКОВ МЕТАЛЛА**

В.В. Зайков, А.М. Юминов, Е.В. Зайкова, В.А. Котляров,
А.Д. Таиров, Д.Г. Зданович, В.В. Ткачев

**ON OSMIUM INCLUSIONS IN GOLD JEWELLERY FROM THE MOUNDS
OF THE SOUTH TRANSURALS AS INDICATORS OF SOURCES OF METAL**

V. Zaykov, A. Yuminov, E. Zaykova, V. Kotlyarov,
A. Tairov, D. Zdanovich, V. Tkachev

В последние годы в золотых изделиях из археологических памятников Южного Урала выявлены включения осмия. Находки сосредоточены в двух группах курганов: западной, примыкающими к зоне Главного Уральского разлома [Зайков и др., 2009а; 2009б; Юминов и др., 2010] и восточной (курганы Кичигинский, Большой Климовский, Степной и Ушкаттынский). Последние концентрируются в зоне влияния Восточно-Уральского глубинного разлома в полосе протяженностью около 500 км на водоразделе Урал-Тобол. Цель сообщения – характеристика новых находок минералов осмия в восточной группе курганов и оценка возможного источника золота для производства в древности золотых изделий. Приведены данные о составе вмещающего золота и включений осмия, а также о возрасте курганов, полученные авторами раскопок (табл. 1). Выявленный минерал соответствует естественным сплавам осмия, иридия, рутения [Harris, Kabri, 1991].

Кичигинские курганы находятся на левом берегу Южноуральского водохранилища в 1,5 км к западу от села Кичигино. Они расположены цепочкой, вытянутой вдоль склона возвышенности. Диаметр их грунтовых насыпей колеблется от 14 до 35 м при высоте 0,1-1,5 м. В 2007 и 2008 годах исследованы наиболее крупные курганы № 3 и № 5 и при раскопках были обнаружены уникальные золотые изделия [Таиров и др., 2008]. Изученный материал представлен золотой фольгой, покрывающей брас-

лет и деревянный сосуд [Зайков и др., 2009в]. В фольге из двух курганов выявлены включения осмия овальной формы размером 7×18 и 20×50 мкм.

Степной курган № 7 находится вблизи одноименного села и изучался Д.Г. Здановичем в 2001 г. При раскопках кургана в захоронении № 19 была обнаружена желобчатая бронзовая подвеска в 2,5 оборота спиралевидной формы диаметром 0,7-1,5 см, покрытая золотой фольгой. Толщина фольги составляла 40-50 мкм. В фольге установлены включения осмия пластинчатой формы толщиной 5-10 мкм, разорванные на две части предположительно при ковке золотой фольги. Общая длина включений равна 30 мкм.

Большой Климовский курган находится в 3,5 км юго-западнее села Климовка (Чесминский район, Челябинской области). Курганная группа состоит из двух курганов – Большого и Малого [Таиров, 1987]. Земляная насыпь Большого кургана, имеющего диаметр 50 м и высоту 3,5-4 м, сильно прокалена, местами ошлакована. Под насыпью обнаружены многочисленные остатки сложной деревянной конструкции в виде обугленных и истлевших бревен, жердей и хвороста. Могильная яма полностью ограблена в древности. В ней обнаружены лишь отдельные кости животных, кусочек золотой фольги и фрагменты бронзового котла. В фольге выявлено включение осмия линзовидной формы длиной 10 мкм.

Ушкаттынский курган № 12 расположен в 9 км юго-восточнее пос. Домбаровский (Оренбург-

¹ В данном разделе публикуются статьи, не попавшие по техническим причинам в сборник материалов XVIII УАСа (XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: материалы XVIII Уральского археологического совещания. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. – 366 с.).

ская область) на левом берегу одноименной реки. Он входит в курганную группу из 22 насыпей. В погребении № 3 была обнаружена височная подвеска в полтора оборота желобчатой формы, орнаментированная в технике чеканки. При изучении металла под микроскопом в нем были выявлены два включения осмия треугольной формы, размером 8×10 мкм.

Источники металла. Оценим вероятные источники золота, из которых были выполнены изделия, обнаруженные в восточной группе курганов. Судя по морфологии включений осмия – окатанности и расщепленности на пластинки, разнородному составу, они были добыты в россыпях. Все изученные зерна осмия резко отличаются по составу, как и вмещающее золото (табл. 1). Вероятным источником металла являлись золотые россыпи, приуроченные к Восточно-Уральскому разлому. Эта тектоническая структура вмещает тела золотоносных гипербазитов с осмиевой минерализацией. Для более точного определения мест добычи золота, из которого выполнены изделия, потребуется сравнение состава осмия из уральских россыпей и золотых украшений во всех пунктах находок этого редкого минерала.

Исследования выполнены при поддержке междисциплинарного проекта УрО РАН 09-М-457-2001.

Авторы благодарят за содействие в исследованиях Е.В. Белогуб и Е.И. Чурина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зайков В.В., Котляров В.А., Зайкова Е.В. Включения осмия в золотом изделии из Филипповского кургана (Южное Приуралье) // Уральский минералогический сборник. № 16. Миасс – Екатеринбург, 2009а.

Зайков В.В., Султанова А.Н., Сунгатов Ф.А., Зайкова Е.В. Состав золота с включениями осмия из ювелирной мастерской городища Уфа-П // Минералы и минералообразование в природных и техногенных процессах. Уфа, 2009б.

Зайков В.В., Таиров А.Д., Котляров В.А., Зайкова Е.В. Включения осмия в золотых изделиях из Кичигинских курганов (Южный Урал) // Минералы и минералообразование в природных и техногенных процессах. Уфа, 2009в.

Таиров А.Д. Большой Климовский курган // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. ТД областной науч. конф. по разделам: Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. Омск, 1987.

Таиров А.Д., Боталов С.Г., Плешанов М.Л. Исследование курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008.

Юминов А.М., Зайков В.В., Сиротин С.В., Хворов П.В., Котляров В.А. Состав золотых изделий из материалов погребений курганных могильников Переволочан-І, Переволочан-ІІ и одиночного кургана Яковлевка-ІІ // Уральский минералогический сборник. № 17. Миасс – Екатеринбург, 2010.

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БАКАЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Т.Н. Рафикова

HIGHLIGHTS IN STUDYING THE MATERIAL CULTURE OF THE BAKAL POPULATION

T. Rafikova

История изучения бакальской культуры включает несколько этапов. Первый (XVII – сер. XX вв.) характеризуется накоплением данных по средневековым памятникам лесного и лесостепного Зауралья. На протяжении второго этапа (50-80-е гг. XX в.) кардинальным образом менялись взгляды на хронологию культуры, ставился вопрос о культурной самостоятельности средневековых объектов Зауралья [Сальников, 1956. С. 211-214; Викторова и др., 1964. С. 191-197; Овчинникова, 1987. С. 133-143 и др.]. В конце 80-х гг. XX в. средневековой культуре лесостепного Зауралья было возвращено название «бакальская» [Могильников, 1987. С. 179-183]. Период с 1990-х гг. и до настоящего времени относится к третьему этапу истории изучения бакальской культуры. Значительными площадями проводятся раскопки Коловского, Красноярского, Большого Бакальского, Царева, Усть-Утякского, Усть-Терсюкского городищ, Козловско-

го и Устюгского-І могильников. Вновь разгорается дискуссия по проблемам хронологической позиции, культурной и этнической принадлежности средневековых памятников лесостепного Зауралья [Овчинникова, 1993. С. 160-162; Викторова, Морозов, 1993. С. 178-180; Потемкина, Матвеева, 1997. С. 39-50; Морозов, 2003. С. 166-167; Викторова, 2008. С. 85; Маслюженко, 2003. С. 124-128; Данченко, 2008. С. 49-55; Матвеева и др., 2008. С. 156-179; Матвеева и др., 2009. С. 140-151; Боталов и др., 2008. С. 6-45 и др.]. В настоящее время, назрела необходимость комплексного анализа материальной культуры и хозяйственной деятельности бакальского населения.

На сегодняшний день известно 78 памятников бакальской культуры (рис. 1), они представлены городищами, неукрепленными поселками, могильниками и ритуальными комплексами. Городища расположены на мысах (подтреугольной или подпрямоу-

гольной формы) или террасах. Мысовые городища укреплены одной – тремя незамкнутыми линиями вал-ров, террасные обнесены замкнуто-кольцевыми или подковообразными фортификациями. В количественном отношении первые преобладают.

Фортификационные линии изучены на шести бакальских городищах. Одним из опорных памятников для реконструкции защитных сооружений является Коловское городище, первая защитная линия которого исследована на две трети. Внутривальная конструкция представляла из себя тарасы: состояла из двух параллельных стен, соединенных поперечина-

ми и заполненная ветками, листьями, строительным мусором и культурным слоем с городища [Матвеева и др., 2008. С. 160]. Аналогичное устройство фортификаций отмечено на Красногорском [Матвеева, 1997. С. 247-249] и Большом Бакальском городищах. Устройство въезда изучено на Усть-Терсюкском-1 городище. Несколько уровней жердей, уложенных друг на друга и перпендикулярно длине оси вала свидетельствуют, что проезд был облицован горизонтально уложенными жердями диаметром до 14 см. Ворота были сооружены из досок шириной 14 см и толщиной 2-3 см.

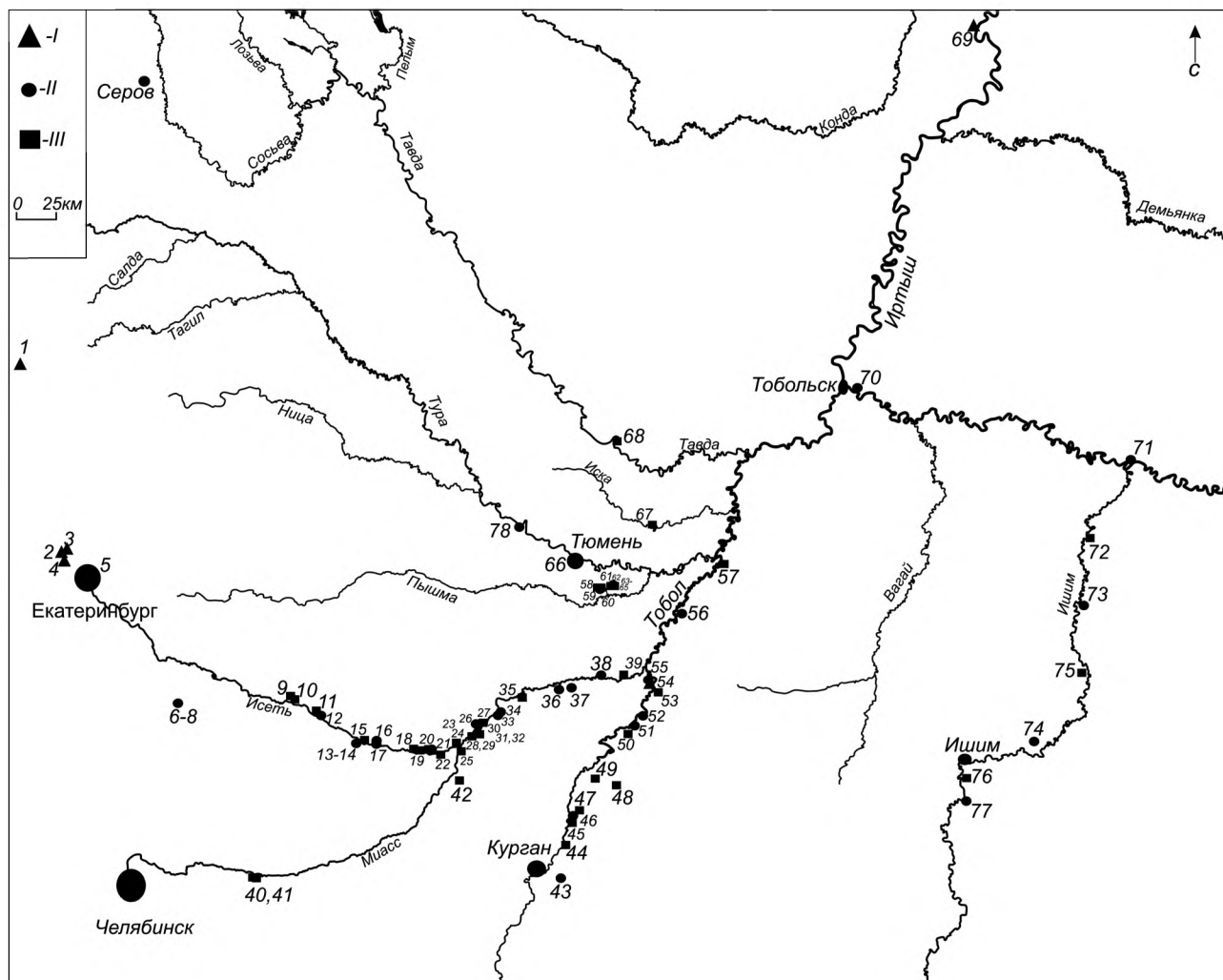

Рис. 1. Карта расположения памятников бакальской культуры:

- I* – ритуальные комплексы и могильники; *II* – городища; *III* – поселения. 1 – Голый Камень; 2 – Петрогром; 3 – Вершина V; 4 – Чертово городище; 5 – Шарташские каменные палатки; 6 – Зотинское I; 7 – Зотинское III; 8 – Зотинское IV; 9 – Гусиное IV; 10 – Верхний Яр IV; 11 – Нижнеярское III; 12 – Суварышское; 13 – Б. Мыльниковское; 14 – М. Мыльниковское; 15 – Тюриковское; 16 – Полевское; 17 – Б.Бакальское; 18 – Ильинское; 19 – Кокоринская I; 20 – Прыговское III; 21 – Прыговское; 22 – Нечунаево II; 23 – Бабарыкина I; 24 – Бабарыкина II; 25 – Ваденниково III; 26 – Павлиново; 27 – Коршуново I; 28 – Мурзинское I; 29 – Мурзинское II; 30 – Папское; 31 – Мурзинское; 32 – Грачево-1; 33 – Барино-3; 34 – Усть-Терсюкское-1; 35 – Бархатово IV; 36 – Красногорское; 37 – Коловское; 39 – Яр VIII; 40 – Кузнецово I; 41 – Кузнецово III; 42 – поселение 2 у п. Дачного; 43 – Усть-Утякское; 44 – Борки-1; 45 – Нижне-Тобольное-1 (Савин-2); 46 – Боровое-2; 47 – Боровое; 48 – Суерь 1; 49 – Гладуново 3; 50 – Поспелово-2; 51 – Скородумское; 52 – Упоровское; 53 – Дачное-2; 54 – Устюг-1; 55 – Старо-Лыбаевское I; 56 – Ревда 1; 57 – Юртобор III; 58 – Перейминский 1; 59 – Жилье; 60 – Козловский; 61 – Дуванское 30; 62 – Придуванское I; 63 – Дуванское 22; 64 – Дуванское 1г; 65 – Дуванское XVIII; 66 – Чинги-Тура (Царево); 67 – Мылый Байрык I; 68 – Шарьянка; 69 – Цингалинское; 70 – Ивановское; 71 – Красноярское; 72 – Резаново I; 73 – Борковское; 74 – Логиновское; 75 – Абатский-3; 76 – Пахомовское; 77 – Кучум-гора; 78 – Коняшино

Рвы поселений бакальской культуры были простые, с отвесными или пологими стенками, глубиной 1-3 м, шириной от 3,5 м до 15 м. Облицовка деревом не отмечена.

Жилища зафиксированы на шести памятниках бакальской культуры. Всего выделено пять типов построек:

1) каркасные, легкие, с основой из жердей, круглые или овальные в основании, цилиндрико-конические постройки типа юрт (гор. Коловское, пос. Старо-Лыбаевское-1);

2) каркасные, легкие, с основой из жердей, четырехугольные в основании, углубленные постройки (пос. Зотинское-IV);

3) каркасные, легкие, с основой из жердей, четырехугольные в основании, наземные, прямоугольные постройки с двухскатной крышей (гор. Усть-Утякское);

4) стационарные, плетневые, четырехугольные в основании, углубленные постройки (гор. Царево) и

5) стационарные, каркасно-столбовые, четырехугольные в основании, углубленные постройки (гор. Усть-Терсюкское-1).

Инвентарь бакальской культуры включает пять категорий, среди которых посуда, орудия труда, оружие, предметы культа, украшения и элементы костюма. Самая представительная категория, помимо посуды, это предметы быта. Украшения, зафиксированные на бакальских памятниках, аналогичны изделиям, распространенным в средневековой период на территории Прикамья, Урала и Западной Сибири.

Посуда представлена глиняными и металлическими изделиями. Статистический анализ керамических комплексов бакальской культуры позволил выявить основные композиционные схемы, представленные на сосудах. Основной, самой простой, является сочетание ямок и наклонных резных оттисков, нанесенных по бортику. Во второй схеме названные элементы сочетаются с решеткой или «елочкой», иногда с ними вместе. В более развернутом, третьем, варианте на сосуд также наносилась горизонтальная прочерченная линия и ногтевые вдавления. Указанные орнаментальные схемы являлись ведущими (в ряде случаев к ним могли добавлять различные мотивы), сохраняли актуальность даже при изменении техники декорирования. Степень орнаментированности сосудов является важным хронологическим показателем. Для памятников раннего времени характерно преобладание горшечных форм украшенных четырьмя и более элементами орнамента. С течением времени можно заметить оскудение декора.

Синхронность, а в ряде случаев и компрессия слоев памятников привели к совместному залеганию материалов бакальской, юдинской, карымской, кушнареньковской и прочих культур и типов. В результате, хозяйственная деятельность средневекового населения лесостепного Зауралья характеризовалась лишь общими фразами.

Работы на Коловском, Усть-Терсюкском и Царевом городищах, проведенные в последние годы, позволили получить новые источники для реконст-

рукции хозяйственного типа бакальского населения – подвижного скотоводства, характеризующегося совмещением интенсивного (разведение коров, зарожде- ние земледелия) и экстенсивного (значительная доля лошади и мелкого рогатого скота в стаде, присваивающих отраслей хозяйства) направлений.

Таким образом, развитие экономики средневекового населения лесостепи Зауралья шло по пути перехода к оседлому образу жизни, который был достигнут, скорее всего, в конце развитого – начале позднего средневековья посредством развития земледельческой отрасли и утрате скотоводством доминирующего положения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боталов С.Г., Тидеман Е.В., Лукиных А.А., Вохменцев М.П. Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры. Материалы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск, 2008.

Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры. Материалы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск, 2008.

Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.

Викторова В.Д. Археологические культуры в верховьях реки Исети во время Великого переселения народов // Проблемы бакальской культуры. Материалы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск, 2008.

Викторова В.Д., Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Археологическая экспедиция Уральского университета // АЭБ. Т. II. Уфа, 1964.

Маслюженко Д.Н. К вопросу о причинах появления городищ бакальской культуры на берегах рек Исеть и Тобол // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9-11 декабря 2003 г., Тобольск). Тобольск, 2003.

Матвеева Н.П. Новые средневековые памятники из северной лесостепи Приоболья // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Новосибирск, 2008.

Матвеева Н.П., Орлова Л.А., Рафикова Т.Н. Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // РА. 2009. № 1.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.

Морозов В.М. Бакальская культура, бакальский тип памятников: к истории изучения // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы междуна- р. науч. конф. 6-10 окт. 2003 г. Пермь, 2003.

Овчинникова Б.Б. О зауральских памятниках сылвенской культурной общности конца I – начала II тысячелетий нашей эры // Ранний железный век и средневековье. Челябинск, 1987.

Овчинникова Б.Б. Лыбаевская культура сылвенской этнокультурной общности на Урале (конец I – начало II тыс. н.э.) // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тезисы докладов XII Уральского археологического совещания, 19-23 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993.

Потемкина Т.М., Матвеева Н.П. Большое Бакальское городище // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень, 1997.

Сальников К.В. Исетские древние поселения (по материалам обследования среднего течения реки Исети в 1940 году) // СА. XXV. 1956.

ОРУДИЯ ДЛЯ ОБРАБОТКИ ЗЕРНА И СБОРА УРОЖАЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А.Н. Сарапулов

TOOLS FOR PROCESSING OF GRAIN AND FOR HARVESTING ON THE TERRITORY OF THE PERM FOREURALS IN THE MIDDLE AGES

A. Sarapulov

На территории Пермского Предуралья в XI-XII вв. распространяется пашенное земледелие, что ведет за собой изменения всего сельскохозяйственного хозяйства. Именно в это время, взамен безраздельно господствовавшей зернотерки, появляется ручной вращающийся круглый жернов. По сравнению с ней производительность ручной мельницы уже весьма велика, и своим появлением она свидетельствует о значительном увеличении количества зерна. По степени своего развития ротационные мельницы сравнительно с другими приспособлениями относятся к более позднему времени и являются в отличие от них уже специализированными орудиями, предназначенными только для размалывания зерна. Принцип действия основан на вращательном движении верхнего жернова – бегуна на рабочей поверхности неподвижного нижнего [Минасян, 1978. С. 101].

На территории Пермского Предуралья найдено большое количество жерновов (Рождественское, Роданово, Анюшкар, Городищенское городища, Чашкинское II селище и др.).

Все экземпляры жерновов и их фрагментов, собранные на памятниках Пермского Предуралья сделаны из крупнозернистого песчаника. Общий их диаметр составляет 35-45 см, толщина – 3,5-10 см. Центральное сквозное отверстие имеет округлую форму диаметром до 5 см.

Жернова, найденные на территории Пермского Предуралья, по мнению В.А. Оборина, датируются XII-XV вв. Однако этой дате противоречит находка обломка жернова с Рождественского городища, располагавшегося в слое болгарской керамики, то есть не позднее XI в. [Белавин, 1986. С. 25]. Это свидетельствует о том, что начало распространения жерновов в Пермском Предуралье относится к рубежу I-II тысячелетий н.э. Логичным становится вопрос, откуда данные жернова появляются.

Каменный жерновой постав мог попасть в данный регион в результате трансмиссии или заимствования. Известно, что основным торговым партнером Пермского Предуралья была Волжская Булгария.

Кроме того, болгарское население проживало на некоторых прикамских городищах. Но на большинстве болгарских жерновов имеются периферийные отверстия, в которые просовывались веревки, привязывавшие согнутую палку. К концу этой палки веревкой привязывалась другая палка, к которой прикреплялись оглобли. В оглобли запрягался осел или мул. Запряженное животное, делая круговые движения, приводило в действие бегун, а готовая мука падала в окошко [Йовков, 1976. С. 251]. Однако на жерновах из Пермского Предуралья таких отверстий нет.

Вместе с тем, на болгарских памятниках находили жернова без отверстия для прикрепления тягловой силы, аналогичные древнерусским как по размерам, так и по технике изготовления. Реконструкцию такого типа мельниц приводит Б.А. Рыбаков [1945. С. 16-17]. Древнерусские жернова также отличались от предуральских. В отличие от древнерусских жерновов, имевших в нижней плите конический выступ, а в верхней – соответствующее углубление, поверхность пермских жерновов ровная.

Р.С. Минасян видит причину появления жерновов в лесной зоне Восточной Европы вследствие миграции населения, знакомого с мукомольным производством [Минасян, 1978. С. 112].

Хотелось бы отметить, что В.В. Седов отметил три волны проникновения славян в Поволжье из области расселения черняховской культуры (Северное Причерноморье). Первая волна – II-III вв. н.э., оставившая в Самарском Поволжье памятники славянского типа, связана, по его мнению, с первой вельбаркской (готской) миграцией. Вторая волна – III-IV вв. н.э. – привела к возникновению в Поволжье памятников лбищенского типа, несущих следы смешения славянско-пшеворских древностей. Наконец, третья волна черняховцев-мигрантов, наиболее мощная, послужила основой для образования в Нижнем Прикамье и прилегающем Поволжье в конце IV в. именьковской культуры, просуществовавшей до рубежа VII-VIII вв. [Седов, 1994. С. 309-314]. Вероятно, как считает Р.Д. Голдина, с одной из этих волн

связано появление на Вятке и Средней Каме в III в. н.э. инородного населения, оставившего курганные могильники (Азелино, Суворово) [Голдина, 2002. С. 47]. А в Среднем Прикамье, на Буйском городище, наряду с зернотерками найден обломок жернова, который отнесен В.Ф. Генингом к азелинской культуре III-V вв. н.э. [Генинг, 1963. С. 28].

Вполне возможно, что данный жернов попадает сюда в результате миграции черняховского населения. А ведь на черняховских поселениях найдены сотни жерновов, что свидетельствует о широком распространении мельничного постава у этого населения. Далее жернова появляются в период раннего средневековья на городищах поломского времени на р. Чепце и широко распространяются во втором тысячелетии н.э. на территории чепецкой культуры. Жернова Пермского Предуралья полностью аналогичны жерновам с территории родственной финно-угорской чепецкой археологической культуры.

Касаясь реконструкции работы жернового постава можно сказать, что жернова были частями ручных мельниц и приводились в движение палкой, вставленной одним концом в край верхней плиты, другой ее конец прикреплялся к потолку помещения. Такие ротационные мельницы были известны вплоть до недавнего времени у коми и назывались «изки» [Белицер, 1958. С. 76].

Средневековому населению Прикамья были известны и орудия для сбора урожая. На Лаврятском городище найден серп столбиковой формы, а на Редикарском – обломок изогнутого плоского серпа. Сильно изогнутый железный серп найден на Кудымкарском городище. В Верхокамье (Аверинские селища и могильник) найдено 6 серпов. Это железные серпы, имеющие форму полуокружности, изгиб лезвия начинается круто от длинного, прямоугольного в сечении черешка [Голдина, Кананин, 1989. С. 81]. В верхних слоях Анюшкара найдено 10 кос-горбуш. Пять однотипных кос-горбуш известно с Аверинских I-IX селищ.

Р.Д. Голдина и В.А. Оборин в обобщающих работах по эпохе средневековья упоминают, что для уборки урожая *широко* (курсив авт. – А.С.) использовались железные серпы [Голдина, 1985. С. 146; Бадер, Оборин, 1958. С. 191], на позднем этапе – косы-горбуши [Там же. С. 205], однако это утверждение не вполне обосновано. Эти орудия встречаются на памятниках достаточно редко, а широкое их распространение происходит, скорее всего, лишь с проникновением русского населения. По-видимому, использовались и какие-то другие приспособления

для сбора урожая (костяные или деревянные). Любопытно, что во многих преданиях коми говорится о том, что «хлеб шилом жали»: «деды рассказывали, что хлеба раньше жали деревянным шилом, по одиночке стебли валили, как деревья нынче сваливают» [Ожегова, 1971. С. 39, 48, 50]. Г.Н. Чагин в своей книге о язвинских коми-пермяках пишет, что Ф.А. Антипина (1920 г. рожд.) из села Егорово рассказывала о том, что «От бабушки слышала, что на горе, возле устья Сюйба (приток Язьвы) жил чудской народ... Ростом были маленькие, одежду носили лохматую. Работали только топором и куштаном... Не знали серпов. Рожь подтыкали шилом и ломали стебли...» [Чагин, 1993].

Таким образом, в эпоху средневековья для обработки зерна использовались ротационные мельницы, состоящие из двух жерновов (механизм их работы схож с коми-пермяцкими «изками»), а для сбора урожая уже на более позднем этапе использовались серпы и косы-горбуши.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.
- Белавин А.М. Отчет об археологических исследованиях в Карагайском районе Пермской области в 1985 г. // Архив Кабинета археологии и этнографии ПГПУ.
- Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958.
- Генинг В.Ф. Азелинская культура III-V вв. // ВАН. Вып. 5. 1963.
- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Голдина Р.Д. Исторические истоки и опыт толерантности народов Прикамья в древности и средневековье // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы междунар. науч. конф. Ижевск, 2002.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989.
- Йовков С.М. Жернова Волжской Булгарии // СА. 1976. № 2.
- Минасян Р.С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н.э.) // СА. 1978. № 3.
- Рыбаков Б.А. Жернова Вщижицкого городища // КСИИМК. № 11. 1945.
- Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1994.

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ В ГУННСКОЕ ВРЕМЯ

Е.П. Казаков

ON THE ETHNO-CULTURAL SITUATION IN THE LOWER KAMA AREA IN THE HUN TIME

E. Kazakov

В средневековой истории Нижнего Прикамья слабо изученной остается гуннская эпоха. Тем не менее, для исследователей она представлялась чрезвычайно важной во многих аспектах: как начало массовых миграций, предполагаемой тюркизации края и т.д.

В самом начале эпохи средневековья в Нижнем Прикамье достаточно хорошо фиксируются только финно-угорские древности, которые, видимо, можно связывать с культурой предков пермских финнов. Представлены они памятниками азелинской и мазунинской культур, расположенных, в основном, на правом берегу реки Камы. Лишь часть мазунинских комплексов локализуется на левобережье реки Камы в Восточном Закамье (Масадинское городище и др. в Актанышском районе Татарстана).

Основная часть Закамья оставалась «неизвестной землей». Возможно, она находилась под властью сармат, но памятники их не были изучены. В указанных же памятниках финнов отмечаются элементы культуры, явно испытавшие сарматское воздействие. Особенно это проявляется IV в., когда гуннский нажим на сарматский мир усилился. В памятниках азелинской культуры V Рождественском, Нарманском и др., изученных П.Н. Старостиным (2002, 2010 гг. и др.) во множестве отмечаются погребения со шкурой лошади, предметы вооружения, халцедоновые диски и прочие, имеющие аналоги далеко на юге.

В конце IV – начале V в. в регионе появляются и сами пришельцы, которые здесь оседают. Одним из показателей этого является материал Тураевского могильника, который В.Ф. Генинг соотносил с какой-то группой южного населения, вынужденного отойти к северу под нажимом гуннов [Генинг, 1976]. А.Х. Халиков в большой статье 1971 г. связывал этот памятник с тюркоязычным населением. Однако, такие элементы культуры как кольцевые ровики вокруг курганов, подбой в стенке могил, куда клался жертвенный комплекс, сасанидская орнаментация на предметах вооружения, крупные янтарные бусы и пр. свидетельствуют о связи некрополя с восточными сарматами района Приаралья [Казаков, 1999].

С кочевыми восточноевропейскими сарматами связан II Старомайский могильник в Ульяновской области [Он же, 1987], синхронный Тураевскому.

Здесь в длинных (до 300-330 см) могилах умершие сопровождалась характерной чернолощеной посудой с парным зигзагообразным резным орнаментом. В одном из захоронений встречена сакральная для сармат крупная раковина южных морей (*turbo margaratus*), украшенная разнообразными ямками. Подобные поделки сармат встречены в мазунинских древностях.

Пришлые сарматские племена оттеснили азелинское население к северу, где потомки их оставили памятники концовского этапа. До этого азелинские группы пытались осваивать левобережье реки Камы (VIII Измерский могильник) и даже Предкамье (Тетюшский азелинский могильник).

В V-VI в. в лесостепной и, частично, северной степной зоне Урала-Поволжья продолжали обитать сарматские племена, многие из которых вели оседлый образ жизни, имели городища, занимались земледелием уже с первых веков нашей эры (как, впрочем, и весь сарматский мир Восточной Европы). Поселения их с т.н. «ранней именьковской посудой», имеющей короткую раструбообразную шейку, украшенную по венчику нарезками или зашипами, известна на Алексеевском городище у г. Саратова, на селищах «Шихан» и I Полянском в Альметьевском и III Полянском селище в Спасском районе Татарстана [Он же, 2006]. В материалах раскопок на Царевском кургане вместе с такой керамикой встречены и характерные сарматские миски [Сташенков, 2005].

В 558 г. тюркюты разбили в Приаралье союзы племен хионитов, вар и огоров. В связи с этим широкие пространства Урала-Поволжья были заняты отступающими к северу европейскими (именьковская культура) и азиатскими (турбаслинская культура) сарматами.

Археологические, достаточно анализированные, материалы оставляют мало места для экзотических представлений о том, что в Прикамье пришли древние славяне, германцы, которые якобы осели здесь и приняли участие в формировании именьковской культуры. Указанные материалы, как и письменные источники, свидетельствуют, что вектор миграции народов по степи и лесостепи Восточной Европы в эпоху гуннов и тюркских каганатов преобладал с востока на запад и с юга на север, а не наоборот.

**ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕТЮШСКОГО II ГОРОДИЩА В ТАТАРСТАНЕ
В 2007-2009 ГГ. (К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В ПРЕДВОЛЖЬЕ
В I ТЫС. Н.Э. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ II ТЫС. Н.Э.)**

К.А. Руденко

**RESEARCH OF THE TETYUSHSY II SETTLEMENT IN TATARSTAN IN 2007-2009
(TO THE ISSUE OF THE ETHNO-CULTURAL SITUATION IN THE PRE-VOLGAAREA
IN THE 1ST MILLENNIUM AD – FIRST HALF OF THE 2ND MILLENNIUM A.D.)**

K. Rudenko

Археологические древности в городе Тетюши известны с XIX в. Исследованиями Н.Ф. Калинина в 1949 г. было установлено, что в пределах городской застройки находятся два городища, могильник и несколько селищ. Тетюшское I городище именьковского и болгарского времени (9700 м²) находится в северной части города и полностью застроено. Тетюшское II городище именьковской культуры (3600 м²) расположено на северо-восточной окраине города Тетюши, к северу от первого городища. К нему примыкает синхронное селище (около 100000 м²). Обширный некрополь на западной окраине Тетюш исследовался в 1970-80-х гг. Е.П. Казаковым, Е.А. Халиковой и В.С. Патрушевым. На нем были выявлены захоронения раннеананьинского времени (IX-VIII вв. до н.э.), азелинские (III-IV вв.) и раннеболгарские (IX – начало X в.) [Патрушев, 2009. С. 10-30; Казаков, 2009. С. 31-44; Руденко, 2009. С. 45-65].

На II Тетюшском городище стационарные исследования были продолжены автором в 2007 г. В течение трех сезонов была исследована площадь около 200 м². Было установлено, что первое поселение на месте Тетюшского II городища возникло в эпоху поздней бронзы – раннего железа, оно синхронно соответствующей части могильника. Второй этап связан с возведением укреплений населением азелинской культуры и превращением поселения в городище. Об их пребывании свидетельствуют азелинские захоронения на некрополе. Далее на этом месте функционировало городище именьковской культуры. Территория городища была освоена в X-XV вв. и вероятно в XVI в. В XVII-XX вв. городище активно использовалось для хозяйственных нужд города.

В результате исследований было выявлено более 20 хозяйственных построек, частично вскрыто несколько жилищ и производственных сооружений, датированных V-VII вв. н.э. Так же была зафиксирована стратиграфическая шкала культурных отложений с эпохи раннего железа и до XX в. По находкам в слоях и в объектах было установлено, что наиболее активная жизнь здесь была в V-VII вв. н.э. Для этого слоя характерно значительное количество шлаков, бронзовых сплесков, фрагментов тиглей, льячка, обломки бронзовых изделий. Найдены так же предметы импорта – стеклянные и раковинные бусы и т.п.

Время формирования слоев определяется по датирующимся находкам. Большая часть их бытовала в VI-VII вв. н.э. [Руденко, 2008. С. 277-304]. Наиболее интересные из них – серебряная фигурно-прорезная накладка с четырьмя отверстиями, датирующаяся последней третью VI – первой третью VII в., фрагменты бронзовой Т-образной фибулы III-VI вв. н.э., бронзовой Ж-образной накладки конца VI-VIII вв., бронзовой шейной гривны конца V – начала VIII в. н.э. Ранняя дата (конец IV – начало V в.) определяется по железному кольцу-пряжке и по железной В-образной рамчатой пряжке, датированной серединой V – серединой VI вв. Стеклянные бусины датируются I-IV и VI-VII вв. н.э. [Столярова, 2009. С. 66-75]. Второй половиной XIII – XIV вв. датируются фрагменты поливной ордынской керамики, встречена домонгольская красноглиняная болгарская и черная лощеная керамика XVII-XVIII вв., в верхней слое найдены две бронзовые печати XIX в.

Интерес представляют находки кушнаренковской керамики в слое именьковского времени. По аналогиям они датируются VII, может быть VIII в. Эта находка на сегодняшний день – первая на правом берегу Волги. В этой связи интересно мнение Е.П. Казакова, который считает, что «в VIII-IX вв. в отмеченных районах (Самарское Поволжье – К.Р.) видимо соседствуют друг с другом кочевые волжско-болгарские и мадьярские группы» [Казаков, 1992. С. 187].

Раннеболгарские захоронения Тетюшского могильника относятся по данным Е.П. Казакова к IX-X вв., хотя кушнаренковской керамики, которая была выявлена на городище, в изученных захоронениях и не было, но можно предполагать, что эти явления были каким-то образом связаны. Отметим также и тот факт, что в Тетюшском районе, недалеко от Тетюш, А.Х. Халиковым и В.Ф. Генингом изучен раннеболгарский Большетарханский могильник, функционировавший с середины VIII до середины IX вв.

Сам факт того, что болгары VIII-IX вв. активно осваивали городища именьковской культуры, доказан исследованиями Ю.А. Семькина (по находкам на ряде городищ в Ульяновской области). Кушнаренковский материал, по данным Д.А. Сташенкова, встречается и на именьковских памятниках Самарского Поволжья.

Таким образом, в древностях Тетюшского Пред-волжья выявлены три культурно-хронологических пласта, охватывающих промежуток времени от III в. н.э. и до X-XI вв. н.э. Азелинские древности Тетюшского могильника датируются III-IV вв. [Казаков, 2009. С. 33]. Этим же временем можно датировать и слой азелинского времени на городище. Отметим, что Тетюшский азелинский рефугиум – самый южный из известных памятников этой культуры. Хотя азелинские памятники в Предкамье существуют и в V в., но тетюшские поселения и могильник, вероятно, в этот период уже не существовали. Изделия, датированные V в. относятся к следующему культурно-хронологическому пласту, связанному с именьковской культурой. Материалы именьковского времени, судя по имеющимся находкам, относятся к V-VII вв. Наиболее представительны изделия, бытовавшие в VI-VII вв. и имеющие аналогии в Коминтерновском II могильнике, исследованном Е.П. Казаковым. Третий пласт – раннебулгарские древности, которые должны быть датированы второй половиной VIII – X вв. Верхняя дата берется по материалам Большетарханского могильника, а нижняя – по захоронениям Тетюшского могильника. Пока на самом городище раннебулгарские изделия VIII-IX вв. не выявлены, хотя это вполне объяснимо, учи-

тывая специфику хозяйственно-культурного типа племен раннебулгарского союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Казаков Е.П. Об этапах этнокультурного взаимодействия волжских болгар и мадьяр // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992.

Казаков Е.П. Тетюшский могильник азелинской культуры // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. Казань, 2009.

Патрушев В.С. I Тетюшский могильник эпохи раннего железа // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. Казань, 2009.

Руденко К.А. Тетюшское II городище в Татарстане: датировка и хронология // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.

Руденко К.А. История изучения археологических памятников в г. Тетюши // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. Казань, 2009.

Столярова Е.К. Стекланные бусы Тетюшского II городища // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. Казань, 2009.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТАХ В СОСТАВЕ ОГУЗОВ

П.В. Попов

ON THE ISSUE OF ETHNO-CULTURAL COMPONENTS IN THE OGUZES' COMPOSITION

P. Popov

Одной из самых значимых черт огузских погребений является захоронение с человеком шкуры коня. При выявлении истоков такой обрядности привлекают внимание материалы верхнеобской и рёлкинской культур, где распространены сопроводительные захоронения останков коня. Следует отметить находки черепов и конечностей лошади в курганных насыпях ряда могильников, расположенных на Ближних Елбанах [Грязнов, 1956. С. 107, 115, 125, 140. Табл. XLIV, мог. 8]. М.П. Грязнов интерпретировал эти находки как поминальные тризны [Там же. С. 107-108]. Также они зафиксированы в виде черепов и шкур коня в насыпях курганов Рёлкинского могильника [Чиндина, 1977. С. 99, 101-102]. Находки этих же частей туши отмечены в курганах некрополей Томского Приобья [Беликова и др., 1983. С. 109].

Проникновение тюркоязычных кочевников в западносибирские степные и лесостепные районы сопровождалось активными этническими контактами. Так, в материалах сrostкинской культуры и тюркоя-

зычных номадов Павлодарского Прииртышья прослеживается влияние местных приобских племён [Кляшторный и др., 2005. С. 292; Арсланова, 1968. С. 109]. Эти данные дают основание предположить, что обряд ингумации со шкурой коня формируется в среде тюркоязычных номадов в результате межэтнических контактов с приобским населением. В пользу этой гипотезы говорят находки наиболее ранних захоронений со шкурой коня, найденных в Обь-Иртышском междуречье. Здесь наблюдается смешение черт погребальной обрядности [Там же. С. 110-111]. Так, в рамках одного могильника фиксируются как погребения человека с конём, так и с его шкурой. Например, в Бобровском могильнике практически во всех курганах фиксируются остатки тризны, в состав которых входят черепа и кости ног лошади [Там же. С. 102-103]. Особо следует отметить, что во многих могильниках фиксируются курганы с трупосожжениями, в насыпи которых также находятся тризны в виде фрагментов глиняных со-

судов и остатков шкур лошадей. Данные погребения Ф.Х. Арсланова соотносит с верхнеобским компонентом [Там же. С. 109]. Таким образом, археологические данные могильников Прииртышья дают основание предположить, что традиция сопровождения умершего шкурой коня в среде тюркоязычных кочевников складывается именно под влиянием угро-самодийского населения Обь-Иртышского междуречья.

В этой связи, некоторые характеристики огузского обряда приобретают новое значение. Так, расположение шкуры коня над человеком может рассматриваться как реминисценция её размещения в засыпи кургана. Как пример можно упомянуть погребение Старица 30/4, исследованное В.П. Шиловым в Астраханской области. Погребение представляло собой коллективное захоронение четырёх человек в глубокой могиле. На перекрытии могилы лежали четыре черепа коня, а в ногах находились задние ноги в анатомическом порядке. В засыпи могильной ямы располагались перемешанные останки пятой лошади, представленные черепом и скаковыми конечностями [Круглов, 2001. С. 409]. Беспорядочное расположение костей свидетельствует о том, что это остатки поминальной тризны. Остатки тризны зафиксированы в к. 12 Калиновского могильника, где были обнаружены черепа пяти лошадей. Они интерпретируются как тризна, относящаяся к огузскому погребению № 19 [Шилов, 1959. С. 359, 363-364. Рис. 48, 7, 13]. Также находки черепов коней зафиксированы в засыпях погребений 2/4 Калиновского могильника [Там же. С. 338-340] и 13/7 Новоникольского могильника [Шилов, 1975. С. 21, 28-29].

Таким образом, в огузской среде существовала традиция осуществления поминальных тризн с оставлением частей туши или шкуры коня на месте погребения. Истоки этого обряда прослеживаются в традициях населения Приобья. Можно предположить, что обряд в виде ингумации со шкурой коня, размещаемой выше покойника, формируется в результате взаимовлияния погребальных традиций тюркоязычных кочевников и племён, населявших бассейн Оби.

При анализе огузского погребального инвентаря ближайшие аналогии ему находятся на памятниках Западной Сибири и Алтая. Аналогии копоушкам и птицевидным нашивкам находятся в сrostкинских памятниках: копоушки из могильников Ур-Бердари [Елькин, 1970. С. 81-92], Усть-Большой Речки и Сrostкинского могильника [Савинов, 1998. Рис. 6, 5], птицевидные нашивки из Усть-Большой Речки и Сандыккала [Археологические..., 1987. Рис. 113, 11]. Д.Г. Савинов считает, что истоки традиции их изготовления лежат в материалах таштыкской культуры, а проникновение в сrostкинскую среду произошло при участии верхнеобского населения [Савинов, 1979. С. 56]. В могильниках Рубежка, Быково-1 обнаружены пряжки с приострѐнным носиком [Кригер и др. 1980. Рис. 1, 6; Смирнов, 1960. Рис. 15, 4]. Они находят аналогии в материалах верхнеобской [Грязнов, 1956. Табл. XXXIII, 10; XLI, 19; Троицкая, Новиков, 1998. Рис. 25, 13, 14] и сrostкинской культур [Савинов, 1998. Табл. I, 1, 12; IV, 3, 4; V, 1; VII, 3], кочевников Верхнего Прииртышья [Археологические..., 1987. Рис. 102, 3; Могильников, 2002. Рис. 57, 9; 85, 10; 111, 5; 215, 24]. Аналогичные предметы найдены в таштыкских комплексах рубежа нашей эры [Кызласов, 1960. С. 37]. Отсюда они проникают в верхнеобскую культуру. В Европе они появляются с миграциями западносибирских nomadов. В п. 3 к. 14 Быково-1 и в п. 2/11 Кос-Оба [Кригер, 1979. С. 175. Рис. 4] обнаружены костяные наконечники стрел. Они совершенно нехарактерны для средневековых nomadов и находят аналогии в верхнеобской культуре [Троицкая, Новиков, 1998. Рис. 22, 1-4, 5-7; 50, 5]. Схема развития наконечников из сбруйных наборов огузов Л.М. Гаврилиной [1987. С. 54-68], совпадает с основными направлениями развития аналогичных предметов на Алтае [Горбунова, 2003. С. 78-89].

Приведѐнные данные свидетельствуют, что в сложении огузского объединения и сrostкинской культуры участвовал общий этнокультурный субстрат. Привлекая данные Абу-л-Гази и русских летописей, его можно связать с племенем баяндур/берендей.

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ РУССКИХ ПАМЯТНИКОВ ВЯТСКОГО КРАЯ

Л.Д. Макаров

CHRONOLOGY PROBLEMS OF RUSSIAN SITES IN THE VYATKA REGION

L. Makarov

Тема датирования ископаемых артефактов с территории Вятского края рассматривалась автором не один раз. Основу хронологии составили памятник Вятской земли в целом, исследованные ав-

тором в диссертациях [Макаров, 1985. С. 75-163; 2006. С. 250-344], и особенно древности Хлынова, связанные со строительными ярусами [Он же, 1992; 1994; 2000].

К сожалению, в древнейших ярусах Хлынова Л.П. Гуссаковскому в 1957 г. (раскоп I (IV)) не удалось обнаружить индивидуальные вещи с узкой датой, но, найденная там керамика несет в себе весьма архаичные признаки [Он же, 1994. Рис. 2, 32-45]. В какой-то мере этот пробел удалось восполнить автору в ходе раскопок 1990 г. В частности, в предматериковых слоях обнаружены бусы: зонная темно-серого (черного?) стекла XI – первой половины XIII в. [Там же. С. 175. Рис. 1-6] и, чуть выше, янтарная плоскоовальная конца XIII – начала XV в. [Там же. Рис. 1-4]. Кроме того, здесь выявлены фрагменты лепной и раннекруговой русской керамики домонгольского времени [Там же. Рис. 3] и кувшинообразной нижеволжской посуды этого же периода [Там же. Рис. 5Б; Макаров, 2009. С. 361-362. Рис. 3, 24-27]. В переотложенном состоянии обнаружены глазчатая цилиндрическая желтого цвета бусина XI – первой половины XIII в. [Он же, 1994. Рис. 1-3], отдельные фрагменты лепной и раннекруговой керамики [Там же. Рис. 3, 3-10].

На других раскопах и вне их Л.П. Гуссаковский выявил бронзовый тупоконечный браслет с рифлением конца XII – начала XIV в. и обломок каменной иконки с сюжетом «Преображение Господне» второй половины XIII в. [Там же. С. 174. Рис. 1-20; Гуссаковский, 1999. С. 35; Сенникова, Крупина, 2006]. Из числа случайных находок с территории Хлыновского кремля происходит бронзовая культовая фигурка воина, предположительно Перуна [Спицын, 1914. С. 130. Рис. 7], аналогичная находкам XII в. из Новгорода, Пермской губернии (2 экз.), о. Вайгач (7 экз.) и Кинтусовского могильника в Среднем Приобье. Авторы связывают происхождение амулетов либо с Новгородом [Седов, 1982. С. 266; Оборин, 1990. С. 87-88; Макаров, 1993; 2008], либо с Верхним Прикамьем [Алешковский, 1980; Бординских, 1995; Недошивина, 1996]. Однако, в любом случае, связь этих фигурок с древнерусской (славянской) языческой культурой признают практически все специалисты. В фондах Кировского областного краеведческого музея хранится стеклянный браслет, по-видимому, из Хлынова, имеющий византийское происхождение и дату XII-XIII вв. [Щапова, 1983. С. 176].

Из других важнейших ранних комплексов можно отметить несколько ям и сооружений из древнерусского Никулицына. В особенности это касается закрытого комплекса в средней части сооружения 2 (яма «К»), содержавшего, по раскопкам Л.П. Гуссаковского 1958 г., материалы рубежа XII-XIII вв. Это калачевидное с язычком кресало, наконечник копья, фрагмент ножа из трехслойного пакета, стержневидный псалий, керамика «курганного» типа и другие находки [Макаров, 2001. С. 184. Рис. 1; 2]. На этом памятнике был получен громадный материал, заметная часть которого (украшения, культовые предметы, предметы вооружения, отдельные орудия труда и бытовые вещи) охватывает древнейший на Вятке русский домонгольский и раннезолотоордынский комплекс конца XII – первой половины XIV в. Аналогичные находки найдены и на других городищах (Ковровское, Подчуршинское, Кривоборское) и на ряде

селищ региона (Никульчинское II, Шабалинское, Искра, Покста I-III, Еманаевские I, II, IV). К этому же периоду относятся отдельные могильники (Еманаевский, Шабалинский, Никульчинский I, Усть-Чепецкий). Обращает на себя внимание лепная и раннегончарная («курганная») керамика, являющаяся иногда единственным датирующим материалом на сельских поселениях по р. Вятке и ее притокам – Моломе, Пижме, Вое и далее вниз по реке.

Таким образом, далеко не все проблемы хронологии русских памятников Вятского края удалось решить. Требуется расширение полевых исследований на этих объектах, поиск новых памятников, выявление материалов, в том числе для радиоуглеродного и дендрохронологического анализов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешковский П.М.* Языческий амулет-привеска из Новгорода // СА. 1980. № 4.
- Бординских Г.А.* Разведки в Соликамском районе Пермской области // АО 1994 г. М., 1995.
- Гуссаковский Л.П.* Из истории русской Вятки // Европейский Север в культурно-историческом процессе: К 625-летию города Кирова. Материалы междунар. конф. Киров, 1999.
- Макаров Л.Д.* Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам): Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
- Макаров Л.Д.* О хронологии древностей Хлыновского Кремля // Вятская земля в прошлом и настоящем: К 125-летию со дня рождения П.Н. Луппова. Т. 1. Киров, 1992.
- Макаров Л.Д.* Славянские языческие амулеты со Средней Вятки // Плещский сборник. Вып. 1. Плещ, 1993.
- Макаров Л.Д.* Типология и хронология древностей Хлынова // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1994.
- Макаров Л.Д.* Древнерусский город Вятка (Хлынов) по археологическим данным // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы науч. конф. (Тр. ГИМ. Вып. 122). М., 2000.
- Макаров Л.Д.* Ремесленные мастерские Вятской земли XII-XVII вв. // Древние ремесленники Приуралья. Материалы Всеросс. науч. конф. Ижевск, 2001.
- Макаров Л.Д.* Древнерусское население Прикамья в X-XV веках: Дисс. ... докт. ист. наук. Ижевск, 2006.
- Макаров Л.Д.* Языческие амулеты – «перунчики» Русского Севера: ареал и этнокультурная атрибуция // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематич. науч. конф. СПб., 2008.
- Макаров Л.Д.* Золотоордынские материалы Вятской земли // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Казань, 2009.
- Недошивина Н.Г.* Ритуальные литые фигурки со святыщ острова Вайгач // РА. 1996. № 2.
- Оборин В.А.* Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск, 1990.
- Седов В.В.* Восточные славяне в VI-XIII вв. / Археология СССР. М., 1982.

Сенникова Л.А., Крушина О.В. Каменная иконка «Преображение Господне» из Хлыновского кремля (в собрании Кировского областного краеведческого музея) // Музей на рубеже веков: история, состояние, перспективы. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 140-

летию Кировского областного краеведческого музея. Киров, 2006.

Стицын А.А. Несколько статуэток // ИАК. Пг., 1914. Вып. 53.

Щанова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ВООРУЖЕНИЯ И ВОЕННОГО ДЕЛА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XII-XVI ВВ.

А.В. Кочнев

SOME ASPECTS OF THE STUDY OF WEAPONS AND THE MILITARY SCIENCE OF THE POPULATION IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA IN THE XII-XVI CENTURIES

A. Kochnev

Изучение вооружения и военного дела средневекового населения севера Западной Сибири представляет большой научный интерес для исследователей. Это обусловлено тем, что в ходе многолетних исследований территорий было накоплено значительное количество материала. С другой стороны, приходится констатировать отсутствие каких-либо обобщающих работ по данному вопросу. Наблюдаемая тенденция характерна в целом для археологического изучения севера Западной Сибири: несмотря на большое количество раскопанных памятников, ощущается отставание в своевременной публикации накопленных материалов и коллекций.

При исследовании вооружения средневекового населения, населявшего север Западной Сибири необходимо принимать в расчет то обстоятельство, что на территории пересекались или сменяли друг друга векторы торгово-обменных связей различных государств: Волжской Булгарии, Новгорода Великого, Московского государства и государств сибирских татар. Неудивительно, что одни и те же вещи (необязательно вооружение) у разных археологов могут фигурировать как болгарские так и русские. Работа с данными источниками осложнена также тем, что некоторые образцы оружия ближнего боя (кинжики, топоры, кинжалы) могли попадать на святилища в качестве приношений, а через какое-то время вновь использоваться по прямому назначению.

Кроме того, следует помнить также о местном кузнечном производстве. Таежные мастера работа-

ли в рамках привычных им технологических схем. Эта продукция являлась подражанием импортным образцам и может быть распознана лишь при проведении металлографического структурного анализа изделий.

Другой слабо разработанный вопрос – особенности фортификационного зодчества местного населения. Как это ни странно, но до недавнего времени многие позднесредневековые городища копались «на материал» на глубину полного штыка. Неприемлемость данной методики удалось подтвердить при раскопках городка Эмдер и городища Большая Умытъя 36 (Шаман-гора), исследование которых велось А.П. Зыковым и С.Ф. Кокшаровым. Зачистки культурного слоя и подробная фиксация всех остатков (древесного тлена, горелых конструкций, берестяных выстилок, различных подсыпок и т.д.) позволили выяснить многие детали и особенности устройства стен средневековых таежных крепостей.

При разработке данной темы необходимо постоянно учитывать такой факт как формирование в первой половине II тысячелетия раннегосударственных образований, которые известны по письменным источникам как остяко-вогульские княжества. Именно милитаризованная таежная знать (или «князьцы» по русским источникам) выступала главным потребителем дорогого привозного оружия и вела между собой борьбу за контроль над торгово-обменными путями, проходившими по данной территории.

К ЭВОЛЮЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСЛАНДИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ САГ)

Е.А. Монахова

TO THE EVOLUTION OF THE FUNERAL RITE IN MEDIEVAL ICELAND (BASED ON SAGA MATERIALS)

E. Monakhova

Þat ræð ek þér it níunda, at þú náum bjargir,
hvars þú á foldu finnr, hvárts eru sótt dauðir eða
eru sædauðir eða eru vápndauðir verar.

Девятый совет — хорони мертвецов там,
где найдешь их, от хвори умерших, в волнах
утонувших и павших в бою.

(Речи Сигрдривы)

Заселение Исландии происходило в период с 70-х годов IX в. по 930 год. Переселенцами были на 85 процентов выходцы из Норвегии (в основном из юго-западной части), остальные – из Швеции, Дании, с Фарерских, Шетландских и Оркнейских островов, из Британии и Ирландии. До массового заселения острова на нем жило несколько ирландских монахов (предположительно с VIII в.), не оставивших после себя археологического материала. В 1000 г. в стране было официально принято христианство. До того времени некоторые отдельные жители и семьи уже были христианами, что, вместе с мягкостью законов¹, способствовало распространению новой религии и отсутствию жёсткого сопротивления. В 1262 г. страна попала под власть Норвегии, а в 1397 г. вместе с ней по Кальмарской унии – под власть датского короля. Таким образом, период с конца IX по середину XIII вв. позволяет проследить внутреннюю эволюцию обрядности (в частности, погребальной) практически на чистом листе. Развитие это подробно документировано благодаря развитой саговой традиции. Главным источником по времени заселения острова является «Книга о занятии земли», написанная в XII в., письменные источники для более позднего времени – родовые саги (или саги об исландцах), сборники законов, хроники и саги о епископах.

Несмотря на то, что большинство переселенцев было родом из юго-западной Норвегии, где широко была распространена кремация, в Исландии последняя резко сменилась на труположение. Переход выглядит довольно спонтанным, так как точную причину его назвать трудно. Некоторые учёные считают причиной влияние христианских переселенцев с

Британских островов, однако процент их в составе первопоселенцев Исландии крайне незначителен, чтобы их влияние могло быть ощутимым. Может показаться значимым и отсутствие на острове леса – необходимого источника топлива для кремации. Однако, в первые века существования страны, леса в Исландии было достаточно, также широко использовался торф.

Возможно, именно по причине резкой смены обряда захоронения в исландской устной и письменной традиции очень большую популярность получил мотив живых мертвецов. Если раньше тело уничтожалось в огне, то теперь покойник в глазах средневековых исландцев мог беспрепятственно покидать место захоронения и ходить по земле. В пользу влияния смены типа захоронения на распространение сюжета косвенно указывает то, что верным средством против оживших мертвецов считалось сожжение или иное разрушение тела.

Есть несколько упоминаний о том, что таких будущих живых мертвецов во время похоронной процессии приходилось бросать по дороге из-за неимоверно увеличивавшегося веса и хоронить вне обычных мест погребений. Также могилы оживающих мертвецов после эксгумации тел принято было переносить в пустынные места, где не ходят ни люди, ни скот, вдалеке от дорог и пастбищ.

Кроме этого существовали еще причины захоронений вне обычных мест погребений. К ним относятся захоронения по просьбе самого умирающего в указанном им самим месте (например, Храппа из Саги о людях из Лососьей долины закопали под порогом собственного дома) и, что особенно актуаль-

¹ В первые годы вместе с запретом на идолопоклонство, вынос детей и употребление в пищу конины действовала оговорка: за открытое, прилюдное нарушение закона следовало трёхгодичное изгнание из страны, но если же действия эти совершаются тайно, то совершивший их остаётся без наказания.

но для средневековой Исландии с непрекращающимися распрями между родами, захоронения на месте убийства. Убийцы не могли оставить тело неприкрытым и обязаны были завалить его камнями, прежде чем предпринимать следующие шаги в плане мести. Как правило, такие могилы располагались также вдалеке от обжитых мест. Если рассматривать только археологический материал, не беря во внимание историко-культурное окружение (информация о котором для нас доступна в деталях благодаря характерной исландской саговой традиции), то при интерпретации способов захоронения (курганы с погребальным инвентарём наряду с ингумациями под каменной насыпью без сопутствующих предметов) можно было бы предположить наличие нескольких культур, существовавших на территории острова в одно время.

Изменения в погребальном обряде произошли с распространением христианства. С течением времени после официальной христианизации стало нормой хоронить покойных на церковных дворах, однако до

того захоронения имели иные местоположения. Обычно не так просто установить принадлежность захоронения к религии, особенно если речь идёт об отдельном захоронении, не на традиционных кладбищах и не на церковных дворах. Как правило, учёные выделяют три характерные черты христианского погребения: ориентация с востока на запад (строгая или не очень), ингумация, отсутствие погребального инвентаря. Опять-таки, если рассматривать эволюцию погребального обряда на археологическом материале и только на нём, можно ошибочно прийти к выводу о сосуществовании двух культур (курганной и простых одиночных погребений) и о победе второй, распространившейся из более центральных районов острова на побережья и сильно упрощившей погребальный обряд.

Таким образом, на данном примере можно еще раз показать, что археологический материал требует осторожного подхода при анализе, привлечения иных источников (в первую очередь, письменных) и допущения разных интерпретаций.

ШУМЯЩИЕ УКРАШЕНИЯ В РАБОТАХ АРХЕОЛОГОВ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ XIX-XX ВВ.

Т.П. Вострикова

THE RATTLING DECORATIONS IN THE WORKS OF ARCHAEOLOGISTS OF THE UPPER ANTEKAMA AREA OF THE XIX-XXTH CENTURIES

T. Vostrikova

Шумящие украшения – огромный массив разнотипного материала. Историкографический анализ существующих исследований выявил вариативность использования этого понятия.

А.А. Спицын употребляет единожды понятие «шумящие украшения». В описании изделий автор пользуется термином «привеска с подвеской». Привеска описывается как «устройство, свешенное с длинных цепочек» [Спицын, 1902. С. 14]. Шумящие подвески в работе М.В. Талицкого «обычно состоят из держателя той или иной формы, к которому на цепочках подвешены бубенчики, трубочки или пластинки в форме треугольника или утиной лапки» [Талицкий, 1952. С. 57]. В.А. Оборин под шумящими украшениями подразумевает подвеску с привесками. В.Ф. Генинг описывает шумящую подвеску, в которой основа – щиток с ушком сверху и отверстиями внизу, в которые продеты цепочки с колокольчиками или «лапками» [Генинг, 1964. С. 104]. Шумящие подвески в трудах Р.Д. Голдиной представляют собой плоскую или объемную основу с прикрепленной к ней при помощи восьмеркообразных стержней или цепочек привесками – лапками или колокольчиками [Голдина, 1985. С. 43].

Понятие «шумящее украшение» прочно вошло в археологическую литературу. Его можно встретить среди описания морфологических характеристик подвесок, также в интерпретации семантики изделий. Возникает вопрос, любая подвеска будет называться шумящей, если ее конструкция предполагает привеску? Мы считаем, что термин «шумящие украшения» не может использоваться в качестве морфологической дефиниции. Представляется логичным употреблять это понятие в этнографическом и семантическом аспектах.

Историкографический анализ работ, выявил два направления в изучении шумящих украшений. Исследования XIX – первой половины XX вв. касались только массовых типов шумящих подвесок: коньковых, арочных, с изображением медведя. За рамками исследований осталась группа «прочие шумящие украшения». Вторая половина XX века характеризуется комплексным подходом в изучении шумящих украшений.

Разные по морфологическим особенностям типы украшений, в том числе и шумящие подвески, в типологии А.А. Спицына, отнесены в одну группу – привески. Все изделия делятся на типы по признаку

формы предмета. Автор обращает внимание и на многообразие форм подвесок: лапки, змеиные головки, конусовидные. Некоторым типам украшений определено время бытования. Уже в работе А.А. Спицына, привески описываются как характерные прикамские изделия. М.В. Талицкий объявляет шумящие украшения отличительной особенностью всех угро-финских древностей. Коньковые подвески разных типов, подвески с прорезным и щитковым держателем, по М.В. Талицкому, являются характерными типами для периода X-XI вв. Автор подмечает изменение формы подвески с ромбической на «лапчатую» или коническую при неизменной форме коньковой привески [Талицкий, 1952. С. 85]. В типологии В.Ф. Генинга шумящие подвески представлены двумя группами. Плоские подвески, разделяются по форме щитка на коньковые, с медвежьей мордой и арочные; группа объемных подвесок представлена подвесками-коробочками [Генинг, 1964. С. 104]. Впервые автор обращает внимание на двусторонность некоторых типов подвесок.

В работах второй половины XX века наметилась тенденция к расширению исследовательских задач. Эволюцию коньковых подвесок проследила Л.А. Голубева, посвятив этому отдельное исследование. Анализ морфологических особенностей изделий, определение формообразующих признаков основы – ключи к типологии Голубевой. Данная типология существенно дополнила и детализировала классификацию В.А. Оборина, что привело к более точной датировке некоторых типов украшений [Голубева, 1966. С. 98]. Отличительные особенности шумящих украшений представлены в типологии В.А. Оборина. Литые реалистичные коньковые подвески с прорезной основой; якорьковые шумящие подвески; арочные подвески с прорезной основой; шумящие подвески-медальоны; умбонovidные подвески с выпуклыми умбонами; шумящие подвески с изображением головы медведя, лежащей между лап; привески в виде плоских «гусиных лапок» ромбовидной формы с насечками – эти особенности характеризуют этнические черты родоновской культуры, отличая ее от других, одновременных ей культур [Оборин, 1970. С. 26].

Р.Д. Голдина впервые значительно расширила типологический круг шумящих подвесок: коньковые

подвески, подвески с подтреугольной основой, подвески-коробочки, подвески со стержневой основой, арочные, трубчатые, шумящие пластинчатые, подвески с овальной или прямоугольной в сечении трубкой, подвески с плоской основой, составленной из кругов с вписанными спиралями [Голдина, 1985. С. 43-46]. Шумящие украшения определены в группу по наличию отверстий в основе и привесок. Впервые автором вводится понятие «шумящая часть». Комплексный подход к изучению шумящих украшений применен в работе Н.Б. Крыласовой. В результате исследования всего массива накопленного материала определены типы костюмных комплексов [Крыласова, 2001. С. 69]. В интерпретации автора коньковые и арочные подвески являются наконечниками и этномаркирующим элементом прикамского костюма.

Историографический обзор работ археологов Верхнего Прикамья помог определить некоторые задачи в изучении шумящих украшений на современном этапе: сформулировать определение понятия «шумящее украшение» и определить его место в системе археологических дефиниций; проследить эволюцию всех имеющихся типов шумящих подвесок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Генинг В.Ф.* Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры VI-IX вв. // ВАУ. Вып. 6. Свердловск, 1964.
- Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Голубева Л.А.* Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. 1966. № 3.
- Крыласова Н.Б.* История прикамского костюма. Пермь, 2001.
- Оборин В.А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Вып. 9. Свердловск, 1970.
- Спицын А.А.* Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. № 26. 1902.
- Талицкий М.В.* Верхнее Прикамье в 10-14 вв. // МИА. № 22. 1952.

РОЛЬ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

К.В. Ванюшева

THE ROLE OF INTERPERSONAL COMMUNICATION IN THE PROFESSIONALIZATION OF PROVINCIAL ARCHAEOLOGY IN RUSSIA (LATE XIX – EARLY XX CENTURY)

K. Vanyusheva

Начиная со второй половины XIX в. археология становится наукой с собственными методами и терминологией, профессиональными нормами и правилами. Как выработывались и усваивались эти профессиональные качества? Одним из путей, вероятно, были коммуникации: формальные – через чтение специальной литературы, исполнение инструкций ИАК, неформальные – путем непосредственного общения при подготовке и проведении раскопок, обсуждения планов, способов и результатов исследований в научных обществах и на археологических съездах.

Провинциальная археология, в силу ее территориальной отдаленности от столичных образовательных и научных центров, испытывала проблемы с доступностью и полнотой специальных книжных фондов. Тем более значимыми становились межличностные коммуникации, которые давали возможность молодым исследователям усваивать профессиональные нормы, а специалистам постоянно повышать квалификацию.

Научное общение происходило в рамках провинциальных образовательных обществ, объединявших ученых разных специальностей и интересующихся соответствующей проблематикой любителей. На Всероссийских Археологических съездах осуществлялись диагональные коммуникации, складывались «незримые колледжи». В результате выстраивался оппонентный круг, в котором обсуждались различные гипотезы, давались советы, высказывались авторитетные мнения, завязывались дискуссии.

Главным источником для исследования межличностных коммуникаций представляются письма. Данный источник является результатом саморефлексии провинциальной науки, где выделяются ее проблемы, перспективы, спорные ситуации. Анализ этих вопросов и путей их решения позволит выявить путь профессионализации археологии в российских губерниях.

Исследование проводилось на основании переписки деятелей Вятской и Пермской губерний: И.Я. Кривошеков – Ф.А. Теплоухов (1886-1888 гг.), В.С. Малченко (1903-1904 гг.), Ф.А. Теплоухов – В.С. Малченко (1902-1903 г.), А.А. Спицын – И.Г. Остроумову (1903-1930 гг.), А.С. Лебедев –

А.М. Тальгрену (1911-1928 гг.), М.С. Тюнину (1909 г.), Л.А. Беркутов – М.С. Тюнину (1910-1911 гг.) и др.

Исходя из составляющих профессии при исследовании роли межличностных коммуникаций в переписке было обращено внимание на следующие моменты.

1) Представление авторов писем о способах хранения, методах расширения и трансляции знания. Провинциальные деятели общались со столичными профессионалами, что давало возможность узнавать и уточнять требования Императорской Археологической Комиссии, а значит вести исследования на должном профессиональном уровне. А.А. Спицын консультировал и вятских исследователей [Мельникова, 2008. С. 120-125], и пермских в лице И.Г. Остроумова – члена Пермской ученой архивной комиссии: «Остаюсь при уверенности, что только Археологическая комиссия может разрешить производить раскопки на казенных, общественных и церковных землях. Пермский Музей может без труда получить от Комиссии законное разрешение, на общих основаниях, т.е. представить отчет о раскопках...» [ГАПК. Ф.р. 72. Оп. 1. Д. 18. Л. 2].

В региональной переписке провинциальных деятелей «изнутри» выработывались профессиональные нормы, делались эмпирические обобщения. Вятский родиновед А.С. Лебедев «журит» председателя музея Сарапульского земства М.С. Тюнина за недостаточную внимательность к археологическим объектам: «необходимо вам с самого начала весны следить за Ананьинским могильником, чтобы вещи из него не попадали случайно проезжающим людям, или кому бы то ни было» [ЦГА. Ф. 349. Оп. 2. Ед.хр. 7. Л. 23-24].

2) Автономность профессии в привлечении новых членов. Письма-отчеты лесничего И.Я. Кривошекова своему начальнику, археологу-любителю Ф.А. Теплоухову являются ярким примером пробуждения интереса к археологии в широких слоях общества. Выполняя различные поручения Федора Александровича, Иван Яковлевич начал «втягиваться в археологический вкус... без всякой теории, а так сказать чутьем, начал различать древнерусские вещи от чуждских» [ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 114. Л. 9]. В итоге И.Я. Кривошеков при моральной поддержке и патро-

нате Ф.А. Теплоухова внес значительный вклад в изучение истории Пермского края (обследовал средневековые городища в Соликамском и Чердынском уездах, раскапывал Чазовской I могильник V-VI вв.).

3) Выработка внутренних форм вознаграждения. Одной из них была поддержка начинающих исследователей, каким был А.С. Лебедев в первое десятилетие XX в., авторитетными учеными, например, А.М. Тальгреном: «Ваша статья в «Раiva», в которой, хотя я сознаю это, вы и незаслуженно похвалили меня, но все же эта статья меня ободрила в то тяжелое для меня время» [«Надо торопиться жить...», 2008. С. 179].

4) Создание инфраструктуры, обеспечивающей координацию и оперативное взаимодействие сообщества. В исследуемый период часто обсуждается тема поиска и распространения специальной литературы. Проблема решалась налаживанием постоянных связей между научными обществами или личных контактов: «Доктор, мне помниться у Вас есть печатный указатель литературы по родоноведению в Финляндии? Если можно, то пришлите мне» [Там же, 2008. С. 177].

5) Степень актуальности знания для социального окружения. Ф.А. Теплоухов в письме председателю ПУАК В.С. Малченко затрагивает важную проблему для становления профессиональной культуры – забота о читателе-неспециалисте. Рассуждая о посмертной статье Н.Н. Новокрещенных о Гляденовском городище он отмечает неравномерность в полноте материалов, в следствии чего «читатель, не интересующийся предметом, будет неминуемо чувствовать некоторую неудовлетворенность и недосказанность» [ГАПК. Ф. 297. Д. 86. Л. 17-18].

Переписка является богатым источником для изучения провинциальной археологии, ее становления и профессионализации. Данная работа представляет лишь первые шаги в этом направлении и имеет целью показать важность дальнейшего поиска и исследования переписки провинциальных археологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ГАПК. Ф.р. 72. Остроумов Иван Григорьевич – общественный деятель Пермской губернии (1861-1939). Оп. 1. Д. 18. Письма археолога А. Спицына И.Г. Остроумову.

Ф. 297. Исторический архив Пермской ученой архивной комиссии. Оп. 4. Д. 86. Письма Новокрещенных Н.Н. и Теплоухова Ф. об опубликовании работы Новокрещенных «Гляденовское костыше» и др.

Ф. 613. Теплоуховы. Оп. 2. Д. 114. Письма лесничего И.Я. Кривошекова Ф.А. Теплоухову.

ЦГА УР. Ф. 349. Музей Сарапульского земства. Оп. 2. Ед.хр. 7. Переписка Совета музея с географическими обществами, редакциями газет, гражданами.

Мельникова О.М. Становление профессиональной археологии в российской провинции в начале XX в.: А.А. Спицын и музей Сарапульского земства (по материалам ЦГА УР) // История и практика археологических исследований. Материалы междунар. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР профессора А.А. Спицына. СПб., 2008.

«Надо торопиться жить, торопиться работать»: письма А.С. Лебедева А.М. Тальгреному // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». Вып. 2. 2008.

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД В АРХЕОЛОГИИ И ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

К.И. Корепанов, М.Ф. Обыденнов

SITUATIONAL APPROACH IN ARCHAEOLOGY AND IN ANCIENT HISTORY

K. Korepanov, M. Obydenov

В философии науки процесс формирования ситуационного подхода как конкретного научного феномена начал совершаться в англо-американской среде в первой трети XX века, а именно в экономике и, одновременно, в менеджменте, что было связано с развитием методов деятельности, адекватных характеру рыночной экономики и требованиям управления персоналом. Что же касается разработки общенаучного, междисциплинарного ситуационного подхода, то его время пришло только теперь, когда стало ясно, что подход к познанию в ситуационном аспекте востребован почти во всех областях практической деятельности и во многих направлениях науки [Солодухо, 2005].

Этимология современного слова «ситуация» восходит к латинскому слову «*situs*» и позднелатинскому «*situation*» (положение), трактуемых как совокупность, сочетание условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку и положение. В общем виде ситуацию следует понимать как сочетание факторов, обуславливающих характер и смену состояний объектов.

Важнейшие характеристики ситуационного понимания мира – мобильность, случайность, неопределенность, размытость границ дополняются представлениями о факторной равнозначности, поливариантности, плюралистичности. Методология ситуационного подхода в научном познании разработана Н.М. -

Солодухо [2005. С. 85-88]. С ситуационным подходом часто соотносят конкретность и историчность, единичность и уникальность, с другой стороны, под ситуациями понимают и устойчивые, и повторяющиеся состояния объектов.

В более широком подходе речь идет о системности и ситуационности в познании различных областей архаичной действительности (археологической реальности), того момента мира, древней исторической, социокультурной, бытийно-индивидуальной ситуации.

Основными принципами системного подхода принято считать:

1) представление о целостности изучаемой системы, противостоящей окружающей среде и состоящей из элементов – единиц, свойства и функции которых определяются их местом в рамках целого;

2) представление о целостности системы конкретизируется через понятие о связях, среди которых выделяются системообразующие и производные;

3) совокупность связей определяет структуру и организацию, свойственные всякой системе;

4) структура всякой системы может характеризоваться как по «горизонтали» (когда имеются в виду связи между однопорядковыми компонентами), так и по «вертикали» (что приводит к понятию уровней и их иерархии);

5) многоуровневая иерархия предполагает определенный механизм регулирования (управления);

6) последний должен обеспечивать целесообразное поведение как отдельных элементов, так и всей системы в целом, а для этого необходимо, чтобы она обладала

7) свойством самоорганизации, обеспечивающим ее

8) функционирование [Блауберг, Юдин, 1973. С. 61-63; Афанасьев, 1980. С. 21-37].

Системный подход в познании образно можно сравнить с рельсами, определяющими путь, по которому надо пройти, а ситуационный подход соотносим с каждым конкретным шагом на этом пути, который сопровождается непрерывной чередой ожидаемых и непредвиденных обстоятельств [Солодухо, 2005. С. 11]. Когда Карл Ясперс в работе «Духовная ситуация времени» говорит об исторических ситуациях, то он находится в рамках ситуационного подхода и ситуации в первом, широком смысле понимания.

Согласно Т.Г. Лешкевич [2005. С. 178] возможен конкретный, «поштучный» анализ неожиданных, маловероятных, но в силу этого максимально информационно емких событий. Этому способствует такое инновационное средство стратегии научного поиска, как ситуационная детерминация – «*case studies*». Анализ по типу ситуационных исследований предполагает изучение отдельных, особых ситуаций, которые не вписываются в устоявшиеся каноны объяснения. Различают два типа ситуационных исследований: текстуальные и полевые. Преимущества ситуационных исследований проявляются в следующем: содержание системы знания раскрывается в контексте определенного набора условий, кон-

кретных и особых форм жизненных ситуаций, приоткрывая завесу над тайнами реального познавательного процесса.

Ситуационный подход может быть рассмотрен в контексте парных категорий диалектики, таких, как случайность и необходимость, причина и следствие, возможность и действительность и др. Прошлые, т.е. рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы могут обновляться в контекстах большого времени и малого времени [Бахтин, 2000. С. 373].

Н.М. Бучило и И.А. Исаев [2010. С. 370], рассматривая проблему исторической дистанции, «временного отстояния» в интерпретации и понимании, отмечают, что смысл древнего текста определяется не только случайными, индивидуальными моментами, сколько временной, исторической ситуацией, в которой находится интерпретатор. Поэтому смысл текста всегда превышает авторское понимание, а само понимание не только эксплицирует смысл, но и создает новый в новом историческом времени.

Ситуационный подход применим к несистемным и системным объектам: когда система еще не сложилась, когда она возникла и когда система распалась. Например, при изучении темы о закономерностях и особенностях формирования раннеклассовых обществ, их генезисе и путях развития, где отчетливо вырисовывается роль взаимодействия разнообразных факторов в процессе общественного развития. Особенно в узловых ситуациях (состояниях), к числу которых относится и переход от первобытной системы отношений к эксплуататорской. Так, при объяснении происхождения крито-микенской цивилизации были предложены две «альтернативные модели подъема Эгейской цивилизации»: «питательно-редистрибутивная» и «ремесленно-имущественная» [Renfrew, 1972], которые выступают как модели в ретроспективном типе познания. Они, взаимодополняя друг друга, в общих чертах дают представление о сложившейся исторической ситуации и процессе становления цивилизации в Эгеиде.

Ситуационный подход способен учитывать роль совокупности внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на систему, ее функционирование и развитие. Так, раннеклассовые социальные организмы могут возникать как на основе сугубо внутреннего развития (древнейшие цивилизации), так и в условиях контактов с уже сложившимися эксплуататорскими обществами [Павленко, 1989. С. 108]. Отечественными этнологами проанализированы различные типы взаимодействия цивилизационного центра и первобытной периферии [Первобытная периферия..., 1978]. В условиях непосредственных контактов классовых и позднепервобытных обществ наблюдается одна из трех ситуаций: 1) цивилизация непосредственно влияет на граничащие с ней общества финальной стадии первобытности, выступающие в роли ближней или внешней периферии (контакты греков с фракийцами, иллирийцами, скифами, меотами и т.д.; германские и славянские племена на границах Рима и Византии; финно-угорские племена на границах Волжской Булгарии; кочевое и полукочевое население на границах Хазарского кага-

ната и т.д.); 2) цивилизация подчиняет и включает в свой состав позднпервобытные или раннеклассовые этносы, приобретающих статус внутренней периферии, а затем в большинстве случаев и вовсе сходящих с исторической арены в качестве самостоятельных и развивающихся обществ (население многих североафриканских и европейских провинций Римской империи: нумидийцы, мавританцы, иберы, кельты, иллирийцы, фракийцы, даки и др.; население южнокитайских областей, включенных в состав империи Хань и т.д.); 3) успешный натиск варварских народов на переживающую, как правило, в этот момент общий кризис цивилизацию может привести к образованию на территории занятых ими провинций повторной периферии (германское и славянское завоевание областей Римской и Византийской империй, фригийцы на территории разрушенного Хеттского царства, кочевники на берегах Хуанхэ в 4-5 вв. и т.д.) [Павленко, 1989. С. 108-109].

В ряде случаев воздействие цивилизационного центра на позднпервобытную периферию состоит, главным образом, в том, что последняя лишь перенимает некоторые достижения более развитых соседей. Движущими силами их развития являются исключительно внутренние процессы, в какой-то степени активизирующиеся под воздействием внешних стимулов, но не подвергающиеся существенным изменениям с их стороны. Обычно такая ситуация наблюдается там, где в условиях приблизительно одного хозяйственно-культурного типа в соседних, связанных между собой районах происходит постепенный переход к раннеклассовым отношениям, но в различных местах этот процесс протекает не одинаково.

Ситуационный подход применим к результату двух и более взаимодействующих систем, компоненты которых сочетаются случайным образом, не создавая еще новой устойчивой системы или образуя систему нового качества [Солодухо, 2005. С. 11]. В качестве примера можно привести ситуационный подход в науке, сложившийся к началу XXI века во взгляде на ананьинский мир и его окружение [Кузьминых, Чижевский, 2008. С. 29-55].

С помощью ситуационного подхода возможно оценивать внутренние и внешние состояния систем, направленность их процессов, временной и пространственно-границный аспекты любой системы.

Ситуационный подход в контексте современного гуманитарного знания рассмотрен И.В. Голубовичем [2005. С. 15-19]. В наши дни происходит возрастание удельного веса моментов исторических флуктуаций. Это такие ситуации, в которых дальнейшая

судьба системы (истории, культуры, цивилизации) будет зависеть от случайных факторов и от сознательного выбора. Как отметил И.В. Голубович, это обстоятельство вводит в исторический процесс такие моменты, как личная ответственность и моральное поведение его участников. Это позволяет в определенном смысле говорить о становлении ситуационно-исторического сознания как составной части духовного самосознания человека (в том числе и исследователя) современной эпохи [Там же. С. 16]. Поэтому привлекают внимание философов и историков такие темы, как «бытийно-историческая ситуация», «духовная ситуация эпохи», «ситуация человека в мире», «фундаментальная ситуация человека». Вопрос о роли случайных факторов в истории культуры отметил Ю.М. Лотман [1992, С. 224-243]. В определенном смысле можно говорить о становлении ситуационно-исторического сознания как составной части духовного самосознания человека современной эпохи.

Ситуация и событие могут быть рассмотрены как платоновская идея. Событие – это со-бытие, это некое совместное бытие двух соприкасающихся одна с другой реальностей. Древность выступает как самостоятельная архе-реальность, с которой соприкасается и основательно ее исследует коллектив исследователей, для которых исследовательская ситуация является особой реальностью с множеством функций для современной эпохи – гносеологической, аксиологической, воспитательной, охранительно-спасательной и др.

В наши дни особую актуальность приобретает вопрос об охране, исследовании и использовании археологических памятников, которые находятся в разном состоянии, собственности, под угрозой уничтожения или в процессе их уничтожения и т.д. Поэтому важна разработка типологии ситуаций с археологическими памятниками и классификация таких ситуаций. Ситуация выступает как совокупность факторов, определяющих состояние и изменение объекта, это многомерная характеристика объекта, указывающая на обстановку, условия, обстоятельства, «расстановку сил», во власти которых пребывает объект. Носителями этих «сил», задающих общее положение, «судьбу» объекта служат факторы [Солодухо, 2005. С. 5-11]. Полученные материалы могут быть использованы при составлении юридических документов как основы более высокого уровня исследования, охраны, использования в культурной коммуникации и информативность.

Л.Ф. НЕДАШКОВСКИЙ. ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ГОРОДА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ИХ ОКРУГА. М., «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА», 2010, 351 С.

Леонард Федорович Недашковский – крупный, хорошо известный специалистам исследователь золотоордынских древностей. В 1998 г. им была защищена кандидатская диссертация на тему «Золотоордынский город Укек и его округа» [Недашковский, 1998]. Очевидно, это была не рядовая кандидатская работа, а выдающееся научное исследование значительно более высокого ранга. По теме диссертации им были опубликованы две монографии [Недашковский, 2000; Nedashkovsky, 2004]. Одна из них была опубликована в Англии, в престижной серии «British Archaeological Reports». Отмечу, что британские издатели относятся к публикациям российских ученых с большой разборчивостью.

В новой монографии Л.Ф. Недашковского им рассматриваются округа еще трех городских центров – городищ Царевское, Селитренное и Шареный Бугор. Рецензируемая книга явилась основой докторской диссертации ее автора, успешно защищенной в 2011 г. [Недашковский, 2011]. Если исследование округа Укека – плод преимущественно многолетних полевых исследований самого диссертанта, то по отношению к остальным крупным золотоордынским городам им широко используются «чужие» материалы.

Объем монографии впечатляет – 351 с. (более 30 а.л.). Основной текст (246 с.) сопровождают 62 иллюстрации (пять из них, с отдельной нумерацией связаны с текстом приложения) и 19 цветных карт на наклейках. Библиография включает более 700 русскоязычных наименований и 36 на иностранных языках. Автором использованы более 170 единиц архивного хранения.

Текст монографии включает введение, заключение и пять глав: «История развития взглядов на древности Золотой Орды. Археологические исследования крупнейших золотоордынских городищ Нижней Волги и памятников их округа» (с подпунктами «История развития взглядов на золотоордынские древности» и «История изучения крупнейших золотоордынских городищ Нижней Волги и памятников их округа»); «Царевское городище и его округа»; «Селитренное городище и его округа»; «Городище Шареный Бугор и его округа» и «Хозяйство населения Золотой Орды» (с подпунктами «Земледелие, скотоводство и промыслы», «Ремесло» и «Торговля золотоордынского Поволжья»). Главы, посвященные основным рассматриваемым памятникам и их округе, имеют единообразную структуру: «Поселения», «Грунтовые могильники», «Курганы», «Клады монет» (в отдельных случаях выде-

лены также «Местонахождения» и «Отдельные находки монет»). Монография включает приложение, подготовленное А.С. Алешинской и Е.А. Спиридоновой «Заключение по результатам спорово-пыльцевого анализа на золотоордынских поселениях Саратовской области».

Ключевым словом в названии монографии Л.Ф. Недашковского является не слово «город», а слово «округа». Дело в том, что города, наряду с погребальными комплексами, издавна являлись основным объектом исследования золотоордынских древностей. Здесь в первую очередь следует упомянуть Г.А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов, 1973; 1994; 2001; Fyodorov-Davydov, 1984; 2001] и В.Л. Егорова [1973; 1985]. Города Хорезмского оазиса, входившего в состав Золотой Орды исследовались М.Ш. Кдырниязовым [1979, 1989]; монументальное строительство золотоордынских городов – Э.Д. Зиливинской [1991, 2008, 2010]. Крупный вклад в изучение золотоордынского города в последние десятилетия сделан Ю.А. Зеленевым, Л.Т. Яблонским, А.Г. Мухамадиевым и другими. Между тем, изучение рядовых сельских поселений в течение долгого времени оставалось слабым местом всей восточноевропейской средневековой археологии.

Несмотря на господство в науке марксистского учения о примате экономики, поселения рядового земледельческого и скотоводческого населения, практически не изучались или изучались крайне поверхностно и эпизодически. Это вполне объяснимо их относительной бедностью. Если осуществлялись разведки и раскопки подобных памятников, то, скорее, в связи не с проблематикой изучения соответствующего населения, его экономики и культуры, а в целях очерчивания ареалов крупных этнокультурных общностей.

Прорыв в области изучения восточноевропейских поселенческих структур был осуществлен в 1960 г. В.В. Седовым по отношению к сельским поселениям Смоленской земли [Седов, 1960]. Впервые в этом исследовании рассматриваются не разрозненные памятники, а компактная группа поселений в рамках хорошо разведанного микрорегиона. В дальнейшем подобные исследования проводились в разных частях России (Русский Север, Суздальщина), а также на Украине (Поднепровье, Черниговщина). В настоящее время изучение поселенческих структур («Siedlungsarchäologie») является одним из наиболее перспективных направлений средневековой археологии как в России, так и на Западе. Большой научной удачей Л.Ф. Недашковского представляется

ся то, что он сумел объединить в своей диссертации наиболее разработанную городскую проблематику с новаторской (по отношению к материалам Золотой Орды) поселенческой.

Нельзя не отметить, что проблематика золотоордынского города и его округа взята автором далеко не в полном объеме. За пределами его исследования остались города на территории бывшей Волжской Болгарии, Крыма, Азак, загадочный Деяков на Северном Кавказе, Старый Орхей в Молдавии, наконец, города Хорезмского оазиса. Л.Ф. Недашковский фокусирует свое внимание на городах, расположенных в самом сердце Золотой Орды, основанных на волне крупнейших военно-политических успехов с использованием властного ресурса без опоры на хозяйственно-культурные традиции региона.

Возникновение городов на местах бывших кочевий – тема в отечественной археологической историографии не новая. Можно вспомнить работы С.В. Киселева [1965] о древнемонгольских городах и С.А. Плетневой о хазарских [1967]. Работа Л.Ф. Недашковского добавляет к их разработкам много нового и интересного материала.

Пример рассмотренных в монографии городов показывает, что эти «оранжерейные» растения были способны к быстрому и весьма бурному расцвету. Вместе с тем, они оказались нежизнеспособными перед лицом первых серьезных испытаний. Этот феномен представляет исключительный исторический интерес, и, одновременно, придает этим памятникам дополнительные источниковедческие преимущества. В самом деле, крупные города, просуществовавшие менее столетия, представляют собой ценнейший беспримесный материал с предельно узкой датировкой, «моментальный снимок» градостроительных, усадебных и поселенческих структур.

Очевидный провал градостроительных проектов на Нижней Волге, имевших по замыслу большое государствообразующее и цивилизаторское значение, был крупнейшей неудачей золотоордынских ханов и их геополитических замыслов. Любопытно, однако, что и после такого провала Золотая Орда (а затем, с середины XV в., Большая Орда) сохраняет важное военно-политическое значение, в частности, свою власть над Северо-Восточной Русью в течение почти столетнего периода.

Как уже говорилось, Л.Ф. Недашковский охватывает в своей работе не все городские центры Золотой Орды. Между тем, вышеописанный кризис конца XIV в. затронул не все города этого государства. Его благополучно переживают города Крыма (Бахчисарай, Старый Крым), на смену древним городам Волжской Болгарии приходит такой крупный центр как Казань. Не все протекало однозначно и на Нижней Волге, где ко времени русского завоевания сохранился такой важный в военно-политическом отношении город как Астрахань.

Нельзя считать Л.Ф. Недашковского первооткрывателем рядовых памятников в округах золотоордынских городов. Но он на это и не претендует,

всегда с предельной скрупулезностью называя имена своих предшественников. Что же касается комплексного, системного подхода к изучению поселенческих структур, то здесь автор монографии по отношению к золотоордынским памятникам действительно является первооткрывателем.

Отмечу, что в плане полноты историографического раздела работа представляет собой выдающееся явление. Здесь предоставлена даже избыточная, на мой взгляд, информация. Это упоминание работ С.Е. Михальченко, М.М. Крыминой и Л.Л. Галкина, чей вклад в исследование золотоордынских древностей едва ли заслуживает специального упоминания.

Вопросы изучения нижневолжских городов, конечно, не могли быть полностью раскрыты в монографии. Так, весьма любопытно, как могло быть организовано сотрудничество чиновничества крупнейших городов с кочевой ханской ставкой. Имела ли эта ставка свою своеобразную «округу» – малые кочевья-«спутники»?

Разделы монографии, относящиеся к ремеслу и торговле, посвящены проблематике, хорошо освещенной в многочисленных специальных публикациях. Здесь необходимо отметить, что компетенция Л.Ф. Недашковского включает профессиональные навыки в области джучидской нумизматики. Он неоднократно публиковал специальные нумизматические статьи, а также подготовил к печати и опубликовал каталог крупнейшего собрания золотоордынских монет, хранящегося в Саратовском музее [Пырсов, 2002]. Владение нумизматическим материалом чрезвычайно важно для изучения экономической, политической и династической истории Золотой Орды – государства, не оставившего письменной исторической традиции. Разделы книги, посвященные земледелию и скотоводству, заслуживают, по своей комплексности и новизне, самой высокой оценки. Следует отметить, что Л.Ф. Недашковский в своей научной работе постоянно пользуется данными, полученными с помощью новых естественно-научных методов.

Монография Л.Ф. Недашковского, на мой взгляд, с одной стороны успешно решает весьма крупную и важную научную проблему, а с другой – ставит перед исследователями целый ряд новых вопросов. Ее публикация, а также защита связанной с ней диссертации свидетельствуют о том, что в области изучения средневековых золотоордынских древностей появилась фигура крупного масштаба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Егоров В.Л. Золотоордынский город (причины возникновения, историческая география, домостроительство). Автореф. дисс. на соиск. ... к.и.н. М., 1973.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985.

Зиливинская Э.Д. Монументальное строительство в городах Золотой Орды. Автореф. дисс. на соиск. ... к.и.н. М., 1989.

Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань, 2011.

Киселев С.В. Древнемонгольские города. М., 1965.

Кдырниязов М.Ш. Города Хорезма золотоордынского времени. Автореф. дисс. на соиск. ... к.и.н. Нукус, 1979.

Кдырниязов М.Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII-XIV вв. Нукус, 1989.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. Автореф. дисс. на соиск. ... к.и.н. М., 1998.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., 2010.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город и его округа: на материалах Нижнего Поволжья. Автореф. дисс. на соиск. ... д.и.н. Ижевск, 2011.

Плетнева С.А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М., 1967.

Пырсов Ю.Е. Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. Казань, 2002.

Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII-XV вв.) / МИА. № 92. М., 1960.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М., 2001.

Fedorov-Davydov G.A. Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga. München, 1984.

Fedorov-Davydov G.A. The Culture of the Golden Horde Cities / British Archaeological Reports. International Series. 198. Oxford, 1984a.

Nedashkovsky L.F. Ukek: the Golden Horde City and its Periphery / British Archaeological Reports. International Series. 1222. Oxford, 2004.

А.В. Чернецов

Институт археологии РАН, Москва

«О ВРЕМЕНИ СОБИРАТЬ КАМНИ» (к юбилею А.Х. Пшеничнюка)

Ах, иначе в былые года
Колдовала земля с небесами,
Дива дивные зрелись тогда,
Чуда чудные деялись сами...

Николай Гумилев

В чем заключается притягательная сила науки? Почему она может вести человека через всю жизнь, не приедааясь и не надоедая? Видимо тем, что она сродни творчеству... Это познание неведомого и самовыражение через познание. Постоянный круговорот, но такой интересный...

Становление археологической науки в Башкортостане связано с плеядой незаурядных личностей, стоявших у ее истоков. Они были такими разными, но, главное, что они были первыми! Анатолий Харитонович Пшеничнюк – человек именно из этой когорты первопроходцев, превративших древнюю историю Южного Урала из категории мифологической в историческую реальность. За эти десятилетия была составлена общая схема периодизации древней истории региона, выделены основные археологические культуры, более-менее апробированы вопросы хронологии. Конечно, далеко не все проблемы решены, – этого не может быть никогда. Но уже то, что вопросы поставлены, делает региональную археологию полноценной научной дисциплиной. Несмотря на все современные объективные и субъективные трудности, она не стоит на месте, она развивается...

Сейчас уже можно, оглядываясь назад, давать определенные оценки минувшим десятилетиям, и констатировать факт того, что «золотой период» в башкирской археологии прошел. И длился то этот отрезок времени очень недолго – с конца 50-х и до начала 90-х гг. XX века. Но сколько было сделано за эти годы! Полноценное финансирование археологических исследований в последние десятилетия существования Советского государства способствовало подлинному расцвету местной археологии. На базе Башкирского филиала Академии наук СССР создается специализированный отдел археологии. В это же время появляется и успешно развивается археологическое направление в уфимских ВУЗах – в Башгосуниверситете и Башгоспединституте (ныне – Башгоспедуниверситет им. М. Акмуллы). К занятиям археологией в эти годы приступили молодые, полные сил научные сотрудники. Они не были облечены званиями, но обладали целым набором научных амбиций, высокой активностью, полевой выносливостью и преданностью своему делу. Изначально акцент в исследо-

вательской деятельности был сделан на экспедиционные работы.

А.Х. Пшеничнюк поступил на работу в Институт истории, языка и литературы БФАН СССР в июле 1959 г., сразу же после успешного окончания историко-филологического факультета БГУ. Молодой лаборант был привлечен для работы в экспедициях Н.А. Мажитова и М.Х. Садыковой, и свои «полевые университеты» он проходил на таких крупных памятниках (не будет преувеличением назвать их реперными) как Бирский могильник и Старо-Кишкинские курганы. Самостоятельные стационарные исследования памятников археологии А.Х. Пшеничнюк начал с 1961 г., когда его перевели на должность младшего научного сотрудника. Изначально познавательная направленность интересов начинающего ученого была связана с изучением комплексов лесостепного населения раннего железного века. Всю свою жизнь в науке он не менял направленности научной темы, и до сих пор остается ведущим специалистом по эпохе раннего железа в Башкортостане.

В 1964 году А.Х. Пшеничнюк публикует свои первые научные статьи, а в 1968 г. успешно защищает в Москве кандидатскую диссертацию на тему «Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры (кара-абызская культура)». Так усилиями ученого кара-абызская археологическая культура лесостепного населения Южного Урала превращается в одну из самых изученных в регионе. Но чтобы оценить сделанное, давайте посмотрим на то, с чего это все начиналось.

Отдельные памятники кара-абызской культуры были известны с дореволюционного времени: на городищах Кара-Абыз и Уфимском (Чертовом) небольшие раскопки проводились в XIX веке Ф.Д. Нефедовым. Вещи хранятся в ГИМе (Москва), описания раскопок практически не опубликованы. Материалы Охлебнинского могильника получили известность с 1911 г., после небольших исследований Д.Н. Эдинга и В.В. Гольмстен. Инвентарный комплекс поступил на хранение в фонды ГИМа, вещи до сих пор не опубликованы, и вообще мало известны специалистам. Комплексы Уфимского могильника из раскопок В.В. Гольмстен также оказались в Москве. На других памятниках кара-абызской куль-

туры раскопки вовсе не проводились. Интересные и представительные материалы были получены А.В. Шмидтом в ходе раскопок 1928 г. на городище Кара-Абыз. Вещевые комплексы в основном попали в Ленинград и только небольшая их часть передана на хранение в Уфимский музей краеведения (ныне – Национальный музей Республики Башкортостан). В годы войны и при создании различных экспозиций в Уфимском музее часть вещевых комплексов была депаспортизирована. Однако, в 20-40-е годы прошлого столетия башкирские краеведы (М.С. Смирнов, М.И. Касьянов, П.Ф. Ищериков и др.) сумели собрать достаточно представительную коллекцию керамики на территории селищ и городищ (Воронки и др.). Краеведы успели зарисовать типы керамики из этих сборов, но таблицы так и не были опубликованы. Пополнение источниковой базы произошло в 1953-1956 гг., когда под руководством А.В. Збруевой стационарные исследования городищ в Гафурийском районе проводили Г.В. Юсупов и Т.Н. Троицкая. Позднее эти полевые материалы в значительной степени были введены в научный оборот.

Первые попытки систематизации материалов эпохи раннего железа центральной Башкирии предприняли сотрудники украинской Академии наук, эвакуированные в Уфу в годы Отечественной войны. Но, обрабатывая совершенно незнакомый материал, Е.Ф. Лагодовская и Д.И. Блитель допустили массу досадных (хотя и объяснимых) фактологических, хронологических и интерпретационных ошибок. Их диссертации сейчас представляют интерес разве что для историографов. Позднее А.В. Збруева частично использовала эти материалы в своей работе «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху», но она рассматривала комплексы Средней Белой лишь в контексте собственных представлений о генезисе ананьинской культуры, т.е. они имели для исследователя исключительно подчиненное значение.

Еще ранее А.В. Шмидт высказал мысль о необходимости выделения в Башкортостане особой «уфимской культуры», но подробно обосновать свои выводы он не успел и этот термин не прижился в региональной науке. Насколько медленно продвигалось вплоть до конца 50-х гг. XX в., даже не изучение, а простое накопление кара-абызских материалов, можно проследить на примере обобщения археологической фактологии, предпринятой А.П. Смирновым. Он собрал в своей известной статье «Железный век Башкирии» все существующие на тот день точки зрения. В работе он употреблял термин уфимская или кара-абызская культура, а в остальном полностью следовал сказанному А.В. Шмидтом и А.В. Збруевой. Вот, пожалуй, и все, с чего А.Х. Пшеничнюку пришлось начинать свою работу.

И как в таких условиях получить достаточное пополнение источниковой базы, чтобы она, в свою очередь, стала основой для аргументированных решений научных вопросов? Ответ вроде бы прост – нужны масштабные экспедиционные работы, нужно активно копать и оперативно обрабатывать полученный материал. Именно так поступил Анатолий Ха-

ритонович в 60-70-е годы XX века. Но это сказать легко, на деле ему приходилось решать множество объективных и субъективных проблем.

Для стационарных исследований были выбраны самые крупные и самые значимые (опорные) памятники в центре Башкортостана: Охлебининские могильник и городище, Шиповские могильник и городище, Биктимировские могильники и городище. Количество погребений, вскрываемых за один сезон А.Х. Пшеничнюком, превышало несколько десятков. Названные некрополи являются огромными памятниками, Охлебининский могильник вообще считается самым крупным древним кладбищем Восточной Европы. В таких условиях исследователю приходилось разбивать раскопы в разных концах памятника, чтобы составить хоть какое-то целостное представление о топографии и хронологии захоронений. По завершению полевого сезона каждое погребение нужно было описать, зарисовать, вставить в научный отчет. И так много лет подряд! Не каждый археолог способен к выполнению таких объемов организационных, хозяйственных, научных и научно-технических работ. Не случайно считается, что Анатолий Харитонович многие годы вскрывал больше всех погребений за один сезон на всем Южном Урале.

Понятно, что трудностей хватало. Но научные обобщения А.Х. Пшеничнюка всегда отличались строгой аргументированностью, убедительностью доводов, наглядной фактологией. Поэтому мы имеем все основания считать кара-абызскую культуру лесостепной зоны башкирского Предуралья одной из наиболее изученных археологических реалий IV в. до н.э. – IV в. н.э. А.Х. Пшеничнюк систематизировал вещевой комплекс, разработал для культуры хронологические критерии, создал периодизацию, высказал свои точки зрения на этническую принадлежность, степень развития социальных отношений и исторические судьбы лесостепного населения эпохи раннего железа. До сих пор выводы исследователя являются базовыми в деле изучения этой культуры в целом, они не подверглись ревизии и даже уточнялись в самой минимальной степени.

Мы не будем сейчас рассматривать периодизацию культуры, не станем приводить ее основные археологические характеристики. Пользуясь моментом, мы отсылаем заинтересованного читателя к работам юбиляра. В его аналитических статьях и обобщающих работах содержатся ответы на многие вопросы истории такого значимого социума, каким были носители кара-абызской культуры: искусные металлурги, умелые скотоводы, создатели и ценители высокого и оригинального искусства. К слову сказать, читая статьи А.Х. Пшеничнюка, читатель легко убедится в том, что, акцентируя внимание на его успехах, мы не сильно преувеличили реальные заслуги исследователя.

Однако, несмотря на несомненные достижения А.Х. Пшеничнюка в деле изучения кара-абызской культуры, если быть вполне объективными, у нас нет твердой уверенности в том, что его имя имело бы такую же известность в научных кругах нашей стра-

ны, какую оно имеет сейчас. Все дело в том, что кара-абызская культура получила распространение лишь в центральном Башкортостане, не выходя за его пределы. В сопредельных областях изучением близких по типу и хронологии материалов занимается не так уж много специалистов. Но Анатолий Харитонович также успел внести свой вклад в изучение проблем степного номадизма эпохи раннего железа. Древности скифо-сарматского времени распространены на огромной территории Великого пояса степей Евразии, как у нас говорится, от Алтая до Дуная. Отсюда – широкий интерес исследователей к древностям ираноязычных кочевников.

С конца 50-х годов XX века в ИИЯЛ БФАН СССР изучение сарматских древностей было поручено М.Х. Садыковой. К началу 60-х гг. она исследовала несколько савроматских курганов на юге Башкирии и продолжила раскопки (после работ 1934 г. П.А. Дмитриева) Старо-Кишишских курганов. В 1965 г. она защитила диссертацию «Сарматы на территории Башкирии», но уволилась из института. Так «сарматская» тема в республике оказалась практически «бесхозной». Однако к этому времени живой интерес к погребениям сарматов проявил А.Х. Пшеничнюк. Все дело здесь было в том, что он прекрасно понимал – кара-абызские племена находились под сильным влиянием степных скотоводов. Сарматские курганы (Бишунгаровский могильник) располагались в непосредственной близости от Охлебининского и Шиповского могильников, на левом (южном) берегу р. Белая. А потом, с конца 1960-х гг., сарматские погребения стали для молодого исследователя такой же важной частью его научных интересов, как и древности лесостепных племен.

К этому времени изучение курганов раннего железного века в Башкортостане нельзя было назвать благополучным. Работы М.С. Смирнова (хутор Веселый, Баймово, Ивановское) в 20-е гг. и П.А. Дмитриева (хутор Кашкара, Старые Кишки) в 30-е годы XX века положили начало изучению степных кочевников. Потом проводились полевые исследования М.Х. Садыковой. В 60-70-е годы серию сарматских курганов раскопал Н.А. Мажитов. Но в научный оборот была введена лишь часть этих комплексов, а научные обобщения не были проведены вовсе. Ситуация резко меняется в 1970-е годы, когда А.Х. Пшеничнюк анализирует и публикует комплексы сарматского времени, в том числе и раскопанные краеведами (Темясово). Помимо захоронений в Предуралье, достоянием науки становятся интересные памятники зауральских степняков (Альмухаметово, Сибай, Ивановка, Комсомол, Булатово, Бекешево и т.д.). Значительной вехой в изучении сарматских древностей Башкортостана стал выход из печати монографии «Культура ранних кочевников Южного Урала» (1983 г.), сразу же попавшей в разряд важнейших исследований по археологии Южного Урала. Эта книга и в наши дни не утратила своего научного значения.

С годами научный интерес вел Анатолия Харитоновича все дальше в глубь степей. В 80-е годы XX в. он уже копает курганы в Оренбуржье (Красный Яр), что объективно подвело его к исследова-

нию огромных Филипповских курганов прохоровской культуры. Сейчас можно прямо утверждать, что А.Х. Пшеничнюк шел к своему главному открытию всю свою жизнь. Раскопки в 1980-х годах Филипповских курганов и открытие «филипповского» золота сделали его имя известным не только в нашей стране, но и за рубежом. Золото «царских» курганов Оренбуржья стало одним из важнейших открытий советской и российской археологии за все время существования отечественной науки. Время идет, а блеск выдающегося открытия не меркнет. В этом году с филипповской коллекцией ознакомился президент России Д.А. Медведев, а еще ранее выставки сарматского золота проходили в Санкт-Петербурге (Эрмитаж), Москве (ГИМ), Нью-Йорке (Метрополитен-музей), Неаполе. Однако, до сих пор не изданы давно подготовленные автором полный каталог и альбом уникальных находок. И здесь можно только сказать – к сожалению, не изданы, ведь время идет немолимо...

В экспедициях А.Х. Пшеничнюка работали многие известные археологи нашей страны, особенно тесные, дружеские отношения у него сложились с Б.Ф. Железниковым (Волгоград). В этих экспедициях набирались ума-разума кандидаты наук И.М. Акбулатов, В.Н. Васильев и др. Юбиляр и сейчас активно сотрудничает с молодыми исследователями – Н.С. Савельевым, С.Э. Зубовым и др.

Все что говорилось выше, касается главным образом, полевых работ и научных достижений юбиляра. Но на этом вклад А.Х. Пшеничнюка в развитие башкирской археологии не исчерпывается. Он принимал самое непосредственное участие в подготовке одного из первых региональных реестров археологических памятников в нашей стране – «Археологической карты Башкирии» (издана в 1976 г.). Велика заслуга юбиляра в создании первого во всем регионе специализированного Музея археологии в г. Уфа. А, кроме того, можно много говорить о том, каким заведующим отделом археологии был А.Х. Пшеничнюк. Он занял эту должность в 1979 г., когда ИИЯЛ входил в состав Башкирского филиала АН СССР. В последующие годы он многократно переизбирался на данный пост, хотя институт менял за эти годы свое название и свою ведомственную подчиненность (ИИЯЛ БНЦ УрО РАН, ИИЯЛ УНЦ РАН). Я могу определенно говорить о том, что отдел археологии выжил в смутные времена 90-х годов прошлого века, в большой степени благодаря организаторским способностям, твердости, такту и огромному терпению А.Х. Пшеничнюка. Это его несомненная заслуга в том, что мелкие дрызги, во многом продиктованные безысходностью ситуации в науке, да и во всей стране, не привели к разладу. Он учил нас тому, что любимая работа может и должна вести нас по жизни даже в трудные моменты. Отдел продолжал свою работу, преодолевая трудности, и, может быть поэтому, сохранился как коллектив единомышленников до наших дней. Пенсионный возраст заставил А.Х. Пшеничнюка оставить пост заведующего отделом, но не помешал ему продолжать заниматься археологией.

Анатолий Харитонович Пшеничнюк пользуется в среде своих коллег большим уважением. И здесь причины доброго отношения людей связаны уже не только, и не столько с его научными достижениями, больше – с его человеческими качествами. Он всем известен своей прямоотой и бескомпромиссностью. И вовсе не любимая профессия формирует прямооту и честность характера. Это уже зависит от самого

человека, от его личных качеств и воспитания. Согласитесь, для каждого очень важно на склоне лет знать, что к тебе относятся как к хозяину своего слова, как к мужчине. Украинец по национальности, А.Х. Пшеничнюк родился на башкирской земле, всю жизнь трудился в интересах башкирской археологии, и до сих пор успешно работает на благо всего многонационального народа Башкортостана...

Г.Н. Гарустович

Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН

РЕЗОЛЮЦИЯ XVIII УРАЛЬСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ (Уфа, Башгоспедуниверситет, 11-16 октября 2010 г.)

RESOLUTION OF THE XVIIIth URALS ARCHAEOLOGICAL CONFERENCE (Ufa, Bashkir State pedagogical university, October 11-16, 2010)

*Принята общим собранием участников 15 октября 2010 г.
Заключительное пленарное заседание*

11-16 октября 2010 г. на базе БГПУ им. М. Акмуллы при финансовой поддержке проекта РГНФ № 10-01-14004г. проходило XVIII УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ: культурные области, археологические культуры, хронология. В работе форума приняли участие 123 человека, представлявшие 20 научных центров России (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Самара, Пермь, Ижевск, Екатеринбург, Челябинск, Оренбург, Уфа и др.) и 50 различных организаций (представители ВУЗов – 52,8%, институтов РАН – 25,2%, музеев – 6,5%, органов охраны культурного наследия – 2,4%, представители прочих, в т.ч. и профильных, организаций – 8,1% от числа участников). Также в работе XVIII УАС участвовали археологи из Германии, Венгрии, Норвегии, Казахстана и Украины.

Всего за время работы научного форума было заслушано 97 докладов, из них 16 – пленарных и 81 секционный. Пленарные заседания проходили 12 и 15 октября, на них были представлены доклады, касающиеся общих проблем археологии. С 13 по 15 октября проводились заседания по 3 секциям:

1. «Достижения и проблемы археологии эпохи камня и бронзы Урало-Поволжья и сопредельных территорий».

2. «Достижения и проблемы эпохи раннего железа и эпохи Великого переселения народов Урало-Поволжья и сопредельных территорий».

3. «Достижения и проблемы археологии эпохи средневековья Урало-Поволжья и сопредельных территорий».

В ходе работы, 14 октября 2010 г., участники XVIII УАС посетили экспозицию Национального музея РБ и место раскопок на городище Уфа-II.

ОБЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ СОВЕЩАНИЯ

Секция «Достижения и проблемы археологии эпохи камня и бронзы Урало-Поволжья и сопредельных территорий»

Всего представлено 24 доклада по различным проблемам эпохи камня и бронзы. Доклады посвящены анализу материалов с вновь раскопанных памятников эпох неолита-энеолита Южного и Среднего Ура-

ла; один доклад – анализу памятников эпохи бронзы. В ряде докладов обсуждалась типология жилых сооружений Волго-Камья эпохи раннего металла. Большой резонанс вызвал доклад о результатах применения метода магнитометрии в исследовании памятников эпохи бронзы. Были прочитаны также доклады, связанные с характеристикой орнаментально-морфологических особенностей керамических комплексов ряда культур эпох неолита и бронзы. На основе этого предложены системы относительной хронологии культур Волго-Уральского региона. Подняты проблемы абсолютной хронологии памятников эпох неолита и энеолита и, на основе их анализа, – вопросы появления древнейших металлоносных памятников и синхронизации культур Урала и их контактов. Состоялась расширенная презентация международных (российско-германских) междисциплинарных исследований на укрепленном поселении Ольгино (Каменный Амбар) на Южном Урале (Челябинская обл.).

Секция «Достижения и проблемы эпохи раннего железа и эпохи Великого переселения народов Урало-Поволжья и сопредельных территорий»

Секция работа 3 дня. Всего в 5 секционных заседаниях приняло участие более 40 человек, было заслушано 22 научных доклада. Докладчики представляли 10 научных центров из России (Казань, Самара, Орск, Стерлитамак, Ижевск, Тюмень, Пермь, Новокузнецк, Москва, Уфа), также с докладами выступили представители Германии (Бонн, Институт переднеазиатской археологии Свободного университета Берлина) и Казахстана (Уральск, Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии). Все доклады представляют значительный научный интерес, следствием чему была оживленная дискуссия, проходившая как в течение секционных заседаний, так и при завершении работы секции.

Большинство представленных докладов было посвящено методике и практике источниковедческих исследований по различным категориям инвентаря, анализу памятников переходных периодов и построению на этой основе этнокультурных реконструкций, а также развернутому анализу импортов и их археологическому контексту.

Секция «Достижения и проблемы археологии эпохи средневековья Урало-Поволжья и сопредельных территорий»

В трехдневных заседаниях секции принимало участие 47 человек, заслушано 35 научных докладов и сообщений. Основная масса докладов была посвящена обобщению больших массивов материалов, полученных исследователями средневековых памятников за последние годы. Шесть докладов освещали различные вопросы археологии Золотой Орды, в трех докладах рассматривались проблемы средневекового декоративно-прикладного искусства, три доклада были посвящены вопросам металлургического производства на разных территориях Урало-Поволжья. Интерес вызвали выступления, посвященные «археологии детства», а также интерпретациям археологического материала методами компьютерного моделирования и статистическими методами.

Участники секции считают своим долгом особо отметить доклады, посвященные промежуточным итогам археологических исследований интереснейшего объекта – городища Уфа-II – археологического «островка» в современном центре миллионной Уфы. Интенсивные и обширные исследования этого объекта, возможное строительство на его территории музейного комплекса должны актуализировать историко-культурное наследие в социальной практике горожан и дать городу новый интересный научно-туристический объект.

XVIII УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ, являющееся одним из крупнейших и старейших научных форумов России ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Провести XIX Уральское археологическое совещание в 2013 году на базе Института истории, языка и литературы Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар).

2. Придать в дальнейшем Уральскому археологическому совещанию статус Всероссийской научной конференции с международным участием.

3. Для качественного обновления проблематики Уральского археологического совещания ввести в практику совещаний обсуждение базовой научной проблемы; рекомендовать Оргкомитету XIX УАС тему «Проблема переходных эпох в археологии».

4. Ввести в практику проведения пленарных заседаний Уральского археологического совещания организацию заказных докладов по истории уральской археологической науки, а также проведение круглых столов по истории археологии Волго-Уралья.

5. Ввести в практику Уральских археологических совещаний награждение Почетными грамотами Оргкомитета коллег, внесших значительный личный вклад в исследования Уральского региона.

6. Наградить Почетной грамотой Оргкомитета XVIII УАС старейших уральских археологов

– к.и.н. Валентину Деметьяновну Викторову (Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО

РАН) – за многолетние и плодотворные исследования лесной зоны Среднего Зауралья;

- д.и.н. Елену Ефимовну Кузьмину (Москва, Институт культурологии МК РФ) – за многолетние и плодотворные исследования культур эпохи бронзы Евразийского пояса степей.

7. Направить от имени Оргкомитета XVIII УАС рекомендацию в дирекцию и Ученый совет Института археологии РАН о поддержке проекта проведения полевой школы по экспериментальному изучению древнего гончарства, которая в течение 20 лет регулярно проводится на базе Самарской керамической экспедиции и в которой участвуют молодые исследователи Урало-Поволжья.

8. Считать крайне необходимым введение координации всех научных, хозяйственных, реставрационных работ в пещере Шульган-Таш (Каповой) и на прилегающей территории через Координационный научный совет по пещере Шульган-Таш, действующий на базе УНЦ РАН.

9. Просить Российскую академию наук и Правительство РБ утвердить разработанную Уфимским научным центром Комплексную программу исследования пещеры и обеспечить ее необходимым финансированием со стороны Президиума РАН, Президиума УНЦ РАН, Правительства Российской Федерации и Республики Башкортостан.

10. Считать необходимым создание на базе городища Уфа-II и Уфимского кремля Музея археологии и истории города Уфы с выведением территории данных памятников в особую рекреационную зону.

11. Не подвергая сомнению высокую научную значимость городища Уфа-II, участников XVIII Уральского археологического совещания настораживает ажиотаж, поднятый средствами массовой информации и частью общественности Республики Башкортостан, вокруг идеи отождествления данного памятника с так называемым «городом Башкорт». Совершенно определенно признавая городище ярким и по-своему уникальным археологическим объектом на территории республики (хорошая сохранность культурного слоя, его насыщенность материалом, информативность, степень археологической изученности и пр.), археологи Урала и Поволжья считают данные заключения преждевременными и обращают внимание исследователей этого памятника на необходимость более глубокого и развернутого источниковедческого анализа полученного материала.

12. Просить Правительство Российской Федерации:

- возродить должности инспекторов по охране памятников на уровне муниципальных районов субъектов Российской Федерации для осуществления должного контроля за сохранностью культурного наследия на местах;

- в связи с все более возрастающими темпами разграбления памятников, решить вопрос об усилении административной и уголовной ответственности за разрушение археологических объектов, в т.ч. и с помощью металлодетекторов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Академия ВЭГУ	–	Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, Уфа
АКБ	–	Археологическая карта Башкирии. М.
АО	–	Археологические открытия. М.
АПБ	–	Археологические памятники Башкортостана. Уфа
АПО	–	Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург
АЭБ	–	Археология и этнография Башкирии. Уфа
ВА	–	Вопросы антропологии. М.
ВАУ	–	Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВкА	–	Вестник антропологии. М.
ГАПК	–	Государственный архив Пермского края
ГИМ	–	Государственный Исторический музей
ДАЗ	–	Донецкий археологичний збірник. Донецьк
ИА РАН	–	Институт археологии РАН
ИАК	–	Известия Археологической комиссии. Пг.
ИИАЭ МН-АН РК	–	Институт истории, археологии и этнографии Министерства науки – Академии Наук Республики Казахстан, Алматы
ИИЯЛ БФАН СССР	–	Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАР	–	Материалы по археологии России
МДАСУ	–	Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
МОН РК	–	Министерство образования и науки Республики Казахстан
НА ИА НАНУ	–	Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Киев
НАВ	–	Нижеволжский археологический вестник, Волгоград
НПЦ МК РБ	–	Научно-производственный центр по сохранению и использованию объектов культурного наследия Министерства культуры РБ
ПАВ	–	Петербургский археологический вестник. СПб.
ПППУ	–	Пермский государственный педагогический университет
РА	–	Российская археология
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
ТИЭ	–	Труды Института этнографии
УАВ	–	Уфимский археологический вестник, Уфа
УНЦ РАН	–	Уфимский научный центр РАН
УрО РАН	–	Уральское отделение РАН
ЦГА УР	–	Центральный государственный архив Удмуртской республики
ESA	–	Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<i>Ахметова Е.А.</i>	Институт этнологических исследований Уфимского научного центра РАН – Научно-исследовательский центр «Наследие» (Уфа)
<i>Ванюшева К.В.</i>	Удмуртский государственный университет (Ижевск)
<i>Вострикова Т.П.</i>	Пермский государственный педагогический университет (Пермь)
<i>Гарустович Г.Н.</i>	к.и.н., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Уфа)
<i>Гуцалов С.Ю.</i>	к.и.н., Орский гуманитарно-технологический институт (г. Орск, Оренбургская обл.)
<i>Денисов И.В.</i>	Государственная педагогическая академия (Стерлитамак, Республика Башкортостан)
<i>Епимахов А.В.</i>	к.и.н., Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
<i>Зайков В.В.</i>	д.г.-м.н., Институт минералогии Уральского отделения РАН (г. Миасс, Челябинская обл.)
<i>Зайкова Е.В.</i>	Институт минералогии Уральского отделения РАН (г. Миасс, Челябинская обл.)
<i>Зданович Д.Г.</i>	к.и.н., Челябинский государственный университет (Челябинск)
<i>Зыков А.П.</i>	к.и.н., Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)
<i>Исмагил Р. (Исмагилов Р.Б.)</i>	к.и.н., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Уфа)
<i>Казиков Е.П.</i>	д.и.н., Национальный центр археологических исследований Академии наук Республики Татарстан (Казань)
<i>Котляров В.А.</i>	Институт минералогии Уральского отделения РАН (г. Миасс, Челябинская обл.)
<i>Котов В.Г.</i>	к.и.н., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Уфа)
<i>Кочнев А.В.</i>	Уральский государственный университет (Екатеринбург)
<i>Куфтерин В.В.</i>	Башкирский государственный педагогический университет (Уфа)
<i>Макаров Л.Д.</i>	д.и.н., Удмуртский государственный университет (Ижевск)
<i>Монахова Е.А.</i>	Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)
<i>Овсянников В.В.</i>	к.и.н., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Уфа)
<i>Попов П.В.</i>	Департамент культурного наследия Астраханской области
<i>Рафикова Т.Н.</i>	Институт гуманитарных исследований Тюменского государственного университета (Тюмень)

<i>Руденко К.А.</i>	д.и.н., Институт истории Академии наук Республики Татарстан (Казань)
<i>Савельев Н.С.</i>	к.и.н., Научно-исследовательский центр «Наследие» (Уфа)
<i>Сарапулов А.Н.</i>	Пермский государственный педагогический университет (Пермь)
<i>Сериков Ю.Б.</i>	д.и.н., Государственная социально-педагогическая академия (г. Нижний Тагил, Свердловская обл.)
<i>Сиротин С.В.</i>	к.и.н., Государственная педагогическая академия (Стерлитамак, Республика Башкортостан)
<i>Султанова А.Н.</i>	к.и.н., Башкирский государственный университет (Уфа)
<i>Тагиров Ф.М.</i>	ООО «Тандэм» (Уфа)
<i>Таиров А.Д.</i>	д.и.н., Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
<i>Ткачев В.В.</i>	к.и.н., Орский гуманитарно-технологический институт (г. Орск, Оренбургская обл.)
<i>Федоров В.К.</i>	к.и.н., Академия ВЭГУ (Уфа)
<i>Шутелева И.А.</i>	к.и.н., Башкирский государственный педагогический университет (Уфа)
<i>Щербаков Н.Б.</i>	к.и.н., Башкирский государственный педагогический университет (Уфа)
<i>Чернецов А.В.</i>	д.и.н., Институт археологии РАН (Москва)
<i>Юминов А.М.</i>	Институт минералогии Уральского отделения РАН (г. Миасс, Челябинская обл.)